

— Тайна! Въ такомъ случаѣ, я не смѣю настаивать.

— У меня отъ васъ нѣтъ тайнъ...

— Но тогда, зачѣмъ же вы что-то скрываете?

Миссъ Роза на минуту задумалась и потомъ сказала:

— Дайте мнѣ честное слово, что если я вамъ признаюсь, вы останетесь со мною въ прежнихъ отношеніяхъ.

— Неужели вы можете въ этомъ сомнѣваться?— воскликнулъ Янъ. — Если вы кого нибудь любите, то неужели вы должны скрывать это отъ меня? Быть можетъ, вы предполагаете, что я тайно люблю васъ? Не правда-ли? Неужели вы думаете, что своимъ признаніемъ въ любви къ кому-нибудь другому оттолкнете меня отъ себя? О, миссъ Роза, какъ вы меня плохо знаете! Неужели я осмѣлюсь любить васъ и злоупотреблю вашимъ довѣріемъ ко мнѣ, неужели въ моихъ отношеніяхъ къ вамъ вы подмѣтили какой нибудь визменный расчетъ? Если вы такъ думаете, то горько ошибаетесь. Клянусь вамъ во имя всего святого, что братъ не любить васъ болѣе и чище, чѣмъ я.

Услышавъ эти слова, высказанныя съ столь искреннимъ энтузіазмомъ, миссъ Роза упала на кушетку и закрыла лицо руками. Признаніе Яна поразило ее.

— Что это такое?—черезъ минуту спросилъ художникъ. — Вы не хотите мнѣ отвѣтить? Вы сердитесь? Вы сомнѣваетесь? Англичанка плакала.

— Ради Бога! я обезумѣю!—воскликнулъ онъ. — Объясните мнѣ, умоляю васъ...

— Вотъ въ этомъ мое несчастье, что вы не можете меня понять,—плача и падая къ его ногамъ, сказала миссъ Роза. — Вы не понимаете того, что я васъ люблю, что вы меня убиваете, не понимаете, что я хочу быть вашей, что вы для меня все, что я безъ васъ, какъ тѣло безъ души!

Янъ въ изумленіи слушалъ, потомъ на минуту задумался, вздрогнулъ и направился къ дверямъ.

Роза подбѣжала къ нему, и, схвативъ его за руку, воскликнула:

— Вы дали слово, что что-бы я ни сказала, наши отношенія отъ этого не измѣнятся. Вы мнѣ дали слово, такъ помните же! Не уходите, такъ какъ я умру. Янъ, дорогой

мой! Не уходите, не оставляйте меня одну. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы остались. Забудьте, если можете, все, что я вамъ говорила; я буду весела, спокойна, только не уходите отъ меня. Чего вы хотите? Улыбки, веселья, пѣвнѣ? Для васъ я притворюсь веселой, радостной, спою вамъ пѣсню, хотя бы сердце мое разрывалось на части, только не оставляйте меня, такъ какъ, даю вамъ честное слово, что если вы уйдете, я умру. Я не стану ждать смерти, но пойду сама ей навстрѣчу. Да, я умру!

Послѣ этой сцены Янъ остался, но ни красота Розы, ни даже ея признаніе не возбудили въ его сердцѣ той любви, какой она желала. Онъ любилъ ее, какъ братъ. Миссъ Кромби надѣялась, что въ немъ должна зародиться любовь, ждала ее, по временамъ ей казалось, что это чувство уже возникаетъ, то радовалась, то потомъ снова приходила въ отчаяніе.

— Если бы я знала, что онъ кого-нибудь любитъ, — говорила она про себя — я пошла-бы къ ней и убила-бы ее. Но онъ никого не любитъ; быть можетъ, въ немъ осталось какое-нибудь воспоминаніе... что самое опасное, такъ какъ никакія чары не въ силахъ его уничтожить. Подожду, быть можетъ, время тутъ поможетъ.

Такъ проходили мѣсяцы. Жизнь Яна не измѣнилась; напрасно онъ пытался уйти отсюда и скрыться: его не пускали, за нимъ тщательно слѣдили. Наконецъ, изъ Неаполя пріѣхалъ братъ миссъ Розы, но нисколько не удивился, заставъ въ своемъ домѣ гостя. Въ теченіе двухъ вечеровъ онъ рассказывалъ о своемъ путешествіи, а на третій уѣхалъ въ Сицилію, снова оставивъ ихъ однихъ.

Янъ много читалъ, но тѣ сочиненія, которыя онъ находилъ въ библіотекѣ, не нравились ему, такъ какъ въ нихъ подъ предлогомъ борьбы съ старыми предрассудками, уничтожалась поэзія жизни. Помимо чтенія онъ усиленно занимался живописью и все болѣе и болѣе совершенствовался въ этомъ искусствѣ. Лонди чистосердечно заявилъ Яну, что у современныхъ мастеровъ ему болѣе нечему научиться. Постоянное изученіе величайшихъ произведеній искусства, замѣчательно развило въ немъ вкусъ и удивительное пониманіе истинныхъ красотъ.

Миссъ Роза забросила живопись. Послѣ той сцены,

уже болѣе не говорила съ Яномъ о любви, сдѣлалась съ виду холодной, гордой, насмѣшливой, но въ ея то грустныхъ, то сверкающихъ огнемъ глазахъ можно было видѣть сильное, скрытое въ глубинѣ души чувство. Часто она до изнеможенія каталась верхомъ по окрестностямъ, искала сильныхъ, потрясающихъ впечатлѣній, то всецѣло отдавалась чтенію любимыхъ авторовъ, но, увы, нигдѣ не находила лѣкарства отъ своей болѣзни. Яну казалось, что единственнымъ спасительнымъ средствомъ можетъ быть разлука, и хотя миссъ часто напоминала ему о данномъ словѣ, онъ рѣшилъ раньше или позже уйти. И вотъ однажды вечеромъ Янъ незамѣтно вышелъ изъ своей комнаты, съ тѣмъ, чтобы никогда уже не вернуться. Въ душѣ у него была страшная, невыносимая тоска. Въ ту минуту, когда онъ съ волненіемъ спускался по лѣстницѣ, ему казалось, что никто не знаетъ о его намѣреніи. Но едва художникъ вышелъ изъ воротъ дворца, какъ вдругъ изъ окна послышался голосъ Розы: Addio.

Онъ поднялъ голову.

— Вы идете, — ласково сказала она, — уходите навсегда, оставляете меня. Я васъ болѣе не удерживаю. Будьте здоровы и болѣе счастливы, чѣмъ я.

Окно быстро закрылось.

Янъ положительно не зналъ, что дѣлать: вернуться или бѣжать?

— Впрочемъ, — сказалъ онъ про себя, — она прощается со мной спокойно, не удерживаетъ меня, слѣдовательно, сила этой несчастной страсти угасла, она забудетъ, а время уничтожитъ воспоминаніе.

Художникъ вздохнулъ и ушелъ.

Но на слѣдующій день имъ овладѣла какая-то тревога, въ душѣ его какъ-бы зарождалась привязанность, ему хотѣлось видѣть ее, вернуться къ ней, голова горѣла какъ въ огнѣ и онъ безпрестанно спрашивалъ самого себя: любить-ли онъ ее теперь. Быть можетъ, онъ уже ее любилъ, но силой воли удерживалъ себя, чтобы не вернуться. Такъ прошла недѣля. Но вотъ однажды вечеромъ послышался звонокъ, потомъ чьи-то шаги.... дверь раскрылась и въ комнату вошелъ Артуръ съ небольшимъ ящикомъ въ рукахъ. Онъ холодно поклонился,

молча поставилъ ящикъ на столъ, вынулъ изъ бокового кармана какую-то бумагу и подалъ ее художнику.

Это было завѣщаніе миссъ Розы.

— Что это такое? — съ волненіемъ воскликнулъ Янъ.

— Что?.. Последняя воля покойной.

— Покойной?!

— Да, она бросилась въ Тибръ и.... утонула, — съ виду спокойно, — сказалъ сэръ Артуръ.

— Когда?

— О! вотъ уже скоро недѣля, какъ сестра моя покончила жизнь самоубійствомъ. Вы не знаете, *per Baccho!* не знаете! вы! а это не дурно! *Cospetto!* не знаете! а между тѣмъ она вамъ завѣщала очень солидное состояніе въ старой Англіи.

— Она? мнѣ?

— Да, именно вамъ! Читайте, впрочемъ, и постепенно вы все узнаете, — сказалъ сэръ Артуръ, усаживаясь въ кресло.

Янъ взялъ бумагу, пробѣжалъ ее глазами и черезъ минуту упалъ безъ чувствъ на кровать.

Англичанинъ довольно неловко облилъ ему лицо водой, и, взявъ за руку, сказалъ:

— Господинъ художникъ, очнитесь! Вы слишкомъ поздно выказываете свое сочувствіе. Встаньте, мнѣ надо съ вами объясниться.

Янъ открылъ глаза и воскликнулъ:

— Умерла изъ за меня....

Въ ту-же минуту слезы хлынули у него изъ глазъ.

— Да умерла изъ-за васъ, — опять съ виду равнодушно проговорилъ Артуръ, — и завѣщала вамъ солидное состояніе, доставшееся ей послѣ матери и тетки. Это, конечно, дѣло моей сестры; но кто мнѣ отвѣтитъ за ея смерть? У меня была одна только сестра и я искренно ее любилъ. Да! я любилъ ее такъ, какъ только возможно любить единственное существо, привязывающее насъ къ жизни. Теперь у меня нѣтъ никого. Теперь, быть можетъ, вамъ будетъ понятно, если я скажу, что одинъ изъ насъ долженъ умереть, и потому мы будемъ стрѣляться. Да, дуэль должна кончиться смертью одного изъ насъ.

Художникъ невольно вздрогнулъ.

— Вы боитесь?—спросилъ англичанинъ, и тѣмъ не менѣе повторяю, дуэль неизбежна. Мы будемъ стрѣляться возлѣ самой могилы покойной Розы, которую я велѣлъ похоронить на кладбищѣ святого Каллиста, расположенномъ надъ тѣми катакомбами, которыя мы, къ нашему несчастью, вмѣстѣ съ вами осматривали. А чтобы вы не подумали, что я желаю васъ убить съ цѣлью отнять доставшееся вамъ по завѣщанію наслѣдство....

— Наслѣдство!—съ горечью замѣтилъ художникъ, — и вы еще можете говорить о немъ въ такую минуту? Мнѣ оно не нужно и я отказываюсь отъ него.

— Могу говорить, такъ какъ очень страдаю и не разыгрываю комедіи, — флегматично отвѣтилъ англичанинъ. — Если я васъ убью, то доставшееся вамъ послѣ Розы состояніе я пожертвую на больницы или возвращу вашимъ роднымъ, какъ вамъ будетъ угодно. Или въ какую-нибудь школу, программа которой будетъ имѣть вполне религіозный характеръ. Невѣріе убilo Розу. Будь сестра моя христіанкой, она бы плакала, молилась, забыла бы свое горе или съ твердостью переносила бы страданія.

— Вы предпочли-бы, чтобы она жила и страдала?—рѣзко сказалъ Янъ.

— Да, я предпочелъ-бы, такъ какъ у меня всегда была бы надежда излѣчить ее; я ухаживалъ-бы съ нею въ Каиръ, въ Индію или куда-бы то ни было; вѣтъ страданія, котораго бы не излѣмили время и путешествія. Вѣрьте мнѣ.... Но часы летятъ, а я долженъ убить васъ какъ можно скорѣе. А потому, идемъ.

— Куда?

— На кладбище святого Каллиста, туда, гдѣ похоронена Роза.

— Ночью?

— Тѣмъ лучше! Мы будемъ стрѣляться на разстояніи плаща, à bout portant (въ упоръ), промахнуться невозможно. Одинъ изъ насъ безусловно будетъ убитъ. Только одинъ изъ пистолетовъ будетъ заряженъ пулей; мы кинемъ жребій, кому изъ насъ достанется онъ.

Янъ какъ-то апатично продолжалъ за англичаниномъ. Они

медленно, въ глубокомъ молчаніи шли по старинной Аппійской дорогѣ, освѣщавшейся серебристымъ луннымъ свѣтомъ.

Вскорѣ показалось кладбище; они тихо направились по тѣнистой аллеѣ, усаженной высокими пирамидальными тополями, затѣмъ свернули направо и подошли къ могилѣ Розы. Кругомъ царила торжественная невозмутимая тишина. Артуръ разослалъ свой плащъ на покрывавшей могилу большой мраморной плитѣ, сталъ на колѣни и предался молитвѣ. Янъ уже не могъ молиться, и скрестивъ руки, ждалъ. Вскорѣ англичанинъ позволилъ ему выбрать любой изъ пистолетовъ. Художникъ машинально взялъ одинъ изъ нихъ, они стали другъ противъ друга, подняли пистолеты и... раздались выстрѣлы.

Артуръ, пораженный въ голову, упалъ на могильную плиту, обливаясь кровью. Послышалось предсмертное хрипѣніе, но вскорѣ все утихло...

На слѣдующій день на кладбищѣ святого Каллиста собралась толпа народа и съ любопытствомъ смотрѣла на трупъ англичанина, который, по слухамъ, съ отчаянія застрѣлился на могилѣ своей любимой сестры. Несчастнаго Артура, какъ самоубійцу, вынесли изъ кладбища и безъ всякихъ обрядовъ похоронили среди какихъ-то старинныхъ развалинъ.

Янъ, терзаемый ужасными воспомнаніями, уѣхалъ изъ Рима, странствовалъ по всей Италіи, но дольше всего прожилъ во Флоренціи, родинѣ для него незабвеннаго Батрани.

Какъ художникъ, онъ съ каждымъ годомъ прибрѣталъ все большую извѣстность и славу, но какъ человекъ потерялъ самое драцінное—вѣру, то есть то, чѣмъ усаждается наша жизнь. Эта волшебная нить, что соединяетъ душу съ небомъ, для него не существовала.

Равнодушный, молчаливый, холодный, онъ почти машинально шелъ по избранной дорогѣ.

Изрѣдка его волновало воспоминаніе о матери и оно только вызывало въ немъ тоску по родинѣ.

И вотъ однажды онъ внезапно покинулъ Флоренцію и уѣхалъ въ Польшу. Остановившись на самое короткое время въ Варшавѣ, Янъ нашелъ въ столицѣ большія перемѣны. Ему не удалось представиться королю, такъ какъ происходили грозныя событія и вся страна волновалась.

Изъ Варшавы Янъ направился въ свой родной хуторокъ, куда прибылъ за нѣсколько часовъ до смерти матери. Потеря единственного любимого существа привела его въ отчаяніе. Теперь онъ былъ совершенно одинокъ. Остаться здѣсь ему уже было невозможно, такъ какъ средства вѣсякали и снова приходилось думать о насущномъ хлѣбѣ. Сдавъ въ аренду хуторъ, Янъ уѣхалъ въ Вильно.

Спустя нѣсколько дней послѣ пріѣзда, Янъ отправился отыскивать Батрани, но, по наведеннымъ справкамъ, оказалось, что старый итальянецъ умеръ, а семья его куда-то выѣхала. Художникъ нанялъ скромную квартиру и занялся кой-какой работой, доставлявшей ему очень скудные средства къ жизни.

Кто-то изъ знакомыхъ посовѣтовалъ ему открыть выставку своихъ произведеній и нѣсколько разъ сдѣлать о ней публикацію въ газетахъ. Это объявленіе привлекло въ его студию нѣкоторыхъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Всѣ восхищались его большими картинами, привезенными изъ Рима, а также чудными копіями съ произведеній Рафаэля и Доминикино, но пока ничего не купили.

Между прочимъ, явился какой-то графъ и обратилъ вниманіе на картину «Смерть Адониса». Присутствующіе единогласно признали это произведеніе въ полномъ смыслѣ слова великолѣпнымъ.

— Что стоитъ эта штука? — спросилъ любитель-графъ. — Она пригодилась-бы для моей залы — религіозные сюжеты теперь не въ модѣ. Ваша Венера очень недурна.

— Надъ этой картиной, — отвѣтилъ Янъ, — я работалъ почти цѣлый годъ. Она доставила мнѣ славу; мнѣ-бы не хотѣлось съ ней разстаться, такъ какъ я не увѣренъ, сумѣютъ-ли ее оцѣнить по достоинству. Но если оцѣнить картину по стольку, по скольку она мнѣ самому стоила, то я ее не отдамъ дешевле, какъ за тысячу червонцевъ.

— Peste!

Графъ на минуту остолбенѣлъ.

— Вы это говорите серьезно? — сказалъ онъ, наконецъ.

Художникъ не отвѣтилъ ни слова.

Графа это обидѣло, онъ хотѣлъ уже уйти, но потомъ раздумалъ и указалъ рукой на копію съ картины Рафаэля — «Свя-

тая Цецилія». Она была не окончена, но любителя соблазнили размѣръ и свѣжій колоритъ картины.

— А эта штука?—спросилъ онъ.

— Двадцать.

— Печему-же такая громадная разница?

— Это копія и неоконченная.

— Хорошо, я дамъ двадцать червонцевъ, но съ условіемъ, что вы ее окончите.

— Для этого надо вернуться во Флоренцію. Здѣсь же оканчивать, на память, значить, испортить картину.

— Ничего не понимаю. Но, въ такомъ случаѣ, я не куплю.

— Какъ вамъ угодно.

Графъ съ неудовольствіемъ вышелъ.

На слѣдующій день къ нему явился какой-то невзрачный чиновникъ, внимательно осмотрѣлъ всю обстановку, аккуратно вытеръ очки, вѣжливо поклонился и затѣмъ только приступилъ къ осмотру картинъ. Каждое произведеніе онъ разсматривалъ чрезвычайно подробно, часто улыбался и искоса поглядывалъ на Яна.

Серенькій человѣчекъ осматривалъ цѣлый часъ и наконецъ, указавъ на маленькую копію Мадонны Рафаэля, сказалъ:

— Это прелестная вещица! Могу-ли я ее приобрести?

— Хотя она мала, но тѣмъ не менѣе я придаю ей большую цѣну.

— Въ самомъ дѣлѣ? А именно, какая же ей цѣна?

Художникъ назначилъ очень большую сумму.

— Сколько-же, по вашему, стоилъ-бы оригиналъ?—воскликнулъ старичекъ.

— Оригиналъ проданъ былъ въ Римѣ за тысячу фунтовъ стерлинговъ, а копія его работы Андреа дель Карте немного менѣе.

— Но вѣдь то Андреа Карте!

Янъ улыбнулся.

— За то-же и цѣна моя, какъ имя, мала.

Незнакомецъ отъ изумленія понятился назадъ, но потомъ опять подошелъ.

— А если я осмѣлюсь предложить вамъ десять червонцевъ?—мягко спросилъ старичекъ.

— Я ихъ не возьму, — вѣжливо сказалъ художникъ.

— Пятнадцать.

Янъ вспомнилъ, что въ данную минуту у него нѣтъ ни гроша, подумалъ, подумалъ и согласился.

— Берите, не скорѣе. Это память, съ которой мнѣ тяжело разстаться.

Онъ писалъ эту копію у миссъ Розы.

Незнакомецъ расплатился, взялъ копію и вѣжливо раскланявшись, удалился.

Въ тотъ же день онъ выдалъ ее за оригиналъ, и продалъ за сто червонцевъ. Старичекъ этотъ занимался всякаго рода торговлей и между прочимъ ростовщичествомъ.

Положеніе Яна было тяжелое. Его томила тоска, скука и одиночество, такъ какъ окружавшее его общество состояло изъ людей, не отличавшихся умственнымъ развитіемъ и совершенно невѣжественныхъ въ живописи.

Товарищи по искусству изъ зависти клеветали на него и на каждомъ шагу старались вредить. Вскорѣ Янъ сталъ избѣгать общества, всецѣло отдался своей работѣ, но по вечерамъ совершалъ уединенныя прогулки.

Однажды, блуждая по берегамъ Виліи, онъ случайно встрѣтился съ однимъ бѣднымъ скульпторомъ Титомъ Мамоничемъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Италіи. Спустя нѣкоторое время, они сблизились и даже подружились. Мамоничъ принадлежалъ къ нѣкогда богатому, но потомъ обѣдѣвшему роду, и воспитывался на средства дальнихъ родственниковъ. Уѣхалъ онъ изъ Италіи вслѣдствіе того, что послѣдніе внезапно по какой-то причинѣ отказались ему помогать, да, кромѣ того, его томила тоска по родинѣ.

Скульпторъ весь былъ поглощенъ своимъ искусствомъ и на житейскія дразги не обращалъ никакого вниманія.

Онъ ежедневно приходилъ къ Яну и часто, видя его въ угнетенномъ состояніи, подтрунивалъ надъ нимъ:

— Какого чорта ты горюешь! — говорилъ Мамоничъ. — Берлога у тебя есть, хлѣбъ тоже, ты свободенъ, обладаешь талантомъ и еще жалуешься! Чего тебѣ еще надо?

— Знаешь чего? — отвѣтилъ Янъ. — Сочувствія! ободренія! поддержки!

— А! оиміама.

— Не омиіама, Титъ, нѣтъ! Неужели ты думаешь, что Рафаэль создалъ-бы свои фрески, если бы не пользовался покровительствомъ самого папы? Развѣ Микелю Анжелло удалось-бы расписать куполъ величайшаго въ мірѣ собора, если бы онъ жилъ въ пещерѣ? Вѣрь мнѣ, судьба, случай, счастье или Провидѣніе, назови какъ хочешь, имѣють громадное значеніе. Представь себѣ, что первое произведеніе какого-нибудь художника явится въ свѣтъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и встрѣтитъ холодный пріемъ. Очень часто это кончается тѣмъ, что онъ, обезкураженный, теряетъ силу, энтузіазмъ, и въ концѣ концовъ становится ремесленникомъ или гибнетъ.

— Очень можетъ быть, но въ нашихъ силахъ предотвратить такой печальной исходъ. Надо только не падать духомъ, работать и наконецъ жить самимъ искусствомъ.

— Да! но дай мнѣ силы. Если ихъ не хватитъ, придется погибнуть.

— Нѣтъ! погибать не зачѣмъ, надо бороться и жить. Вчера мнѣ было очень плохо, а сегодня Риги поручилъ мнѣ сдѣлать статуэтку, значить, работы и хлѣба хватить мнѣ на мѣсяцъ. Вотъ я сытъ и счастливъ, могу свободно мечтать о моей группѣ «Геркулесъ со львомъ». Какое счастье мечтать! Днемъ и ночью я вижу свою группу уже отлитую, на великолѣпномъ постаментѣ. Но вотъ бѣда! Гдѣ мнѣ найти подходящую модель? А между тѣмъ такой сюжетъ для скульптора настоящій кладъ.

— Дорогой мой! — сказалъ Янъ, — тебѣ придется создать эту группу съ помощью воображенія, такъ какъ иначе....

— Съ помощью воображенія! Да, пожалуй это лучше всего. Я умру вмѣстѣ съ своимъ произведеніемъ, буду наслаждаться имъ и развивать его. А знаешь, Янъ? и ты сдѣлай что-либо подобное! Тебѣ надо увлечься какой-нибудь идеей, работать надъ ней и тогда тебѣ не придется ощущать всѣхъ гадостей звѣшняго міра. Начни писать какую-нибудь громадную картину, которой хватило-бы на всю твою жизнь. Напримѣръ, изобрази христіанина, брошеннаго на арену въ жертву звѣрямъ. Въ ложѣ сидитъ Неронъ, возлѣ него его приближенные, а ними прочіе зрители, одни съ дикимъ, свирѣпымъ выра-

женіемъ въ лицѣ, другіе, напротивъ, какъ-бы внезапно просвѣтленные видомъ мученичества; на аренѣ стоятъ вдохновенные христіане, и точно не видятъ приближающихся къ нимъ звѣрей, поглощенные созерцаніемъ грядущаго блаженства. Какія тутъ могутъ быть велколѣпныя противоположности, какіе характеры, какія фигуры!

— Но гдѣ-же мнѣ ее помѣстить?

— На стѣнѣ.

— А если у меня не будетъ подходящаго помѣщенія или не на что будетъ купить красокъ, чтобы написать такую картину?

— Тогда помѣсти ее въ своей душѣ, — отвѣтилъ Титъ. — Это будетъ лучше всего.

Подобнаго рода бесѣды происходили у нихъ довольно часто. Грусть все болѣе и болѣе овладѣвала Яномъ.

Однажды вечеромъ къ нему пришелъ скульпторъ въ очень веселомъ настроеніи.

— Что-же это? — спросилъ онъ художника, — ты уже не пишешь?

— Пропала охота. Да и для кого?

— Для будущаго, для грядущихъ поколѣній.

— Оставь меня въ покоѣ!

— Смотри, какая разница между нами! Я опять счастливъ, такъ какъ мнѣ заказано двѣнадцать статуэтокъ для собора Кармелитовъ. Мнѣ придется создать столько оригинальныхъ фигуръ! Правда, я заработаю немного, но это не бѣда. Не хлѣбомъ единомъ живетъ человѣкъ. Я буду создавать, буду мечтать, на время забуду всякія горести и бѣдствія. По этому случаю, пойдемъ на берега нашей родной прекрасной Виліи. Мнѣ нуженъ свѣжій воздухъ и движеніе. Идемъ-же, слабый человѣкъ.

Сказавъ это, онъ почти насильно увелъ художника на прогулку.

Въ то время стояла чудная весна. Друзья долго гуляли по берегамъ рѣки, то оживленно бесѣдуя, то въ молчаніи погружаясь въ воспоминанія о прошломъ.

Вдоволь насладившись живописными окрестностями и свѣжимъ ароматичнымъ воздухомъ, они медленно повернули назадъ.

Переходя одну изъ улицъ, они невольно обратили вниманіе на проѣзжавшую мимо ихъ коляску, въ которой сидѣли очень красивая молодая дама и какой-то элегантно одѣтый молодой человѣкъ. Янъ пристально взглянулъ на нихъ. Лицо молодого человѣка показалось ему знакомымъ и онъ почти машинально приподнял шляпу. Тотъ въ свою очередь внимательно оглядѣлъ его, и приказалъ кучеру остановиться.

Художникъ приблизился къ коляскѣ.

— Если не ошибаюсь, — вѣжливо сказалъ молодой человѣкъ, — то вы кажется тотъ самый художникъ, котораго нѣкогда я имѣлъ удовольствіе встрѣтить возлѣ замка Санѣги и затѣмъ... рекомендовать почтенному Баччіарелли?

— Да! — отвѣтилъ Янъ, узнавъ въ немъ кузена Тромбскаго. — Я очень счастливъ, что имѣю возможность выразить вамъ мою искреннюю благодарность.

— Что же съ вами было за это время?

— Я былъ въ Италіи.

— А! вы были въ Италіи! Слѣдовательно, ваша столь желанная цѣль была достигнута. Но зачѣмъ вы вернулись сюда?

— Теперь я самъ себя часто спрашиваю объ этомъ. Тоска по родинѣ заставила меня уѣхать изъ Италіи. Въ Варшавѣ въ настоящее время очень много художниковъ, и устроиться тамъ довольно трудно. Я надѣялся, что въ родномъ городѣ мнѣ будетъ легче, но пока...

— О! я понимаю, каково вамъ здѣсь живется! У насъ искусство въ загонѣ... Прошу васъ завтра пожаловать ко мнѣ. Я живу во дворцѣ Огинскихъ, моихъ родственниковъ.

Янъ поблагодарилъ; коляска тронулась. Мамоничъ быстро подошелъ къ своему другу, и, иронически улыбаясь, сказалъ:

— О! дѣла твои кажется поправляются.

— Да, я нашелъ своего прежняго покровителя.

— И покровительницу. Я замѣтилъ, какъ эта дама пылко глядѣла на тебя. Берегись, дружище, тебѣ, какъ человѣку слабому и впечатлительному, легко увлечься. Брось этихъ магнатовъ съ ихъ покровительствомъ, въ которомъ болѣе пустого тщеславія, чѣмъ истинной любви къ искусству; у нихъ ты не найдешь души.

— Какъ ты несправедливъ, Титъ. Вотъ у нихъ-то и можно

найти все прекрасное. Богатство даетъ имъ возможность жить въ такой обстановкѣ, гдѣ все ласкаетъ наши чувства, и покровительствовать изящнымъ искусствамъ; безъ нихъ мы ничего не можемъ сдѣлать, они наша опора. Напримѣръ, этотъ господинъ...

— Это каштелянъ Х.... Я знаю его біографію. Онъ женатъ на французенкѣ.

— Это сейчасъ видно,—замѣтилъ Янъ: — въ ней много души.

— Ну, это еще большой вопросъ. По слухамъ, французенка изъ очень знатнаго, но обѣдѣвшаго рода, и тѣмъ не менѣе находить, что она принесла громадную жертву, выйдя замужъ за польскаго магната и огласившись поселиться въ странѣ медвѣдей и волковъ, какъ до сихъ поръ Польшу называютъ за границей. Каштеляну уже наскучила жена и у него уже здѣсь нашлась утѣшительница, кажется, тоже французенка.

— А, развратникъ!—съ негодованіемъ воскликнулъ художникъ.—Измѣнять такой красавицѣ!

— Но вѣдь ты не видѣлъ его возлюбленной, — возразилъ Мамоничъ,—быть можетъ, она красивѣе его жены?

— Ты ее видѣлъ?

— Сто разъ! Это Аспазія или Фрина. Она прекрасна, остроумна, и мнѣ по крайней мѣрѣ болѣе понравилась, чѣмъ эта скучающая аристократка, которая даже во снѣ помнитъ, какого она происхожденія и съ кѣмъ въ роднѣ. Тамъ подъ гербами чувство спитъ.

— Пока оно не преобразится въ бурную страсть.

— У нихъ нѣтъ сильныхъ страстей, и потому, берегись взоровъ французенки! Мой совѣтъ не ходить, а тамъ дѣлай, какъ знаешь. Ну, до свиданія!

Они крѣпко пожали другъ другу руки и разошлись.

На слѣдующій день ровно въ четыре часа пополудни Янъ уже былъ во дворцѣ. Каштеляна не было дома, но тѣмъ не менѣе художника приняла его супруга.

Небрежно кивнувъ ему головой, французенка медленно проговорила:

— Мужъ мой уѣхалъ, но завтра вернется и вы съ нимъ

навѣрно увидите... Вы, кажется, художникъ? — спросила она, послѣ минутнаго молчанія.

— Да.

— Вы были въ Парижѣ?

— Нѣтъ, я жилъ въ Римѣ и во Флоренціи, откуда недавно вернулся.

— А... Что-же вы пишете?

— Историческія картины, пейзажи...

— А портреты?

— Рѣдко, но...

— Я хотѣла-бы имѣть свой портретъ. Вы согласны написать его?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

Француженка улыбнулась, замѣтивъ восхищенный взглядъ художника.

— Только пожалуйста не прикрашивайте меня. Пишите такъ, какова я въ настоящую минуту. Мнѣ хочется послать этотъ портретъ въ Парижъ своимъ роднымъ, пусть знаютъ, что я умираю отъ тоски подъ вашимъ сумрачнымъ небомъ.

Художникъ въ отвѣтъ только вздохнулъ.

— Когда-же начнемъ?

— Когда вы прикажете.

— Скажите пожалуйста, во время сеансовъ мнѣ придется сидѣть неподвижно?

— Въ этомъ нѣтъ необходимости.

— Съ меня писали портретъ въ Парижѣ и положительно измучили. Такъ вы меня не будете мучить?

— Постараюсь.

— Въ такомъ случаѣ, завтра мы начнемъ. Я жду васъ послѣ полудня.

И она слегка бивнула головой въ знакъ того, что разговоръ конченъ.

Художникъ раскланялся и вышелъ.

Вечеромъ, встрѣтившись съ своимъ другомъ, онъ съ восторгомъ описалъ ему красоту француженки.

— Ахъ, что за взоръ! — добавилъ Янъ. — Это само небо, это что-то особенное.

— Во взорѣ, — холодно замѣтилъ Титъ, — заключается то,

что намъ желательно въ немъ находить. Взоръ женщины есть самая обманчивая иллюзія; говорю тебѣ, берегись! Француженка кокетка, доведетъ тебя до отчаянія и потомъ будетъ только смѣяться надъ тобой.

— Титъ, у тебя нѣтъ сердца!

— Янъ, у тебя нѣтъ головы! Откажись отъ этого портрета, ради Бога откажись, такъ какъ въ противномъ случаѣ ты погибнешь.

Художникъ пожалъ плечами и ушелъ, такъ какъ эти предостереженія были ему непріятны. Всю ночь онъ мечталъ объ очаровательной француженкѣ.

Утромъ Янъ отослалъ во дворецъ всѣ необходимыя для сеанса приспособленія, а въ часъ дня онъ уже былъ въ гостиной.

Каштелянъ встрѣтилъ его вѣжливо, но холодно.

— Пожалуйте, пожалуйста, — сказалъ онъ. — Супруга моя ждетъ васъ. Я самъ отчасти художникъ и уже сдѣлалъ кой-какія приготовленія для сеанса, но мы уже цѣлый часъ съ женою споримъ относительно нѣкоторыхъ аксессуаровъ.

Художникъ засталъ супругу каштеляна сидящей въ креслѣ съ книгой въ рукѣ.

Она была въ роскошномъ бархатномъ платьѣ, отдѣланномъ брюссельскими кружевами. Француженка окинула молодого человека томнымъ взглядомъ и ласково улыбнулась.

— Какъ вы находите это платье? Оно мнѣ къ лицу? — спросила она.

— Замѣчательно, лучше и быть не можетъ! — воскликнулъ художникъ.

— Вотъ видишь! Я была права, — сказала молодая женщина, обращаясь къ мужу.

— Я хотѣлъ тебя видѣть въ болѣе веселомъ нарядѣ, — замѣтилъ тотъ.

— Зачѣмъ? Здѣсь, въ вашей странѣ, такъ холодно, печально и скучно. Веселый нарядъ не гармонировалъ бы со всею здѣсь меня окружающимъ.

— Спасибо, — сказалъ каштелянъ. — Свѣтъ хорошъ? — обратился онъ къ художнику.

— Великолѣпнѣй.

— А, что? Я не совсѣмъ профанъ! Ну, господа, начинайте.

— Да, да! потому что я долго не выдержу, меня это можетъ утомить! — воскликнула француженка, — заранѣе васъ предупреждаю. Сама могу по цѣлымъ часамъ сидѣть, но когда мнѣ приказываютъ сидѣть! О, нѣтъ, я не въ состояніи слушаться! *C'est plus fort que moi.*

— Дѣлайте, что вамъ угодно, — сказалъ Янъ, усаживаясь, — мнѣ вы этимъ нисколько не помѣшаете. Сегодня, быть можетъ, мнѣ удастся уловить только ваши черты.

— Какъ вы любезны! — проговорила она, обинувъ художника пылкимъ взглядомъ. — Вы позволите мнѣ двигаться?

— Однако, онъ нашелъ хорошій способъ; теперь моя супруга будетъ сидѣть, какъ прикованная, — прошенталъ каштелянъ. — Теперь, господа, — сказалъ онъ вслухъ, — я васъ оставляю, такъ какъ мнѣ надо ѣхать на завтракъ къ князю-епископу.

Онъ кивнулъ головой и вышелъ.

Молодая женщина проводила мужа отчасти равнодушнымъ, отчасти презрительнымъ взглядомъ.

Затѣмъ она такъ упорно стала глядѣть на Яна, что у того даже рука задрожала. Слабымъ голосомъ онъ сказалъ ей:

— Вы, вѣроятно, прикажете мнѣ писать à regard perdu, это придастъ выраженію вашего лица отбѣннокъ грусти, а потому, прошу васъ нѣсколько измѣнить направленіе вашихъ глазъ.

— Вы боитесь? — съ улыбкой воскликнула француженка.

Янъ покраснѣлъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, пишите такъ, какъ есть.

Каждую минуту художникъ встрѣчалъ устремленный на него огненный взглядъ молодой женщины. Его это чрезвычайно волновало.

— Вамъ, быть можетъ, жарко? — насмѣшливо спросила она.

— Да!.. жарко!

— А мнѣ такъ все холодно, — проговорила красавица, снова обинувъ его значительнымъ взглядомъ.

Янъ писалъ, но по временамъ далеко не увѣренно. Ловко наброшенный овалъ лица, уже обозначенные глаза и губы его, однако, не удовлетворяли: онъ поминутно исправлялъ.

— Я могу двинуться? — спросила она.

— Какъ вамъ угодно.

Молодая женщина откинулась на спинку кресла и попрежнему не спускала глазъ съ художника.

— Сколько вамъ лѣтъ? — спросила она, послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Двадцать пять.

— Вы долго были въ Италіи?

— Нѣсколько лѣтъ, но они пролетѣли для меня, какъ одна минута.

— Я увѣрена, что вы тамъ оставили кого-нибудь, по комъ теперь тоскуете! Не правда-ли? — спросила француженка.

При этомъ вопросѣ на глазахъ Яна показались слезы, онъ вспомнилъ ту, что покоилась на кладбищѣ св. Каллиста.

— Я не оставилъ никого, — тихо отвѣтилъ художникъ.

— Неужели вы до сихъ поръ никого не любили?

— Не было времени... Я любилъ, но только искусство.

— Какъ? Никогда?

— Никогда.

— О, этого быть не можетъ!

— Въ моемъ положеніи это очень натурально.

— Да, вы здѣшній уроженецъ, а подъ вашимъ небомъ это, конечно, натурально! Здѣсь все такъ холодно.

— Не совсѣмъ; здѣсь тоже есть люди съ горячимъ сердцемъ, но они глубоко скрываютъ бушующее въ немъ пламя.

— Въ самомъ дѣлѣ? — насмѣшливо замѣтила она. — Но вѣдь, какъ въ вулканѣ, пламя это должно когда-нибудь вспыхнуть. Итакъ, вы еще не любили?

— Нѣтъ.

— И не знаете, что такое любовь?

— Дагадываюсь.

— Жаль мнѣ васъ; вы столько потеряли времени.

Разговоръ на минуту прекратился, но демоническій взглядъ француженки неотступно преслѣдовалъ художника.

— Она очевидно хочетъ довести меня до безумія, — съ отчаяніемъ прошепталъ Янъ.

— Какъ ваше имя? — спросила молодая женщина.

— Янъ.

— А фамилія?

— Вамъ не выговорить, — вполнѣ варварская. Въ Италіи звали меня Рупіути, называйте такъ и вы.

— У васъ есть родня?

— Нѣтъ никого.

— Какъ-такъ! Рѣшительно никого? — воскликнула она.

— Недавно умерла моя мать, и я теперь совершенно одинъ.

— Бѣдный! — прервала молодая женщина, замѣтивъ слезы на его глазахъ. — Значить, и вы умѣете любить? Значить, я живу среди людей не совсѣмъ лишенныхъ чувствъ.

— Развѣ жизнь можетъ быть безъ чувствъ? — возразилъ художникъ.

— Ну, на сегодня довольно! — внезапно вставъ съ кресла, сказала французенка, — мнѣ надобно сидѣть. Пойдемте, я покажу вамъ наши картины.

Янъ бросилъ кисти, прикрылъ мольбертъ и послѣдовалъ за нею.

Молодая женщина медленно направилась въ залу и указала ему на нѣсколько произведеній французской школы кисти Лесера, Валентена, Пуссена и Ларгирье. Янъ, цѣнявшій высоко Лесера, восхищался его прелестной картиной, изображавшей святого Бруно.

— Вы мнѣ покажете свои произведенія? — спросила французенка.

— Я привезъ изъ Италіи большею частью громадныхъ размѣровъ картины; принести ихъ сюда будетъ очень затруднительно, — сказалъ Янъ, — да, кромѣ того, я право не знаю, стоятъ ли онѣ, чтобы ихъ показывать.

— Нѣтъ сомнѣнія, что ваши работы прекрасны и я непременно хочу ихъ видѣть. Прошу васъ сейчасъ-же прислать мнѣ одну изъ нихъ.

Она тотчасъ позвонила. Прибѣжалъ камердинеръ, и, увидѣвъ свою госпожу съ живописцемъ, незамѣтно кивнулъ головой.

— Пошлите людей въ квартиру этого господина, — проговорила молодая женщина, указывая на Яна, — пусть они принесутъ мнѣ картину. Какую? — спросила она художника.

— Я пойду съ ними.

— Нѣтъ, нѣтъ! вы скажите только, что имъ принести.

Янъ написалъ записку къ Мамоничу (ожидавшему его на квартирѣ), въ которой просилъ дать лакею «Магдалину» и «Нарциса».

Когда лакеи ушли, французенка сѣла на диванъ и опять стала пристально глядѣть на художника. Каждый разъ, какъ только онъ опускалъ глаза или вздрагивалъ, она улыбалась. «Cela lui fait de l'effet», — шептала скучающая кокетка.

— Почему-же не несутъ? развѣ это такъ далеко? — сказала она, спустя нѣсколько минутъ. Я не люблю ждать!

— Довольно далеко.

— Вы гдѣ живете?

— Недалеко отъ замка.

— А! а!

Снова наступило молчаніе.

— У васъ здѣсь много знакомыхъ?

— Нѣсколько, но въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ я нахожусь только съ однимъ скульпторомъ.

— А! это вѣроятно тотъ самый, съ которымъ мы тогда васъ встрѣтили?

— Вы его видѣли?

— Я все и всѣхъ вижу. Здѣсь такъ скучно, такъ печально, что за неимѣніемъ чего-нибудь лучшаго приходится глазѣть по сторонамъ. А! вотъ великолѣпная мысль! Мнѣ хочется научиться рисовать и вы меня будете учить.

— Врядъ-ли вашъ мужъ согласится, вѣдь онъ самъ можетъ васъ учить.

— Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не прикасается даже ни къ карандашу, ни къ кисти.

Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго ожиданія, вернулись посланные и принесли картины.

Молодая женщина сначала взглянула на Магдалину.

— Это замѣчательнѣйшее произведеніе! — воскликнула она. — Ахъ, какая прелесть! Вы въ полномъ смыслѣ слова великій художникъ!

Затѣмъ она подошла къ Нарцису.

— И это прекрасное произведеніе; однако, я предпочитаю Магдалину.

— А я Нарциса,—выйдя изъ-за драпри, проговорилъ, каштелянъ, только что вернувшійся отъ епископа.—Ваши работы превосходны, я искренно васъ поздравляю.

— Какое значеніе онѣ здѣсь могутъ имѣть!—сказалъ Янъ—здѣсь, гдѣ въ художникахъ не нуждаются, не понимаютъ ихъ и не цѣнятъ.

— О! вы совершенно правы. Это страна медвѣдей. Поѣзжайте во Францію, тамъ иначе относятся къ искусству.

Картины такъ понравились, что каштелянъ выразилъ желаніе пріобрѣсти ихъ.

— Я очень счастливъ,—проговорилъ художникъ,—что онѣ вамъ понравились, а такъ какъ я считаю себя вашимъ должникомъ, то мнѣ будетъ чрезвычайно пріятно преподнести вамъ ихъ въ знакъ моей искренней благодарности...

— О нѣтъ! нѣтъ! я не могу согласиться на это,—возразилъ каштелянъ.

Янъ, не слушая его, взялъ шляпу, поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты и отправился домой.

Мамоничъ все еще поджидалъ своего друга, но не одинъ: возлѣ него сидѣлъ какой-то старый сѣдой господинъ въ далеко не презентабельномъ костюмѣ. Выраженіе лица прибывшаго было крайне несимпатичное.

— Господинъ Жарскій,—сказалъ Мамоничъ, представляя его Яну,—мой давнишній знакомый. Какъ любитель, счелъ долгомъ посмотреть твои картины.

Старикъ вѣжливо поклонился, улыбнулся и тихо проговорилъ:

— Прекрасныя картины. Но куда же при мнѣ унесли двѣ очень интересныя вещицы?

— Къ каштеляну.

— Вотъ какъ! Уже проданы?—спросилъ онъ.—А я собственно желалъ поговорить съ вами относительно «Магдалины».

— Да,—добавилъ Титъ,—вотъ уже два часа, какъ у насъ происходитъ торгъ, я соглашался взять за нее 50 червонцевъ, господинъ Жарскій предлагалъ немного менѣе, разница заключалась въ пяти-шести червонцахъ.

— Жаль, потому что теперь уже она не моя! — прервалъ Янъ.

— А! ты, должно быть, получилъ хорошую сумму за нее и за Нарциса?

— Я подарилъ ихъ.

— Вы рѣшились ихъ подарить?! — съ удивленіемъ воскликнулъ старикъ.

— Неужели ты сдѣлалъ такую глупость? — пожавъ плечами, проговорилъ Мамоничъ. — Вмѣсто благодарности, надъ тобой будутъ только смѣяться.

— Пусть смѣются, я не хочу никому быть обязаннымъ. Когда я нуждался, каштелянъ помогъ мнѣ, далъ рекомендательное письмо къ Баччіарелли и, быть можетъ, благодаря ему я попалъ въ Италію.

— Ну, это другое дѣло, — сказалъ Титъ. — Во всякомъ случаѣ теперь ты расквитался съ нимъ даже съ процентами.

— Нѣтъ, — возразилъ художникъ, — вѣроятно я ему еще что-нибудь долженъ.

Скульпторъ смѣялся. Старикъ началъ робко допытываться о цѣнѣ разныхъ картинъ; наконецъ сказалъ:

— Все это не по моему карману; тѣмъ не менѣе мнѣ-бы хотѣлось имѣть какую-нибудь вашу работу. Не согласитесь-ли вы написать съ меня портретъ?

— Я рѣдко пишу портреты.

— Надо вамъ сказать, что я хочу имѣть портретъ хорошій, который былъ бы въ полномъ смыслѣ слова произведеніемъ искусства, а не шаблонной работой.

— Тѣмъ болѣе мнѣ не хочется за него приняться.

— Пиши, — прервалъ Мамоничъ, — это будетъ интересная работа, взгляни какая оригинальная, характерная голова.

Старикъ слегка покраснѣлъ.

— А господинъ Жарскій, — продолжалъ скульпторъ, — за такую работу заплатитъ...

— Заплатитъ! — быстро прервалъ старикъ. — У насъ обыкновенная цѣна за портреты пятьдесятъ рублей, а такъ какъ мой портретъ долженъ быть вполне художественнымъ, то я удвою сумму.

— Пятьсотъ рублей, — сказалъ Янъ.

— Сейчасъ видно, что вы изъ-за границы, а у насъ тысячи не валяются на улицѣ; наша страна бѣдная.

— Я не принуждаю васъ соглашаться на мои условія.

— Но мнѣ было-бы очень лестно имѣть произведеніе такого художника, какъ вы, — сказалъ старикъ.

— Въ такомъ случаѣ, я сдѣлаю портретъ даромъ.

— Какъ такъ?

— Я ничего не возьму, но съ тѣмъ условіемъ, что оригиналъ портрета будетъ моею собственностью, а для васъ сдѣлаю копію.

Жарскій почесалъ затылокъ.

— Слышите? — сказалъ Мамоничъ: — и вамъ не стыдно? Вы такой богачъ!

— Я богачъ! я богачъ! — съ безпокойствомъ воскликнулъ старикъ — Откуда вы знаете?... Это сплетни.

— Обладая такой прекрасной коллекціей картинъ...

— У меня нѣтъ картинъ.

— О! о! нечего съ нами шутки шутить! — прервалъ Титъ, — Знаемъ мы о вашихъ сокровищахъ.

Жарскій, услышавъ это, внезапно взялъ шляпу и на прощаніе сказалъ Яну:

— Завтра я къ вашимъ услугамъ.

— Знаешь? — проговорилъ Мамоничъ послѣ ухода старика, — это удивительный чудакъ. Онъ пріобрѣтаетъ картины и прячетъ, чтобы никто ихъ не видѣлъ. Въ сундукахъ у него хранятся очень цѣнныя произведенія, которыхъ никто не увидитъ, развѣ только послѣ его смерти... Впрочемъ, Богъ съ нимъ... Теперь скажи мнѣ, что ты дѣлалъ у каштеляна?

Янъ откровенно рассказалъ ему все.

— Плохо! — промолвилъ Титъ. — Французенка хочетъ съ тобой поиграть, а ты поддаешься ей, какъ ребенокъ. Влюбленному въ нее, знаешь, что надо дѣлать? Надо притворяться равнодушнымъ, пронизировать, смѣяться, это единственный способъ. Я увѣренъ, что французенка вмѣстѣ съ мужемъ будетъ надъ тобой смѣяться. Ты будешь страдать, а она торжествовать. Предупреждаю тебя, что все это кончится довольно плачевно. Ты подарилъ имъ двѣ картины; ну, и оставь ихъ въ покоѣ, потому что даромъ только потеряешь время.

— Не могу.

— Старайся быть холоднымъ и равнодушнымъ.

— Не умѣю играть комедіи.

— Да сама жизнь отчасти комедія. Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь. Что же касается этого старика, котораго я завербовалъ, то не выпускай его изъ рукъ. Въ случаѣ нужды, онъ можетъ быть полезенъ, такъ какъ знаетъ толкъ въ живописи. Въ этомъ ему никто не откажетъ, но удивительнѣе всего то, что этотъ скряга прячетъ свои картины и дорожитъ ими, какъ сокровищами. Мнѣ случалось заставлять его на колѣняхъ предъ картинами, почти въ состояніи какого-то экстаза. Выраженіе лица его тогда поразительно измѣнилось, на глазахъ были слезы. Часто онъ вынимаетъ свои любимыя картины и дѣлаетъ имъ подробный осмотръ. Каждая изъ нихъ извѣстна ему до мельчайшихъ подробностей. Онъ живетъ въ идеальномъ мірѣ искусства. Помню, разъ Жарскій рассказалъ мнѣ содержаніе одной картины. По костюмамъ изображенныхъ на ней фигуръ, по ихъ фizioноміямъ, по окружающимъ аксессуарамъ онъ составилъ цѣлую повѣсть, интересную и увлекательную до такой степени, что, казалось, будто онъ самъ создалъ эту картину. Однажды я посѣтилъ Жарскаго съ однимъ знакомымъ и засталъ его какъ разъ во время осмотра картины Чеховича: «Исцѣленіе Святого Павла». Знакомый мой мелькомъ взглянулъ на картину и что-то сказалъ. Жарскій страшно разсердился: «Вы или слѣпы или легкомысленны!» — воскликнулъ онъ и затѣмъ такъ началъ объяснять, высказывать всѣ красоты, освѣщать, что въ концѣ концовъ мы въ сравненіи съ этимъ старикомъ оказались профанами и увидѣли то, о чемъ даже не предполагали. Впрочемъ понять картину, уловить вдохновившую ее мысль не такъ легко, гораздо легче оцѣнить колоритъ и рисунокъ. Мнѣ жалъ тѣхъ картинъ, которыя ты подарилъ каштеляну. Жарскій считаетъ тебя истиннымъ художникомъ и навѣрно предложилъ бы тебѣ за нихъ хорошія деньги. Помни-же, держись крѣпко, даромъ ничего не давай старику, въ концѣ концовъ онъ что-нибудь да купитъ, такъ какъ видно, что картины твои пришлись ему по вкусу. Кромѣ того, Жарскій считается большимъ знатокомъ, а его визитъ и мнѣніе о тебѣ будутъ имѣть для тебя хорошія послѣдствія. Ну, а теперь прощай, я иду домой мечтать о своемъ Геркулесѣ.

И Мамоничъ ушелъ, написавъ какую-то арію.

Спустя нѣкоторое время, благодаря рассказамъ каштеляна и Жарскаго, Янъ пошелъ въ ходъ и, несмотря на противодѣйствіе многихъ живописцевъ, съ каждымъ днемъ приобретающаго большую извѣстность.

Между тѣмъ послѣдующіе сеансы Яна способствовали его увлеченію супругой каштеляна, прекрасной Эльвирой. По-прежнему она преслѣдовала его своими пылкими взорами и по-прежнему была холодна.

Въ одно и то-же время Янъ написалъ для себя портретъ француженки, украсивъ ее лавровымъ вѣнкомъ и соответствующими аксессуарамъ. Въ такомъ нарядѣ она производила впечатлѣніе Сивиллы, но, несмотря на перемѣну костюма и несмотря на то, что глаза ея были устремлены къ нему, сходство съ оригиналомъ было поразительное. Мамоничъ, взглянувъ на это замѣчательное произведеніе, пришелъ въ неописанный восторгъ и сравнивалъ его съ прекраснѣйшими картинами Доминикино.

Время проходило, Янъ ежедневно бывалъ во дворцѣ подъ предлогомъ сеансовъ, и все болѣе увлекался француженкой.

Каштелянъ нѣсколько разъ съ ядовитой насмѣшкой говорилъ:

— Вы такъ заняты этимъ портретомъ, что онъ вѣроятно будетъ замѣчательнымъ произведеніемъ искусства.

— Я давно-бы его кончилъ, но мнѣ приходится подчиняться приказаниямъ вашей супруги.

— Ma chere, — обратился каштелянъ къ женѣ, — когда-же наконецъ кончатся эти сеансы?

— Когда мнѣ будетъ угодно. Это меня развлекаетъ и забавляетъ.

— Но войди въ положеніе этого бѣднаго художника, онъ теряетъ время, а оно ему дорого.

— Теряетъ время? Ну, такъ что-же! Мы заплотимъ... — съ улыбкой сказала француженка.

Дѣйствительно, Яну въ это время предлагали работу во многихъ соборахъ, но онъ принужденъ былъ отказаться.

Мамоничъ, которому все было извѣстно, сердился на безсердечную кокетку, и отчаянно проклиналъ ее. Но это вовсе не помогало.

Янъ почти безумствовалъ, такъ какъ съ нѣкотораго времени она казалось ему болѣе нѣжной и чувствительной. Оди-нажды, приготовляясь къ сеансу, онъ въ задумчивости стоялъ у мольберта.

— Чего вы такъ печальны?—спросила его Эльвира.

— Я всегда такъ.

— Неужели вы всегда въ печальномъ настроеніи?

— Меня удивляетъ вашъ вопросъ. Вы прекрасно знаете, что я одинъ, почти разочаровался въ искусствѣ и нѣтъ у меня никого, кто-бы меня любилъ или думалъ обо мнѣ!

— Потому что вы сами навѣрно никого не любите.

— И вы это говорите! Не хорошо такъ насмѣхаться надъ человѣкомъ!

— Почему вы думаете, что я насмѣхаюсь? Вы холодны, какъ ледъ.

Янъ промолчалъ, но взоръ его, устремленный въ эту минуту на молодую женщину, былъ слишкомъ краснорѣчивъ, чтобы можно было усомниться въ волновавшихъ его чувствахъ. Она поняла все, но внезапно выраженіе ея лица совершенно измѣнилось. Брови нахмурились, въ глазахъ появилось такое гордое выраженіе, что художникъ вздрогнулъ, испуганный своимъ откровеннымъ полупризнаніемъ. Онъ опустилъ глаза и покраснѣлъ, но черезъ минуту, поднявъ ихъ, опять встрѣтился съ ласковымъ взоромъ Эльвиры, которая, казалось, хотѣла сказать: «я люблю тебя, а ты этого не замѣчаешь».

Надежда вновь возродилась въ его сердцѣ.

— Я ошибся,—подумалъ художникъ,—это была иллюзія.

— Почему вы такъ упорно молчите?—послѣ непродолжительнаго молчанія спросила француженка.—Я хотѣла-бы знать правду-ли вы тогда говорили, будто вы никогда не любили и не любите.

— О! теперь я люблю!—какъ-то невольно воскликнулъ художникъ.

— Мнѣ-бы очень хотѣлось видѣть ту, которую вы любите. Такой художникъ, какъ вы, непременно долженъ любить красивую женщину, не правда-ли? Она очень хороша?

— Она прекрасна, какъ ангелъ! Всѣ ея движенія полны изящества.

— Она вѣроятно и добра, какъ ангелъ?

— Какъ ангелъ неприступна и неуловима.

— А! а! не слишкомъ-ли вы увлеклись? Воображеніе унесло васъ слишкомъ высоко. Жаль!

Янъ вздрогнулъ и похолодѣлъ.

— На сегодня довольно этой работы, — сухо сказала Эльвира, — завтра окончите, не правда-ли?

Молодой человѣкъ смутился. Онъ не могъ понять этой женщины: она казалась ему то нѣжной и любящей, то гордой, то холодной. Онъ поспѣшилъ домой и разсказалъ все Мамоничу.

— Другъ мой, — сказалъ скульпторъ, — нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что она смѣется надъ тобой. Кончай работу, пошли ихъ ко всѣмъ чертямъ и бѣги, не оглядываясь.

— Бѣги! — повторилъ Янъ, — тебѣ легко это говорить. Уже поздно. Я ничего не требую и только хочу быть возлѣ нея, ежедневно видѣть, хотя бы мнѣ для этого предстояло переносить страданія и даже униженія. Я согласился бы быть ея слугой, лишь бы только видѣть ее. Она стала потребностью моей жизни; я вижу ее во снѣ, наяву, всюду мнѣ чудится ея взоръ, ради нея я готовъ забыть все и даже, знаешь, готовъ былъ бы сдѣлать... подлость!

Титъ поблѣднѣлъ.

— Янъ, — проговорилъ онъ, — я конечно не ручаюсь за себя — мною тоже могло-бы овладѣть такое безуміе, но развѣ случайно или по волѣ Провидѣнія. Ты же самъ искалъ этой петли и добровольно надѣлъ ее на себя. Было время отступить.

Художникъ печально опустилъ голову.

— Теперь уже поздно, сказалъ онъ, — поздно!

— Не совсѣмъ. Есть спасеніе. Не ходи туда завтра, возьми за работу, начни какую-нибудь громадную картину, наконецъ, постарайся влюбиться въ другую женщину, попытайся выбить клинъ клиномъ. Это будетъ нѣчто въ родѣ горчичника.

— Это невозможно. Ты говоришь, Богъ знаетъ что.

— Помни, что ты ставишь на карту всю свою будущность. И угораздило же этакъ впутаться!

На слѣдующій день Янъ съ волненіемъ отправился доканчивать портретъ. Онъ засталъ Эльвиру съ книгой въ рукѣ, пасмурною, печальною, разсѣянною.

— Кончайте, — сухо сказала она. — Художникъ энергично принялся за работу.

— Француженка на время какъ-бы углубилась въ чтеніе, но вскорѣ съ неудовольстіемъ отбросила книгу въ сторону и опять упорно стала глядѣть на Яна.

— Вы скоро кончите? — спросила она.

— Сегодня! Я такъ привыкъ ежедневно у васъ бывать, что мнѣ даже трудно освоиться съ этой мыслью.

— Вы будете писать портретъ моего мужа, — съ насмѣшкой проговорила Эльвира,

— О! это совсѣмъ другое дѣло!

— Вы находите меня настолько интересной для воспроизведенія? Это очень лестно! Но я такъ похудѣла, подурнѣла подъ вашимъ безобразнымъ небомъ.

— Что вы говорите! Вы даже слишкомъ прекрасны!

— Женщина никогда не можетъ быть слишкомъ прекрасной, — съ улыбкой возразила молодая женщина, — *c' est son métier à elle.*

— А я думаю, что можетъ быть слишкомъ прекрасной, такъ какъ часто ея красота пречиняетъ несчастье другимъ.

— О! такое несчастье — это ребячество.

— Которое, однако, можетъ стоить жизни!

— Ну, что такое особенное жизнь?

— Конечно пустяки, — проговорилъ художникъ, — въ особенности жизнь какого-нибудь жалкаго труженика.

— Вы мнѣ вчера говорили, что кого-то любите. Признайтесь мнѣ, кого-же именно? Мнѣ интересно было-бы видѣть Форнарина моего Рафаэля.

— Моя Форнарина! Не называйте ее такъ, это божество; но, увы, оно слишкомъ высоко и далеко отъ меня!

— Надѣюсь, это не я! — внезапно нахмурившись и окинувъ его презрительнымъ взоромъ, воскликнула Эльвира.

Янъ онѣмѣлъ, остолбенѣлъ, кисть выпала у него изъ рукъ, онъ не могъ двинуться съ мѣста.

— Отъ васъ до меня, — проговорила она, — безъ сомнѣнія слишкомъ далеко! Что это такое? вы уронили кисть? вы поблѣднѣли? Неужели я не ошибаюсь въ своемъ предположеніи? Въ такомъ случаѣ, вы уже слишкомъ забываетесь! — доба-

вила она, пожавъ плечами.— Пожалуста, доканчивайте портреть безъ меня; я слышу голосъ мужа, мнѣ надо съ нимъ кой о чемъ поговорить.

Сказавъ это, Эльвира засмѣялась и прошла въ залу.

Въ глазахъ у Яна потемнѣло, онъ весь дрожалъ.

Изъ залы ясно, отчетливо доносились голоса супруговъ.

— Представь себѣ Фридрихъ,— говорила молодая женщина, этотъ твой художникъ въ теченіе нѣсколькихъ дней такъ нѣжно смотрѣлъ на меня своими черными глазами и такъ странно бесѣдовалъ со мной, что я до сихъ поръ не могу опомниться отъ изумленія.

— А! онъ влюбился въ тебя. Il n'est pas dégoûte,— со смѣхомъ замѣтилъ каштелянъ.— Бѣдный юноша!

— Въ теченіе послѣднихъ дней онъ до такой степени старался выказать свои чувства, что сегодня я принуждена была охладить его пылъ. Какая дерзость!

— О! это вѣроятно случилось потому, что ты слишкомъ внимательно смотрѣла на него.

— Развѣ мнѣ нельзя смотрѣть такъ, какъ я хочу? Я пробовала силу своего взгляда, такъ какъ я уже стала сомнѣваться въ ней.

— И сожгла бѣдняка.

— Какое мнѣ до этого дѣло!

— Жаль, онъ красивый юноша!— холодно сказалъ каштелянъ.

— Красивый! гм.... пожалуй....

Окончанія разговора Янъ не дослушалъ, такъ какъ, обѣзумѣвъ отъ униженія, онъ подбѣжалъ къ окну, которое выходило въ садъ, открылъ его и, несмотря на то, что оно находилось отъ земли на высотѣ шести сажень, прыгнулъ внизъ. Упавъ въ траву, художникъ почувствовалъ страшную боль въ ногѣ, но силой воли преодолевая ее, онъ потащился къ калиткѣ, открылъ ее съ большимъ трудомъ, дошелъ до дому. Часъ спустя, возлѣ него уже суетились докторъ и Мамоничъ. У Яна начиналась горячка, да, кромѣ того, нога оказалась вывихнутой. Докторъ Фешъ предвѣщалъ продолжительную болѣзнь. Больной метался въ бреду, то говорилъ съ матерью, то оправдывался передъ Розой, то молился за душу Ар-

тура. Болѣзнь подчасъ принимала такія странныя формы, что неуступно сидѣвшій возлѣ своего друга Титъ опасался окончательнаго помѣшательства.

Бѣдный скульпторъ распродалъ многія свои вещи, такъ какъ у Яна не было денегъ, а между тѣмъ лѣченіе его требовало большихъ расходовъ. Правда, каштелянъ прислалъ деньги, слѣдуемая за портретъ его жены, но Мамоничъ, не зная, пожелаетъ-ли Янъ воспользоваться ими, или отошлетъ назадъ, не рѣшился расходовать деньги безъ согласія своего друга. Но вотъ наконецъ къ больному вернулось сознаніе.

Янъ точно очнулся послѣ продолжительнаго сна. Первые слова его были:

— Гдѣ я?

— У себя на квартирѣ.

— Что-же случилось?

— Ничего не случилось; ты лежишь, болѣешь, а я сижу возлѣ. Тебѣ уже лучше.

— А она?

— Кто она?

— Эльвира?

— Право, не знаю! Вѣроятно, пытается очаровать кого-нибудь другого.

Янъ сконфузился и умолкъ.

Титъ показалъ ему письмо и деньги, присланные отъ каштеляна.

— Прочитай мнѣ письмо,—сказалъ больной.

Въ письмѣ каштелянъ холодно прощался съ Яномъ, извинялся за потраченное время и извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ въ Варшаву на сеймъ.

— Вотъ,—проговорилъ Титъ,—здѣсь приложено сто червонцевъ, но я не рѣшился къ нимъ прикоснуться, такъ какъ не зналъ, пожелаетъ-ли ты ими воспользоваться.

— Правда,—сказалъ Янъ,—я долженъ отослать; напиши нѣсколько словъ и возврати деньги. Муки, которыя я перенесъ, не оплачиваются золотомъ.

— Во всякомъ случаѣ, онѣ должны быть урокомъ на всю жизнь,—замѣтилъ Мамоничъ.—Впрочемъ, объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить. Теперь я страшно усталъ и нуждаюсь,

какъ въ отдыхѣ, такъ и въ деньгахъ: у насъ нѣтъ ни гроша. Жарскій хочетъ купить одну изъ картинъ, бери что дасть, такъ какъ не мало уже накопилось долговъ. Вчера мнѣ пришлось продать свой плащъ и часы.

— Продай, что хочешь, мнѣ теперь все равно.

Титъ самъ отправился во дворецъ, и подъ росписку передалъ мажордому деньги.

Прошло недѣли двѣ, больной настолько поправился, что могъ безъ посторонней помощи вставать и ходить. Однажды утромъ совершенно неожиданно къ нему явился каштелянъ. Узнавъ объ опасной болѣзни Яна, магнатъ счелъ своимъ долгомъ навѣстить его и сказать ему помощь.

Послѣ привѣтствія и обычныхъ разспросовъ о здоровьи, каштелянъ спросилъ:

— Почему вы отослали мнѣ деньги?

— Я не могъ ихъ принять, — отвѣтилъ Янъ, — такъ какъ многимъ обязанъ вамъ.

— Ахъ, оставьте! — возразилъ каштелянъ, положивъ на столъ двѣсти червонцевъ — не преувеличивайте вашихъ обязанностей. Прошу васъ принять это, какъ доказательство моей благодарности за портретъ прекрасной женщины, съ которой я расстаюсь. Портретъ этотъ въ полномъ смыслѣ слова замѣчательное произведеніе и я хочу сохранить его на память.

Художникъ покраснѣлъ и задрожалъ отъ волненія.

— Да, мы расстаемся, — съ улыбкой добавилъ магнатъ, — наши вкусы, характеры и взгляды различны, дѣтей нѣтъ, разводъ не вызоветъ особенный затрудненій. Мы даже живемъ отдѣльно; процессъ уже начался. Если когда-нибудь вамъ понадобится моя помощь, пожалуйста, безъ всякихъ стѣсненій обратись ко мнѣ.

Сказавъ это, онъ тотчасъ простился и вышелъ. Вечеромъ того-же дня Янъ виѣхалъ съ Мамоничемъ въ первый разъ послѣ болѣзни вышелъ на прогулку.

Погода стояла прекрасная. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, художникъ почувствовалъ нѣкоторую усталость и принужденъ былъ сѣсть на первую попавшуюся на дорогѣ скамью.

Оба друга на минуту о чемъ-то задумались и не замѣтили, какъ къ нимъ подошелъ какой-то высокаго роста мужчина

подъ руку съ молодой женщиной, лицо которой скрывалось подъ вуалью.

— Здравствуйте, Прокситель, — сказалъ онъ, обращаясь къ Мамоничу.

— А! это вы, докторъ!

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Да вотъ сидимъ и отдыхаемъ. Я вывелъ на прогулку больного друга.

— Больного? — сказалъ докторъ. — А что съ нимъ? И онъ сталъ всматриваться въ Яна.

Внезапно дама откинула вуаль и тоже -внимательно взглянула на художника. Глаза ихъ встрѣтились! Янъ съ удивленіемъ приподнялся со скамьи; «что это? сонъ или дѣйствительность?» — подумалъ онъ. «Неужели это Ягуса? Да, да, это несомнѣнно она!»

Докторъ замѣтилъ это внезапное движеніе и флегматично спросилъ:

— Кажется, вы только теперь узнали другъ друга?

— Да... невятно пробормоталъ художникъ. — Нѣкогда, занимаясь у Батрани, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ mademoiselle Ядвигой, мы даже были сосѣдами.

— Да это было давно! — воскликнулъ докторъ, — давно, она еще тогда жила у бабушки!

— Я жила тогда съ сестрой, — добавила молодая женщина, — теперь я одна; бабушка и сестра умерли.

— Да, да, — повторилъ докторъ, — обѣ бѣдвѣжки умерли.

— А вы?.. вы, кажется, были больны? — вѣжно спросила Ядвига.

— Да, я болѣлъ, упалъ и, кромѣ того, у меня была тяжкая, продолжительная горячка.

— Отъ страха, — сказалъ Титъ.

— Отъ разочарованія! — прошепталъ докторъ.

Янъ съ удивленіемъ взглянулъ на него. Съ начала разговора онъ держалъ себя такъ, точно ему все было извѣстно.

— Такъ, такъ, — добавилъ докторъ вы, — взобрались слишкомъ высоко и упали.

— Не шутите, докторъ, надъ болѣзною, вы сами не очень здоровы.

— Ха-ха! вы это называете болѣзнью! Ну, до свиданія. Хотите сегодня навѣстить меня? Мы можемъ немного развлечься, больнымъ это не помѣшаетъ. Жду обоихъ.

Ядвига на прощаніе опять нѣжно взглянула на Яна, напомнивъ ему бывшее.

Когда они ушли, Янъ обратился къ своему другу:

— Кто этотъ господинъ? онъ мужъ Ядвиги?

— Нѣтъ, онъ отецъ, — сказалъ Титъ. Ты вѣдь съ ней знакомъ и, вѣроятно, знаешь, кто онъ.

— Я первый разъ его вижу и никогда о немъ не слыхалъ.

— Пойдемъ домой, по дорогѣ я тебѣ расскажу. Но начну съ самаго главнаго. Кто таковъ нашъ докторъ, до сихъ поръ никому неизвѣстно, но всѣ его считаютъ сумасшедшимъ.

— Чѣмъ-же онъ заслужилъ такое названіе?

— Слушай. Старая бабушка, которую ты видѣлъ въ окнѣ, нѣкогда была здѣшней купчихой, имѣла дочь, молоденькую, прелестную Юлію. Это было у нея единственное любимое дѣтище. Ты знаешь, что такое единственный ребенокъ; это избалованное созданіе, которое часто за счастливую молодость расплачивается потомъ всей своей послѣдующей жизнью, потому что ни въ комъ оно не можетъ найти даже подобія безграничной материнской любви; послѣ райскаго дѣтства, имъ бываетъ плохо. Вся молодежь восхищалась Юліей, многіе называли ее королевой, до такой степени она была величественно прекрасна. Но вотъ однажды въ самый разгаръ ея триумфовъ въ Вильнѣ появился странный человѣкъ, о происхожденіи, національности и общественномъ положеніи котораго ничего не было извѣстно. Всѣ чрезвычайно заинтересовались имъ. То, что люди обыкновенно скрываютъ, онъ высказывалъ безъ малѣйшаго стѣсненія, не обращая вниманія на то, что о немъ будутъ говорить. Называли его докторъ Фантазусъ, но всѣ были того мнѣнія, что это его вымышленное имя. Хотя онъ считался докторомъ, но почти не лѣчилъ, въ особенности обыкновенными лѣкарствами; онъ утверждалъ, что болѣзни находятся въ полной зависимости отъ психическаго состоянія, а потому прописывалъ моральныя средства, иногда перемѣну климата, какую нибудь воду, чтеніе, молитвы и т. п. Ему были извѣстны чуть ли не всѣ языки, по типу онъ казался

иностранцемъ. Докторъ жилъ скромно, но тѣмъ не менѣе никогда не нуждался въ деньгахъ и охотно помогалъ бѣднымъ. Его принимали во всѣхъ аристократическихъ домахъ, но онъ предпочиталъ бывать въ низшей средѣ, гдѣ часто разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ въ Индію, Китай, Египетъ и т. д. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, докторъ познакомился съ Юліей, а такъ какъ въ то время онъ былъ красивъ и очень интересенъ, то неудивительно, что быстро овладѣлъ сердцемъ дѣвушки. Мать сначала не соглашалась выдать свою дочь замужъ за мало извѣстнаго ей человѣка, но въ концѣ концовъ принуждена была уступить. Супружеская жизнь продолжалась, однако, не долго. Спустя годъ, Юлія умерла, оставивъ двухъ дочерей-малютокъ. Въ моментъ ея смерти докторъ куда-то исчезъ. Мать Юліи взяла внучекъ къ себѣ. Ежегодно она получала отъ зятя денежные письма изъ разныхъ странъ: то изъ Испаніи, то изъ Монголіи, то изъ Бомбея, изъ Кантона, изъ Тегерана, съ о. Таити и наконецъ изъ Лиды. Почтовые штемпеля свидѣтельствовали, что письма дѣйствительно оттуда посланы. Хотя въ нихъ онъ никогда не спрашивалъ про дѣтей, тѣмъ не менѣе по содержанію писемъ видно было, что все ему извѣстно. Во время болѣзни старушки, Фантазусъ внезапно откуда-то явился и ухаживалъ за больной, какъ родной сынъ. Несмотря на всѣ его усилія, спасти старушку не удалось. Вскорѣ послѣ нея умерла одна изъ его дочерей. Съ того времени онъ поселился въ Вильнѣ. У доктора есть странная манія. Онъ увѣряетъ всѣхъ, что онъ жилъ съ начала міра, а еще раньше на другихъ планетахъ. Одни надъ нимъ смѣются, другіе опасаются, а нѣкоторые слушаютъ его, какъ оракула. Докторъ отличается замѣчательной наблюдательностью и знаніемъ людей, и даже обладаетъ удивительной способностью угадывать прошлое и будущее людей.

— Ты обрисовываешь его какимъ-то страннымъ и даже страшнымъ человѣкомъ, — воскликнулъ Янъ. — И Ядвига его дочь?

— Мнѣ кажется, это тебѣ нисколько не мѣшаетъ любить Ядвигу. Она, какъ видно, помнила о тебѣ. Кто знаетъ, быть можетъ, ты былъ-бы счастливъ съ ней. Забудь эту дрянную кокетку, забудь! Ядвига — это воспоминаніе твоей юности. Пойдемъ-же къ ней скорѣе.

Друзья отправились.

Домъ, занимаемый докторомъ, былъ окруженъ большимъ садомъ, доходившимъ до самой рѣки. На крыльцѣ стоялъ сфинксъ, сдѣланный изъ чернаго базальта. Въ сѣняхъ висѣла греческая лампа, въ формѣ орла, уносящаго Ганимеда. Всюду было масса цвѣтовъ. Въ прихожей ихъ встрѣтилъ негръ въ бѣломъ тюбанѣ, въ пунсовыхъ широкихъ шароварахъ и такого же цвѣта кафтанѣ; за поясомъ у него былъ кинжалъ. На порогѣ залы стоялъ докторъ тоже въ восточномъ костюмѣ.

— Здравствуйте, художникъ, здравствуйте!—воскликнулъ онъ, крѣпко пожавъ руку Яну.—Моя дочь всю дорогу говорила про васъ, хотя я и такъ все прекрасно знаю. Да, да мы все знаемъ! А только напрасно вы позволили себя такъ опутать прекрасной француженкѣ.

Янъ поблѣднѣлъ.

— Ничего, ничего, эта болѣзнь пройдетъ.

— Ну, садитесь; вы вѣдь старые знакомые, онъ указалъ на Ядвигу и бесѣдуйте, сколько вамъ угодно. Я хотя невольно все слышу но, когда надо, ничего не слышу.

Сказавъ это, докторъ повернулся къ Мамоничу, и, поцѣловавъ его, сказалъ:

— Ну, что, мой Бенвенуто, какъ поживаетъ твой Геркулесъ?

Скульпторъ съ увлеченіемъ сталъ рассказывать о своей работѣ.

Янъ между тѣмъ съ любопытствомъ осматривалъ залу. Мебель была обита какими-то восточными тканями самаго причудливаго рисунка. На стѣнахъ висѣли китайскія картинки, великолѣпныя англійскія гравюры, замѣчательныя большія картины голландскихъ художниковъ, костюмы и оружіе индѣйцевъ и океанійцевъ, татарское оружіе, музыкальные инструменты разныхъ народовъ, головные уборы мандариновъ и кольчуги.

— Это музей, а не гостинная,—сказалъ Янъ, подойдя къ Ядвигѣ.

— Мнѣ тоже сначала показалась эта обстановка странной и смѣшной, но вскорѣ я освоилась. Отецъ мой любитъ собирать коллекціи, все это воспоминанія его многочисленныхъ путешествій. Напримѣръ, шкуры льва и тигра!—это его трофеи. Гдѣ онъ не былъ и чего только не видѣлъ.

— Какимъ образомъ все это можно было собрать?

Постепенно. Многие ему выслали друзья, у которыхъ онъ оставлялъ эти вещи. Отцу тяжело было навсегда поселиться здѣсь. Это съ его стороны большая жертва! Его томить однообразіе и спокойствіе. По вечерамъ онъ часто вздыхаетъ и шепчетъ, что его манить сѣверный полюсъ. Отецъ точно видитъ тамъ какія-то обитаемыя земли и мечтаетъ о нихъ. Но гдѣ же найтѣ средства на такую экспедицію? Кто съ нимъ поѣдетъ, кто захочетъ увѣровать въ новаго Колумба?

Сказавъ это, Ядвига пристально взглянула на Яна, и тихо спросила:

— А что-же было съ вами за это время? гдѣ вы странствовали?

— Въ Варшавѣ, затѣмъ въ Римѣ, во Флоренціи и въ другихъ городахъ Италіи, наконецъ я пріѣхалъ сюда и теперь...

— О! теперь я слышала! Теперь вы болѣете, благодаря прекрасной французенкѣ, но отецъ говоритъ, что все это пройдетъ.

— Откуда-же онъ знаетъ?—спросилъ Янъ.

— Откуда? не могу вамъ сказать! Но отецъ знаетъ все! Станный человѣкъ. Спросите его про кого хотите и о чемъ хотите: онъ отвернется, устремитъ взоръ куда-то вдаль, погружится въ глубокую задумчивость и затѣмъ скажетъ то, что вы желаете знать. Если-бы я не была увѣрена въ томъ, что онъ набожный, я сочла-бы это чарами! Люди, не понимающіе отца, называютъ его безумнымъ,—добавила она грустно.

Въ эту минуту докторъ Фантазусъ внезапно обернулся и проговорилъ:

— Да, меня называютъ безумнымъ! Но почему? Да потому, что я имъ рассказываю со всѣми подробностями о смерти Сократа и объясняю элевзинскія таинства; что описываю имъ великую китайскую стѣну Ши-Гоангъ-Ти, которая дѣйствительно можетъ считаться великимъ сооруженіемъ и болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ развалины Бальбека; что я имъ рассказываю о непроходимыхъ дебряхъ и трясинахъ Америки, населенныхъ чудовищами, что рисую пагоду индійскую, что знаю болѣе, нежели они;—вотъ отчего они считаютъ меня безумнымъ.

Янъ ничего не отвѣтилъ и только внимательно посмотрѣлъ на своего страннаго собесѣдника.

— Они говорятъ, будто я безумецъ,—добавилъ докторъ,—оттого, что доказываю имъ, что я былъ очевидцемъ завоеванія Мексики, открытія Америки, завоеванія Китая монголами, современникомъ Аспазіи, Алкивиада, Солона, что я сражался при Термопилахъ, прекрасно зналъ Леонида, и даже былъ съ нимъ въ большой дружбѣ. Какъ жаль, что его въ эту минуту нѣтъ.

— Докторъ, это что-то невѣроятно,—сказалъ Янъ.

— Для васъ—конечно, такъ какъ у васъ ложное понятіе о прошломъ. Вы полагаете, что все прошлое исчезло въ безднѣ времени, а я вамъ говорю, что оно существуетъ. Можно въ буквальный смыслъ слова проникнуть въ прошлое, созерцать его, жить имъ всѣми своими чувствами.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Мамоничъ, знавшій взгляды доктора, подъ конецъ этой бесѣды сталъ просматривать какой-то альбомъ, заключавшій въ себѣ виды разныхъ странъ, портреты и рисунки. Увидѣвъ тамъ изображенія Понтія Пилата, онъ показалъ его Яну.

Докторъ, замѣтивъ это, воскликнулъ:

— А! Пилатъ! бѣдный Пилатъ! Слабость характера его погубила. Это былъ не дурной человекъ, но удивительно поддававшійся вліянію другихъ, жена его постоянно водила за носъ, притомъ онъ слишкомъ заботился о популярности, о мнѣніи народа. Пилатъ является типичнымъ представителемъ несамостоятельныхъ людей, хотя по натурѣ, быть можетъ, и добрыхъ.

Подъ рисункомъ былъ обозначенъ годъ, предшествовавшій великому мученичеству, и стояла надпись *съ натуры*. Молодымъ людямъ это показалось страннымъ и они съ удивленіемъ переглянулись.

— А! а! я вижу, и вы меня считаете безумцемъ,—воскликнулъ Фантазусъ.—Ха! ха!

— Надѣюсь, вы не будете оспаривать,—прервалъ Мамоничъ,—что вы рассказываете намъ нѣчто странное.

— Быть можетъ, странное для васъ, привыкшихъ видѣть только то, что у васъ подъ носомъ. Все, чего не знаемъ, на первый взглядъ кажется намъ страннымъ. Если-бы вы никогда въ жизни не видѣли червяка, мухи, не слышали о нихъ и внезапно ихъ увидѣли, вы въ первую минуту могли бы счесть эти маленькія созданія Аватаромъ Великаго Духа.

Онъ на минуту погрузился въ глубокую задумчивость, затѣмъ, пристально взглянувъ на Яна, проговорилъ:

— Быть можетъ, вамъ это тоже покажется страннымъ, но могу васъ увѣрить, что я видѣлъ жену каштеляна во дворцѣ Клеопатры.

Друзья переглянулись.

— И нахожу,—продолжалъ Фантазусъ,—что съ того времени она почти не измѣнилась. Я тогда писалъ съ нея портретъ, вы увидите его на тысяча второй страницѣ, она снята въ нарядѣ той эпохи.

Янъ, отыскавъ указанную въ альбомѣ страницу, не могъ удержаться отъ громкаго восклицанія. Онъ увидѣлъ тамъ женщину въ египетскомъ нарядѣ поразительно похожую на Эльвиру. На минуту ему сдѣлалось страшно.

— Если желаете, я вамъ даже расскажу ея исторію,—проговорилъ докторъ.—Отецъ ея былъ жрецомъ божества Манду въ Гермонтисѣ, одного изъ божествъ Египетской Троицы. Клеопатра увидѣла ее во время какого-то праздника и взяла въ свой дворецъ. Она такъ ловко умѣла кокетничать, что даже Маркъ Антоній немного въ нее влюбился, но такъ какъ древніе въ любви были не требовательны, то скоро, пресытившись, онъ ее покинулъ. Въ Римѣ, куда она попала, благодаря сластолюбивому Антонію, она жила недолго. Тамъ ее похитилъ какой-то сарматскій король и увезъ на сѣверъ. Она его не любила, относилась къ нему съ пренебреженіемъ, какъ ко всякому варвару, и уѣхала съ нимъ, съ цѣлью разсѣять скуку, видомъ страны, такъ великолѣпно описанной Геродотомъ. Король, желая развлечь ее, возилъ въ Колхиду и даже въ ту страну, гдѣ, по словамъ того же историка, вѣчно бушуютъ вьюги, а съ неба падаетъ пухъ. Но ничто не помогало, королева страдала хронической скукой. Наконецъ, нашлось средство. Ежедневно передъ ней ставили какого-нибудь плѣннаго. Она до тѣхъ поръ глядѣла на него, пока тотъ не падалъ мертвымъ. Въ ея глазахъ была какая-то страшная сила. Въ средніе вѣка такую силу приписывали легендарному Василиску, который будто бы могъ быть убитымъ только отраженіемъ собственнаго взора. Что потомъ случилось съ этой женщиной, навѣрно неизвѣстно; если не ошибаюсь, ее впослѣдствіи ви-

дѣли при дворѣ Франциска I, наконецъ, она попала въ Парижъ въ то время, когда каштелянъ оканчивалъ свое образованіе, и отъ скуки вышла замужъ. Глаза—ея манія, она пробуетъ силу своего взора на комъ только возможно. На мужа взоръ ея уже не дѣйствуетъ, а потому она ищетъ новыхъ жертвъ. Хотите ее побѣдить?—спросилъ докторъ.

— Побѣдить, то-есть забыть,—сказалъ Янъ,—иной побѣды не стоитъ этотъ бой.

— Нѣтъ, надо ее исправить. Для этого я дамъ вамъ талисманъ.

И онъ указалъ на Ядвига. Та смутилась и покраснѣла.

Докторъ засмѣялся и прошелся по комнатѣ.

— Я предчувствую бурю,—проговорилъ онъ,—и буду радъ, если мое предчувствіе оправдается.

— Ахъ, буря, буря! — воскликнула Ядвига, подбѣжавъ къ окну.—Я ужасно боюсь ея, навѣрно всю ночь не буду спать.

— О, нѣтъ, не сегодня, буря будетъ не ранѣе, какъ черезъ три дня.

— Откуда вы знаете объ этомъ?

— Вотъ уже нѣсколько вечеровъ, какъ падаютъ вѣзды въ ту сторону, откуда надвигается буря.

Янъ снова приблизился къ Ядвигѣ и сталъ тихо говорить съ ней о прошломъ. Въ разговорѣ они нѣсколько разъ упомянули фамилію Батрани.

— Вы говорите о Батрани? — внезапно спросилъ Фантазусъ.—Я зналъ его, это былъ честный человѣкъ. Я зналъ его нѣсколько разъ.

— Какъ такъ?—воскликнулъ художникъ.

— Да, я его зналъ, конечно подъ разными именами, когда онъ былъ юношей въ Греціи, затѣмъ молодымъ человѣкомъ въ Римѣ, зрѣлымъ мужемъ во времена Медичи и, наконецъ, старцемъ въ Вильнѣ. Сначала онъ назывался Клеантомъ изъ Декоса, потомъ, кажется, Ликиномъ, затѣмъ... да впрочемъ дѣло не въ имени. Важно то, что люди, подобные ему, погибаютъ... Но я вижу,—добавилъ онъ,—вы собираетесь уже домой. Да, дѣйствительно, поздно. Ну, заходите почаще, какъ вы мнѣ, такъ и я вамъ можемъ быть другъ другу полѣзны. Вы ни-

чего не помните, и между тѣмъ наша дружба началась еще въ темницѣ Сократа, гдѣ мы сошлись незадолго передъ тѣмъ, какъ великій мудрецъ выпилъ цикуту. Ты, дорогой Янъ, былъ тогда Цebesомъ, а ты, Мамоничъ, Ктезифомъ изъ Пеаніи.

— А вы докторъ?

— О! я, — серьезно отвѣтилъ Фантазусъ, — былъ въ то время Эврипидомъ и хотя Платонъ въ своемъ описаніи смерти Сократа не упомянулъ моего имени въ числѣ окружавшихъ великаго мученика, тѣмъ не менѣе, даю вамъ честное слово, что я тамъ присутствовалъ. Ну, а теперь спокойной ночи!

Сказавъ это, онъ попрощался съ молодыми людьми и заперъ двери.

— Что ты думаешь о докторѣ? — спросилъ Мамоничъ, когда они вышли на улицу.

— Ничего не понимаю. Какое-то безуміе, странности, а можетъ быть...

— Воздержись отъ рѣшительнаго мнѣнія.

— Онъ, кажется, богатъ.

— Относительно этого курсируютъ самые противорѣчивые слухи; одни говорятъ, что докторъ богатъ, какъ Брезъ, другіе будто онъ состоитъ атаманомъ какой-то тайной разбойничьей банды, а иные утверждаютъ, что Фантазусъ бѣденъ и даже въ долгахъ. Самъ онъ считаетъ себя человѣкомъ далеко не состоятельнымъ; живетъ скромно; все его богатство заключается въ томъ, что ты видѣлъ.

— Но вѣдь и это представляетъ извѣстную цѣнность.

— Конечно, — сказалъ Титъ, — для кого-нибудь.

— Вообще онъ очень загадочный человѣкъ.

Остатокъ пути они прошли въ глубокомъ молчаніи. Янъ, придя домой, засталъ у себя слугу жены каштеляна, который отъ имени своей госпожи просилъ художника пожаловать къ ней завтра во дворецъ.

На слѣдующій день, послѣ продолжительной внутренней борьбы, Янъ около полудня явился во дворецъ.

— Я желала васъ видѣть, — сказала Эльвира, — вотъ по какому дѣлу: написанный вами портретъ попалъ къ моему мужу, а потому я хочу имѣть другой.

— Мнѣ очень пріятно было-бы исполнить ваше приказаніе, —

отвѣтилъ художникъ, — но, къ сожалѣнію, въ настоящее время это невозможно.

— Нѣтъ, вы должны писать портреты! — проговорила французенка, — я хочу, я требую этого!

— Нѣтъ, это невозможно! — рѣшительно сказалъ Янъ. — Я нездоровъ, и мнѣ необходимъ отдыхъ.

— Очень жаль, — замѣтила молодая женщина. — Я непременно хотѣла имѣть портретъ именно вашей работы, такъ какъ цѣнню вашъ выдающійся талантъ.

Янъ молча поблагодарилъ.

— Портретъ, — проговорилъ онъ, — въ настоящее время вещь довольно ординарная, а потому позвольте мнѣ посоветовать вамъ заказать бюстъ. У меня есть знакомый скульпторъ, работой котораго вы навѣрно останетесь довольны.

— Бюстъ? Да, вы правы, это менѣе ординарно. Въ такомъ случаѣ, пришлите вашего знакомаго.

Янъ простился и быстро вышелъ. Онъ засталъ скульптора за работой.

Титъ лѣпилъ изъ глины огромнаго льва. Увидѣвъ своего друга, онъ тотчасъ спросилъ:

— Ну, какъ поживаешь? Ты отчасти въ возбужденномъ состояніи. Что случилось?

— Ничего особеннаго. Я хочу отомстить.

— Отомстить! кому? Ужъ не мнѣ-ли?

— Нѣтъ, не тебѣ, но ты знаешь...

— Прекрасно знаю, что ты сегодня утромъ опять былъ у этой вѣдьмы.

— Она снова хочетъ заказать портретъ.

— А! понимаю! И ты согласился?

— Нѣтъ! нѣтъ! Напротивъ, я сказалъ, что вслѣдствіе болѣзни, никакъ не могу принять заказа и уговорилъ ее заказать бюстъ.

— Вотъ какъ! ты хочешь, чтобы я такъ же страдалъ, какъ и ты?

— Мой примѣръ будетъ для тебя урокомъ и ты отомстишь за меня.

— Кто знаетъ, хватитъ-ли силы у меня!

— Дорогой Титъ, сдѣлай это для меня! Согласись! Иди,

а если сирена станетъ обольщать тебя своими взорами, отплати ей презрѣніемъ.

— А ты еще любишь ее, или нѣтъ?

— Нѣтъ, я только желаю мстить.

— Въ этой жадѣ мести заключается частица любви.

— Такъ ты исполнишь мою просьбу?

— Не знаю; я не вижу надобности умышленно подвергать себя опасности, когда ничто меня къ этому не принуждаетъ.

— Для меня, Титъ!

— Она меня навѣрно не будетъ обольщать своими взорами, а напрасно терять время...

— Какъ напрасно? Вѣдь не даромъ. Тебѣ дадутъ прекрасное вознагражденіе.

— О! не въ томъ дѣло.

Послѣ продолжительнаго спора, Титъ наконецъ согласился. Часа два спустя, онъ былъ уже во дворцѣ. Француженка приняла его очень любезно, но, несмотря на это, стоикъ остался твердъ и невозмутимъ. Черезъ часъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, взялся за работу. Скульпторъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ сталъ лѣпить голову. Эльвира пристально глядѣла на него.

Мамоничъ, замѣтивъ это, холодно сказалъ:

— Вы вѣроятно или не знаете, или забыли, что для бюста почти не нужны глаза. Прекрасное выраженіе глазъ, представляющее такой интересъ для живописца, для скульптора не существуетъ.

Молодая женщина съ досадой отвернулась. Мамоничъ притворялся, что очень занятъ своей работой и только изрѣдка поглядывалъ на Эльвиру. Замѣтивъ, что его слова не особенно подѣйствовали, онъ иронически улыбнулся.

— Чему вы смѣетесь?

— Вы не разсердитесь, если я вамъ скажу?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я буду откровененъ. Я удивляюсь силѣ и красотѣ вашего взора и прихожу въ отчаяніе, что не могу передать его въ бюстѣ. Такіе глаза рѣдко встрѣчаются, а между тѣмъ во всѣхъ бюстахъ выраженіе глазъ довольно однообразно и только въ изгибѣ бровей и формѣ вѣкъ суще-

ствуешь нѣкоторое различіе. Мнѣ очень жаль, что я не живописецъ и не могу воспользоваться выраженіемъ вашихъ глазъ, какъ это сдѣлалъ мой другъ Ругіутисъ.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ старался уловить у васъ какое-то особенное выраженіе, чтобы придать его лицу одной женщины, которую изображаетъ на своей картинѣ. Онъ въ самомъ дѣлѣ странный человѣкъ: въ высшей степени пылкій, когда дѣло касается искусства и холодный, насмѣшливый въ отношеніи къ людямъ. Никогда не забуду, какъ однажды ему показалось, будто онъ овладѣлъ тайной одного взора и точно безумный выпрыгнулъ изъ окна и убѣжалъ домой писать картину.

— Писать картину! — искраснѣвъ, повторила француженка.

— Да, ему необходимо было это сдѣлать, иначе все-бы пропало.

— Слѣдовательно, онъ изучалъ выраженіе моихъ глазъ, съ цѣлью извлечь изъ него какую-нибудь пользу? О! это недостойно порядочнаго человѣка.

— Это простиительно художнику: улавливать все, что только можетъ пригодиться для любимаго искусства. Мы тогда очень смѣялись надъ нимъ, да и онъ самъ хохоталъ надъ самимъ собой, такъ какъ, несмотря на наружную чувствительность, другъ мой большой насмѣшникъ.

— Онъ насмѣшникъ!

— Я не знаю человѣка, который бы такъ иронически относился къ людямъ, какъ онъ, особенно къ женщинамъ.

— Какую-же онъ написалъ картину?

— Вечеръ у Аспазіи.

Француженка вздохнула.

— Надѣюсь, — сказала она, — что мой взоръ...

— Хотѣлъ непременно придать Аспазіи, пристально всматривающейся въ какого-то невозмутимаго философа.

Эльвира быстро встала съ кресла.

— Довольно этого на сегодня! — съ гвѣвомъ сказала она. — Завтра мнѣ надо ѣхать, а потому...

— Я прикажу убрать эту голову, чтобы она здѣсь не засохла, — проговорилъ Мамоничъ.

И онъ въ упоръ посмотрѣлъ на француженку, но, къ уди-

вленію, замѣтилъ въ ея глазахъ нѣжное страстное выраженіе.

Скульпторъ съ твердостью выдержалъ этотъ взглядъ, затѣмъ пожалъ плечами и вышелъ.

Послѣ этого довольно продолжительнаго сеанса, онъ вернулся домой усталый до такой степени, что принужденъ былъ лечь въ постель. Этотъ сильный человекъ былъ очень взволнованъ; для него теперь стала понятна вся исторія съ Яномъ.

— Что съ тобой? — спросилъ художникъ.

— Чувствую, что если эти сеансы будутъ продолжаться, я также обезумѣю отъ ея взора, силу котораго она пробуетъ и на мнѣ. Но, слава Богу, у меня на сегодня нашлось достаточно силы для того, чтобы сыграть комедію и отомстить за тебя.

— Какимъ образомъ?

— Я объяснилъ Эльвирѣ, что ты изучалъ выраженіе ея глазъ для картины *Аспазія*, теперь она вѣроятно проклинаетъ тебя. Я представилъ тебя безпощаднымъ насмѣшникомъ, человекомъ скрытнымъ, холоднымъ. Больше я туда не пойду и мнѣ кажется, что она въ свою очередь дала мнѣ безсрочный отпускъ. Я даже не предполагалъ, сколько очарованія придаетъ женщинѣ красивый нарядъ, изящныя манеры и окружающая ихъ роскошь. Мнѣ приходилось знать женщинъ такими, какими создалъ ихъ Богъ, а не какими ихъ создалъ свѣтъ и вообще цивилизованное общество. Чувствую, что этой новой для меня, неизвѣстной женщиной, я могъ бы быть побѣжденъ. Если бы я ее полюбилъ, то эта любовь была бы для меня первой и послѣдней, а потому не желаю себя подвергать невѣдомой опасности, не сдѣлаю этого даже для тебя и болѣе не пойду!.. Не знаю, извѣстна-ли тебѣ, — добавилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, — легенда о святомъ Мартиніанѣ. Какъ художнику-христіанину тебѣ необходимы Житія Святыхъ и Мартирологія, такъ какъ для картинъ нигдѣ не найти столько возвышенныхъ и прекрасныхъ сюжетовъ, какъ въ этихъ книгахъ. Онѣ вдохновляли такихъ величайшихъ художниковъ, какъ Рафаэль, Рибейра, Фра Анжелико, Караッチи, Тиціана, Пальма, Беллини, наивныхъ голландцевъ и методичныхъ нѣмцевъ. На каждой страницѣ ты найдешь сюжетъ, полный *выраженія*, а выраженіе есть цѣль новаго возрожденнаго искусства. Греческое искусство пользовалось только прекрасными линіями, для воп-

лощенія своей мысли, оно идеализировало тѣло и его формы, но ничего болѣе. Новое искусство, не отказываясь отъ формы, пользуется линіей, пробиваетъ внѣшнюю оболочку жизни и даетъ намъ мысль, душу, словомъ *выраженіе*. Последнее означаетъ, что новое искусство заговорило, между тѣмъ какъ старое было прекрасно, но безжизненно. Но вернемся къ легендѣ. Я прочелъ ее, и съ того времени часто вспоминаю ее *Si non e vero eben trovato*. Она теперь въ особенности поучительна какъ тебѣ, такъ и мнѣ. Слушай! Мартиніанъ родился въ половинѣ четвертаго вѣка въ Цезареѣ Палестинской. То было время горячей вѣры, а потому и неудивительно, что онъ, будучи восемнадцатилѣтнимъ юношей, по примѣру многихъ святыхъ, удалился въ пустыню. Слава объ удивительной набожности юнаго анахорета вскорѣ разнеслась по всей странѣ. Люди, съ изумленіемъ глядя на его аскетическій образъ жизни, на его святость, толпами ходили въ пустыню, чтобы получить отъ него благословленіе. Въ то время въ Цезареѣ жила одна легкомысленная женщина, по имени Зоэ. Она была молода, прекрасна, какъ греческая статуя, и чрезвычайно самоувѣренна, такъ какъ никто не могъ противиться чарамъ ея красоты. Однажды на какомъ-то пиршествѣ Зоэ, смѣясь, сказала, что нѣтъ такого челоуѣка, котораго бы она не сумѣла соблазнить, хотя-бы даже онъ былъ святымъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ стали съ ней спорить и между прочимъ указали, какъ на примѣръ воздержанія, на пустытника Мартиніана. Зоэ, не развѣдѣвшая пустытника, громогласно заявила, что соблазнить его. Въ тотъ-же вечеръ, взявъ съ собою богатые наряды, драгоценности, вѣнки, она въ одеждѣ нищей отправилась въ пустыню. Подойдя къ двери избушки, гдѣ обиталъ пустытникъ, Зоэ жалобнымъ голосомъ стала просить у него пріюта. Мартиніанъ открылъ двери, принялъ ее, развелъ огонь и накормилъ путницу. Зоэ тайкомъ отъ него скинула свои лохмотья, и, надѣвъ чудное платье, предстала передъ пустынникомъ во всемъ блескѣ своей красоты. Восемнадцатилѣтній Мартиніанъ, не смотря на то, что страсти въ немъ горѣли яркимъ пламенемъ, мужественно боролся съ искусительницей, какъ съ самымъ опаснымъ врагомъ. Наконецъ, послѣ ожесточенной борьбы, Мар-

тиніанъ, обезсиленный, упалъ. Зоэ осталась съ нимъ и не думала вернуться въ Цезарею; въ пустынь для нея теперь заключался весь міръ. Но вскорѣ послѣ паденія, Мартиніана стали мучить укоры совѣсти. Однажды вечеромъ къ нему, по обыкновенію, пришли какіе то люди за благословеніемъ. Пустынникъ заперся въ своей кельѣ и сталъ плакать, чувствуя себя недостойнымъ исполнить просьбу. Затѣмъ, желая наказать себя за преступленіе, онъ развелъ костеръ и положилъ на него свои ноги.

Вошла Зоэ.

— Что это такое?—съ тревогой спросила она.

— Я пробую,—отвѣтилъ пустынникъ—смогу-ли перенести адское пламя, ибо навѣрно мнѣ не избѣгнуть его.

Зоэ, взволнованная упала передъ нимъ на колѣни; это великое добровольное мученичество, эта жажда искупить свое прегрѣшеніе, въ одну минуту ее просвѣтили, и вскорѣ язычница сдѣлалась ревностной христіанкой.

— Какая картина, Янъ, не правда-ли?.. Но это только одна часть легенды, вторая часть еще болѣе краснорѣчива. Мартиніанъ проводилъ Зоэ въ монастырь, а самъ, убѣдившись до какой степени люди часто безсильны въ борьбѣ съ своими страстями, удалился на пустынный островокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ моремъ, куда ему привозили пищу окрестные рыбаки. Долго, долго жилъ такимъ образомъ пустынникъ. Однажды на морѣ поднялась сильная буря. Недалеко отъ островка какой-то корабль потерпѣлъ крушеніе. Мартиніанъ въ это время стоялъ на скалѣ и молился за погибавшихъ. Внезапно онъ увидѣлъ, что къ скалѣ подплыла какая-то молодая прелестная дѣвушка. Она до такой степени была уже обезсилена, что никакъ не могла взобраться на берегъ. Пустынникъ спасъ утопавшую, привелъ въ свою пещеру, предоставилъ все въ ея распоряженіе, а самъ, во избѣжаніе соблазна, кинулся въ море. Берегъ былъ недалеко и Мартиніанъ благополучно доплылъ до него. Послѣ этого онъ еще долго жилъ и умеръ въ Аѳинахъ. Развѣ эта легенда не доказываетъ намъ, какъ часто бѣгство является побѣдой? Да, Янъ, надо бѣжать отъ опасности, пока не поздно. Кто знаетъ, не палъ-ли-бы Мартиніанъ, если бы остался на безлюдной скалѣ, вмѣстѣ со спасенной имъ дѣ-

вушкой? Я вспомнилъ эту легенду, когда почувствовалъ въ своей груди пламя, вспыхнувшее отъ взоровъ этой женщины.

Инь улыбнулся и спросилъ:

— Съ какого времени ты сталъ такимъ религіознымъ?

— Религіознымъ? Я всегда былъ таковымъ. Но здѣсь дѣло идетъ не объ этомъ. Я предпочелъ-бы полюбить простую дѣвушку, нежели эту безсердечную женщину, это воплощеніе лжи. Впрочемъ, довольно о ней!... Пойдемъ лучше къ милой Ядвигѣ, она насъ успокоитъ.

Недалеко отъ городского сада они встрѣтились съ докторомъ. На немъ былъ черный костюмъ и огромная съ широкими полями шляпа. Они поздоровались. Титъ поспѣшилъ рассказать ему о начатомъ бюстѣ.

— Да! да!—серьезно отвѣтилъ Фантазусъ.—Она ни въ чемъ не измѣнилась съ того времени, когда я ее видѣлъ у покойной царицы Клеопатры. Но, повторяю, ее можно покорить.

— Какимъ образомъ?

— Я уже сказалъ вчера—насмѣшкой и презрѣніемъ. Это единственный способъ овладѣть ея сердцемъ.

— Развѣ у нея есть сердце?

— Есть! но, видите-ли, сердце сердцу рознь. Мы съ покойнымъ Галеномъ производили наблюденіе надъ человѣческими сердцами. Вы не повѣрите, до какой степени онѣ разнообразны. Развѣ можно съ ними сравнить уши, губы, носъ? Сердца бываютъ большія, малыя, высокія, низкія, широкія, узкія, круглыя, треугольныя, квадратныя, звѣздообразныя, твердыя, мягкія, губчатые и. т. п. Мнѣ случалось находить людей, у которыхъ вовсе не было сердца, а вмѣсто него оказывалась часть сконцентрированного мозга, которая великолѣпно функционировала, вырабатывая кровь и мысль одновременно. Тѣ люди были безъ чувствъ, но зато ихъ холодныя мысли имѣли нѣжную окраску. Но возвращаюсь къ французенкѣ. Она, повторяю, можетъ быть побѣждена только насмѣшкой, но, вѣрьте мнѣ, женщины такого рода не особенно интересны. Только глаза ея могли-бы пригодиться для коллекціи.

— И линія профиля,—добавилъ Титъ.

— Можетъ быть.

— Оставимъ это,—проговорилъ скульптуръ. А,—вы вотъ

лучше объясните намъ, что означаетъ часто повторяемая вами фраза: «Я тамъ былъ»?

— Означаетъ то, что я тамъ былъ въ дѣйствительности, — отвѣтилъ старикъ.

— Какимъ образомъ?

— Я душой тамъ былъ.

— А, душой только. Но этакъ и мы тамъ бывали по временамъ.

— О! далеко не такъ, — съ улыбкой прервалъ Фантазусъ. — Я былъ иначе... Пусть люди говорятъ, что имъ угодно, но я утверждаю, что прошлое продолжаетъ жить. Всякій, кто нашелъ путь къ прошлому, можетъ пойти туда и увидѣть. Ни одна минута не исчезла. Все, что было, живетъ и, быть можетъ, болѣе прочной жизнью, чѣмъ то, что еще теперь вырабатывается и называется настоящимъ. Пророкъ созерцаетъ какъ будущее, такъ и прошлое, ибо все что было, есть и будетъ, можно опредѣлить однимъ только словомъ «есть». Но вы, кажется, меня не понимаете, а потому не будемъ говорить объ этомъ.

Онъ опустилъ голову и умолкъ.

Приблизившись къ базальтовому сфинксу, докторъ съ улыбкой сказалъ Яну:

— Такіе люди, какъ Батрани, или вѣрнѣе, Батрани навѣрно видѣлъ въ сфинксѣ символъ женщины, не правда-ли?

— Откуда вы знаете? — съ изумленіемъ и почти со страхомъ спросилъ Янъ.

— Откуда? Это для васъ безразлично, — возразилъ докторъ. — Но сфинксъ вовсе не символъ женщины. Это символъ всей языческой эры. Прелестное лицо означаетъ понятіе о красотѣ, крылья означаютъ поэтическую возвышенность той эпохи, ея философскія мечты, тѣло матеріальную сторону жизни. Сама фигура, само чудовищное соединеніе двухъ натуръ — человѣческой и звѣриной, ясно свидѣтельствуетъ, что древніе считали человѣка отчасти животнымъ. Только съ наступленіемъ христіанской эры начинается человѣкъ-духъ. Боги древнихъ изображались въ звѣриныхъ шкурахъ. И тутъ опять мы видимъ, въ этой получеловѣческой, полужвѣриной формѣ прочную связь первобытныхъ эпохъ со всей природой.

Докторъ Фантазусъ вздохнулъ, закурилъ сигару и продолжалъ.

— Если васъ интересуетъ, то я вамъ расскажу исторію сфинкса. Этотъ, котораго вы теперь видите передъ собой, есть миниатюрное изображеніе самаго славнаго изъ сфинксовъ, а именно египскаго, котораго Гезіодъ называетъ дѣтищемъ чудовищъ Ехидны и Тифона. У него голова и грудь женщины, львиныя лапы, тѣло пса, хвостъ дракона, а крылья птачьи. Кто знаетъ, не является ли онъ тутъ эмблемой природы, царемъ которой считается человѣкъ? Юнона послала его въ Оивы; на Фликейской горѣ внезапно появляется все уничтожающій сфинксъ; онъ подстерегаетъ прохожихъ и предлагаетъ имъ загадки. Не такъ - ли природа подстерегаетъ насъ съ своими вѣчными загадками и убиваетъ, какъ сфинксъ, тѣхъ, которые не разгадали его загадки? Онъ, говорятъ, спрашивалъ прохожихъ: «кто ходитъ утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а вечеромъ на трехъ?» Никто не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, одинъ только Эдипъ нашелся и сказалъ: «Это человѣкъ, ползающій въ дѣтствѣ, находящійся въ полномъ расцвѣтѣ силъ въ полдень и опирающійся на палку подъ старость». Человѣкъ Эдипа заключаетъ исторію трехъ эпохъ, безпрестанно повторяющихся въ исторіи человѣчества. Надъ опредѣленіемъ этого символическаго чудовища не мало трудились какъ въ древности, такъ и въ позднѣйшее время. Діодоръ увѣрялъ, что въ странѣ Троглодитовъ часто встрѣчались живые сфинксы, но они были очень ласковы и общительны. Сфинкса изображали въ разныхъ положеніяхъ и формахъ. Вы оба были въ Римѣ и вѣроятно помните базальтоваго сфинкса въ виллѣ Боргезе и краснаго, гранитнаго въ Ватиканѣ. Часто случается видѣть изображеніе сфинкса, опирающагося своей лапой на человѣческій черепъ.

— Такого именно я видѣлъ во Флоренціи у маркиза Риккарди, — сказалъ Янъ. — Мысль эта мнѣ понравилась. Двѣ великія загадки: жизнь и смерть.

— Совершенно вѣрно! — воскликнулъ Фантазусъ.

Въ эту минуту Янъ провелъ рукой по лежащему на крыльцѣ сфинксу и спросилъ:

— Неужели это базальтъ? Я сомнѣваюсь... это не древняя работа, вѣрнѣе это великолѣпное подражаніе.

— Пойдемъ, пойдемъ!—нахмурившись сказалъ докторъ, и тотчасъ поспѣшилъ увести художника, котораго, однако, отчасти удивило это открытіе.

Ядвига приняла Яна, какъ стараго знакомаго, и пригласила его въ свои комнаты.

Докторъ и Мамоничъ усѣлись на диванъ и стали тихо бесѣдовать.

Внезапно раздался звонокъ, дверь открылась, и черезъ минуту послышался чей-то голосъ.

— Здѣсь живетъ докторъ?

Фантазусъ поспѣшилъ въ прихожую и увидѣлъ тамъ лакея въ ливреѣ.

— Ты отъ кого?—спросилъ онъ вошедшаго.

— Отъ супруги каштеляна...

— Что-же случилось? больна?

— Больна и просить васъ немедленно пожаловать во дворецъ.

Докторъ взялъ шляпу и уѣхалъ.

Титъ отправился въ комнату Ядвиги и засталъ молодыхъ людей оживленно бесѣдующими.

Не желая мѣшать имъ, онъ сѣлъ въ кресло и сталъ просматривать альбомы.

— Гдѣ же докторъ?—спросилъ Янъ, обращаясь къ своему другу.

— Уѣхалъ къ больному.

— Это замѣчательно!—съ улыбкой прошентала Ядвига,— моего бѣднаго отца чуть-ли не считаютъ безумцемъ; но когда приходится плохо, тогда непременно обращаются къ нему за совѣтомъ.

Тѣмъ временемъ Фантазусъ медленно вошелъ въ одну изъ залъ великолѣпнаго дворца Огинскихъ. Эльвира въ какомъ-то горячечномъ состояніи прохаживалась взадъ и впередъ, разсѣянно глядя по сторонамъ.

Докторъ, остановившись у порога, тихо сказалъ по-французски.

— Вы меня приглашали?

Услышавъ голосъ, молодая женщина вздрогнула, быстро подошла къ прибывшему и стала пристально въ него всматри-

ваться. Ей показалось, что этого человѣка она гдѣ-то видала, но не могла вспомнить гдѣ именно.

— Кто вы такой? — въ свою очередь спросила Эльвира.

— Докторъ Фантазусъ.

— Докторъ! — съ насмѣшливой улыбкой воскликнула она, снова окидывая его внимательнымъ взоромъ. — Въ такомъ случаѣ спасите меня отъ болѣзни. Я страшно скучаю, положительно умираю отъ скуки, мнѣ все надоѣло, жизнь такъ не интересна. Въ сердцѣ пустота, даже отчаяніе... А между тѣмъ, — внезапно добавила она, — иные находятъ во мнѣ какое-то сходство съ Аспазіей!

— Это ложь! — какъ-бы присматриваясь къ ней, серьезно замѣтилъ Фантазусъ. — Аспазія была гораздо красивѣе, кромѣ того, жизнь ей не казалась настолько скучной, какъ вамъ, а слѣдовательно и въ этомъ отношеніи на ея сторонѣ было довольно важное преимущество.

— Что это значить, докторъ?

— Вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ? Даю вамъ честное слово, что я лично зналъ Аспазію, но между вами и ею рѣшительно не нахожу ни малѣйшаго сходства.

— Пусть будетъ такъ. Но я больна, а потому спасите меня, посоветуйте, что дѣлать?..

— Вы больны не тѣломъ, но душой. Все несчастье заключается въ вашихъ глазахъ.

— Въ глазахъ!

— Вся ваша жизнь заключается въ одномъ чувствѣ... въ зрѣніи и въ этомъ ваша болѣзнь. Несмотря на поразительную красоту и чудные глаза, вамъ не удалось увидѣть того, о чемъ вы мечтали, когда...

— Докторъ! что это такое? откуда вы меня знаете?

— Я? нѣтъ, мы незнакомы...

Молодая женщина смотрѣла на него съ какимъ-то страхомъ.

— Кромѣ того, — продолжалъ Фантазусъ, — у васъ нѣтъ сердца.

— Вотъ ужъ въ этомъ вы ошибаетесь! Я такъ страдаю.

— У васъ есть сердце, но только для себя; у васъ болятъ глаза, но не сердце, а чѣмъ мы грѣшимъ, отъ того и страдаемъ.

— Докторъ!— съ гнѣвомъ воскликнула молодая женщина, — я васъ пригласила для совѣта, а не для того, чтобы...

— Я даю совѣты.

— Лѣкарство! дайте мнѣ лѣкарство!

— Будетъ и это, позвольте пульсъ.

Онъ взялъ за кисть.

— Пульсъ плохой: вы сердитесь на свои глаза, на свою судьбу, и отчасти на Аспазію.

— Вы это знаете отъ того негоднаго ремесленника, который такъ меня разсердилъ.

— Нѣтъ, это мнѣ сказалъ вашъ пульсъ. Но поговоримъ теперь о лѣкарствѣ. Вамъ надо любить и все пройдетъ. У васъ можетъ образоваться сердце и вы будете спасены. Постарайтесь объ этомъ и болѣзнь исчезнетъ. Но прежде всего вамъ надо избавиться отъ чрезмѣрнаго эгоизма. Всѣ могучія организаціи склонны поддаваться эгоизму. Эгоизмъ есть инстинктъ жизни. Болѣе сильныя организаціи обладаютъ большимъ эгоизмомъ. Но съ нимъ надо бороться истараться видоизмѣнить его настолько, чтобы въ концѣ концовъ этотъ инстинктъ преобразился въ любовь къ людямъ. Освободитесь отъ эгоизма и вы будете здоровы. Повторяю еще разъ, — вамъ надо любить.

— Не понимаю васъ.

— Вы меня не понимаете?—медленно проговорилъ Фантазусъ.— Въ такомъ случаѣ я постараюсь выразаться яснѣе: у васъ есть мать.

Услышавъ это, Эльвира поблѣднѣла и закрыла глаза руками.

— У васъ есть сестра, — добавилъ докторъ, — у васъ есть отецъ.

— Докторъ, кто вамъ это сказалъ? кто вы такой?

— У васъ есть мужъ.

— Мужъ! — пожавъ плечами, сказала молодая женщина, — такой мужъ!

— Слишкомъ добрый.

— Но кто же вы такой?—воскликнула Эльвира, — дьяволъ, что-ли?

— Нѣтъ, только докторъ. Вы жалуетесь на скуку, на несносную жизнь, на душевныя страданія. Отчего вы не вспом-

ните про свою бѣдную мать, про несчастную сестру, про сѣдого отца, который съ такой нѣжностью прощался съ вами, когда вы уѣзжали въ чуждый край.

— Докторъ! — съ какимъ-то ужасомъ крикнула Эльвира, взглядываясь внимательно въ этого страннаго человѣка. — Я васъ знаю, я васъ видѣла: вы...

— Здѣшній докторъ и ничего болѣе.

— Нѣтъ! отъ этого можно обезумѣть! — схватившись за голову воскликнула француженка. — Непонятно! удивительно!

— Любите, — повторилъ Фантазусъ, — мать, сестру, мужа, но любите кого-нибудь, кромѣ себя. Не считайте себя лучше другихъ потому только, что Богъ далъ красивые черные глаза и такую-же черную душу.

— Это какой-то безумецъ! — съ безпокойствомъ прервала Эльвира.

— Такъ многіе говорятъ, — сказалъ Фантазусъ.

Молодая женщина позвонила. Прибѣжалъ камердинеръ.

— Кто привезъ этого господина? Кто его пригласилъ? — спросила она.

— Я, — отвѣтилъ камердинеръ. — Мнѣ сказали, что этотъ господинъ самый лучший врачъ.

— Отвезти его назадъ, — гордо воскликнула Эльвира.

Докторъ спокойно взялъ свою шляпу. Француженка дала ему три червонца.

— Мой совѣтъ стоитъ по крайней мѣрѣ тридцать червонцевъ, или ровно ничего не стоитъ, — проговорилъ Фантазусъ и направился къ двери.

Эльвира порывисто схватила кошелекъ и, вручивъ его старику, сказала:

— Прощайте.

— Будьте здоровы, — отвѣтилъ докторъ.

И онъ вышелъ, съ улыбкой поглядывая на кошелекъ съ червонцами.

Вернувшись домой, Фантазусъ засталъ еще у себя обоихъ молодыхъ людей и тотчасъ предложилъ имъ пойти въ садъ полюбоваться чуднымъ звѣзднымъ небомъ. Всѣ отправились.

Докторъ вполне серьезно сталъ рассказывать о своихъ воздушныхъ путешествіяхъ съ планеты на планету.

— Представьте себѣ, — говорилъ онъ, — что однажды мнѣ захотѣлось улетѣть туда, куда не залетаетъ даже человѣческая мысль, а именно туда, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни жизни, гдѣ царить вѣчная ночь, словомъ, погрузиться въ небытіе. То, что я тамъ видѣлъ, не поддается описанію. Въ этомъ мракѣ, въ этомъ вѣчномъ молчаніи было что-то ужасное. Я думалъ, что погибну въ этой холодной, пустой атмосферѣ, уничтожающей все, что туда попадетъ. Къ счастью, я только погрузилъ голову въ эту бездну и во-время отпрянулъ назадъ, но съ той поры у меня часто бываютъ головныя боли. Представьте себѣ вѣчный мракъ, невозмутимое, гробовое молчаніе, абсолютную пустоту, а среди этого небытія живое, чувствующее существо, котораго никто не видитъ, не слышитъ — это что-то ужасающее! Но какая радость овладѣла мной, когда, вырвавшись изъ объятій небытія, я увидѣлъ милліары небесныхъ свѣтилъ, кружащихся въ безграничныхъ эфирныхъ пространствахъ. Какая необыкновенная картина! Меня до такой степени поразило это чудное, волшебное зрѣлище, что нѣкоторое время я не сознавалъ, гдѣ я и что со мною. Наконецъ, я опомнился и, улетѣвъ на ближайшую комету, сто лѣтъ согрѣвался ея горячими лучами и совершилъ вмѣстѣ съ нею ея обычное путешествіе отъ солнца къ солнцу. Каждый разъ, когда я вспоминалъ эту опасную экскурсію, меня охватывала дрожь.

— А не были ли вы, — прервалъ Титъ, — на одной изъ такъ называемыхъ туманныхъ звѣздъ, которыя до сихъ поръ считаются какой-то загадкой?

— Какой загадкой? — сказалъ Фантазусъ. — Это бѣдныя, неоконченныя созданія звѣзднаго міра. Во всемъ міросозданіи вообще, какъ и въ частности, на нашей землѣ существуютъ разнообразныя организаціи.

Въ эту минуту присутствующіе замѣтили на южной сторонѣ неба падающую звѣзду.

— Вы видѣли этотъ зеленовато-огненный глазъ? — проговорилъ докторъ. — Два раза въ годъ масса падающихъ звѣздъ и метеоровъ проникаетъ въ земную атмосферу и разсѣивается въ ней. Это случается въ началѣ апрѣля и ноября. А знаете ли почему? Дѣло въ томъ, что вокругъ земли вращается, обыкновенно, невидимая, прозрачная, газообразная масса, кото-

рая любить нашу планету, но осуждена только кружиться вокруг своей возлюбленной и только два раза въ годъ приближается къ ней. Падающія звѣзды и метеоры—это огненные поцѣлуи, которые она посылаетъ землѣ. Въ апрѣлѣ и ноябрѣ происходитъ великое невидимое соединеніе двухъ возлюбленныхъ, которые, еле прикоснувшись другъ къ другу, снова разлучаются.

Сказавъ это, докторъ на минуту погрузился въ задумчивость.

— Вы намъ рассказывали о небѣ,—проговорилъ Титъ,—а теперь повѣдайте намъ что нибудь о землѣ.

— Когда-нибудь въ другой разъ,—отвѣтилъ Фантазусъ,—теперь я усталъ.

Молодые люди стали прощаться.

Ядвига крѣпко пожала руку Яну и сказала:

— Завтра мы опять увидимся? Не правда-ли?

— Завтра, ежедневно и всегда,—отвѣтилъ художникъ.

На слѣдующій день Янъ засталъ Ядвигу за какой-то работой. На глазахъ были слезы.

— Вы плакали?—съ безпокойствомъ спросилъ художникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшно отвѣтила она, окинувъ его ласковымъ взглядомъ.

— Вы что-то скрываете отъ меня. Я это чувствую. Признайтесь, вы плакали?

— Немного.

— Объясните мнѣ причину вашихъ слезъ.

— Вы будете смѣяться.

— Увѣряю васъ, что смѣяться не буду.

— Я думала о будущемъ.

— Что же въ немъ страшнаго?

— Многое. Мой отецъ здѣсь страдаетъ. Ему опять хочется путешествовать, но онъ не рѣшается оставить меня одну. Я пошла бы въ монастырь, но боюсь ему сказать... Онъ не позволить.

— Зачѣмъ же въ монастырь?

— А что же мнѣ дѣлать?

— Неужели вы не знаете, что я васъ люблю?

— Я знаю, вы вчера мнѣ говорили объ этомъ, но отецъ

говорить, что вамъ не слѣдуетъ жениться. Жена — бремя для художника, онъ долженъ всецѣло посвятить себя искусству.

— Лучше отказаться отъ искусства, нежели отъ счастья!

— Я какъ отцу, такъ и вамъ буду помѣхой въ жизни.

— Что вы говорите? Мы будемъ счастливы.

— Одну минуту?

— Гораздо больше, — съ улыбкой сказалъ Янъ, — напротивъ, я думаю, что мы будемъ счастливы всю жизнь. Вы мнѣ позволяете сегодня же переговорить съ вашимъ отцомъ?

Ядвига вздохнула и подала ему руку.

— Слушайте, — сказала она, — вы еще подумайте. Я не хочу обрѣсти счастье цѣною вашей свободы. Наконецъ, художникъ у насъ не обезпеченъ въ отношеніи заработка. Мой отецъ вовсе не богатъ и помочь онъ намъ не можетъ.

— Я ничего не хочу.

— Но хватитъ-ли вашего заработка?

— Почему же нѣтъ? Мы будемъ жить скромно, а любовь услаждаетъ бѣдность.

Янъ приблизился къ молодой дѣвушкѣ и поцѣловалъ ее въ лицо.

Ядвига очень сконфузилась и отступила къ двери, но на порогѣ комнаты внезапно увидѣла отца.

— Что это такое? — нахмурившись сказалъ докторъ. — У меня въ домѣ воръ?

— Нѣтъ! — воскликнулъ Янъ, — сынъ, если позволите.

— Если позволю! Въ этомъ-то и вопросъ! Не очень вы просите позволенія! Ну, а если я позволю? — съ улыбкой спросилъ старикъ.

— Въ такомъ случаѣ вы осчастливите меня! — сказалъ Янъ, взявъ доктора за руку.

— А осчастливишь ли ты мою дочь? И на долго ли? Будетъ ли она счастлива всю жизнь?

— Я дамъ клятву.

— Но сдержишь-ли ее?

— Неужели вы сомнѣваетесь?

— Отецъ! не сомнѣвайся, — прервала дѣвушка, бросившись ему на шею. — Янъ меня любитъ, и ты знаешь, что я его тоже люблю.

— Ну, хорошо, дитя мое, выходи за него замужъ. А ты, Янъ, береги довѣренное тебѣ сокровище.

Художникъ обнялъ и поцѣловалъ старика, который, казалось, былъ взволнованъ.

— Теперь, — скажамъ Фантазусъ, — подумайте о свадьбѣ. Тотчасъ послѣ свадьбы мнѣ придется уѣхать.

— Опять, но куда? надолго ли? — съ укоромъ спросила Ядвига.

— Надолго ли? Не знаю, — проговорилъ старикъ. — Теперь мнѣ есть кому довѣрить Ядвигу, а потому ѣду, ѣду; но помните, дѣти, живите въ любви и согласіи. Я не могу съ вами остаться, такъ какъ безповоротно рѣшилъ совершить экскурсію къ сѣверному полюсу. Удастся мнѣ достигнуть цѣли или придется погибнуть — это одному лишь Богу извѣстно.

— Какимъ же образомъ вы погибнете, — съ улыбкой спросилъ Янъ, — когда вы не можете погибнуть? Вѣдь, по вашимъ словамъ, вы жили и всегда будете жить.

— А, ты хотѣлъ меня поймать! — отвѣтилъ Фантазусъ. — Я могу погибнуть въ одной формѣ и затѣмъ возродиться въ другой. Погибну для васъ, но не для себя... Если я не вернусь, — добавилъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, — изрѣдка вспомните обо мнѣ. Воспоминаніе является какъ бы продолженіемъ земной жизни. Люди разно обо мнѣ говорятъ. Одни меня считаютъ безумцемъ, другіе дуракомъ. Люди дуракомъ называютъ всякаго, кто думаетъ не такъ, какъ они. Никто однако не назоветъ меня безчестнымъ или злымъ. Впрочемъ, Богъ съ ними! Одно лишь несомнѣнно, что я жажду знанія и люблю науку болѣе всего на свѣтѣ, даже болѣе васъ — вотъ грѣхъ моей жизни. Но за этотъ грѣхъ меня постигнетъ кара.

И старикъ порывисто вышелъ изъ комнаты.

Ядвига плакала, Янъ глубоко задумался.

— Дорогая моя, — сказалъ онъ черезъ минуту, — отецъ нашъ только пугаетъ. Не думай объ этомъ, и не отравляй самыхъ чудныхъ минутъ нашей жизни. Скажи мнѣ, тебя не тревожитъ то, что мы не богаты?

— Нѣтъ, я боюсь только за тебя.

— Не бойся, мы будемъ жить экономно, я буду неутомимо трудиться.

— Ахъ, если-бы отецъ могъ остаться съ нами!

— Ты вѣдь слышала и сама знаешь, что этого быть не можетъ, намъ не умолить его. Отецъ, кажется, ждалъ только минуты, чтобы довѣрить тебя кому-нибудь; онъ опять начнетъ странствовать, какъ всегда. Кто знаетъ, быть можетъ, онъ въ уединеніи работаетъ надъ великими задачами, разрѣшеніе которыхъ принесетъ счастье человѣчеству.

— Я его мало знаю. Одно мнѣ извѣстно, что отецъ безусловно хорошій человѣкъ.

Такъ пробесѣдовали они объ отцѣ, о своемъ будущемъ до вечера. Наконецъ Янъ попрощался съ своей невѣстой и ушелъ въ самое счастливое настроеніе.

Вечеръ былъ прекрасный, теплый; художнику захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ и онъ направился къ рѣкѣ. Ему пришлось идти мимо дворца Огинскихъ. Онъ невольно взглянулъ на это великолѣпное зданіе и вдругъ къ удивленію своему замѣтилъ, что противъ освѣщенныхъ оконъ дворца прохаживались взадъ и впередъ какіе-то люди. Остановившись, Янъ сталъ внимательно слѣдить за ними. Въ ближайшемъ къ нему онъ узналъ съ виду равнодушнаго каштеляна, который задумчиво поглядывалъ на окна нѣкогда своей квартиры, очевидно, съ цѣлью увидѣть въ одномъ изъ нихъ такъ недавно любимую жену. Второй былъ не кто иной, какъ докторъ Фантазусъ, бродившій возлѣ дома, какъ волкъ около овчарни. Замѣтивъ, что за нимъ кто-то слѣдитъ, онъ моментально скрылся. Въ третьемъ художникъ призналъ Тита. Оказалось, что всѣ они вздыхали и мечтали о прекрасной французженкѣ. Янъ подкрался къ своему другу и внезапно схватилъ его за руку.

— А ты что здѣсь дѣлаешь?—спросилъ онъ скульптора.

— Ничего особеннаго?—съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтилъ Титъ.

— Зачѣмъ ты тутъ стоишь?

— Отдыхаю.

— Вотъ нашелъ мѣсто! Пойдемъ со мной. Ну, и собралась компанія! Огненные глаза Эльвиры очевидно произвели свое дѣйствіе. Это положительно непонятно! Ну, что въ нихъ особеннаго?

— Что въ нихъ особеннаго—пылко повторилъ скульпторъ.—

Въ нихъ рай и адъ, въ нихъ, какъ въ музыкѣ, сладостная вмѣстѣ съ тѣмъ непонятная рѣчь. Это какіе-то гіероглифы, таинственные, чарующіе, непостижимые. Ахъ, эти глаза! эти волшебные глаза!

— Въ нихъ вовсе нѣтъ того, что ты имъ приписываешь, — возразилъ Янъ. — Я эти глаза знаю, такъ какъ чуть было не умеръ отъ нихъ.

— А я изъ-за нихъ чуть было не началъ жить, — воскликнулъ Титъ. — Къ счастью, я во время удержался. Однако, неудивительно-ли такое совпаденіе! Каштелянъ, докторъ Фантазусъ и я, всѣ трое, точно пятнадцатилѣтніе мальчики, тащимся подъ ея окна въ то самое время, какъ она, быть можетъ, пробуетъ силу своего взора на комъ-нибудь другомъ.

— Будетъ о ней! — замѣтилъ Янъ, — пойдемъ со мной. Имѣй въ виду, что завтра моя свадьба и ты долженъ помочь мнѣ въ устройствѣ квартиры. Ты придешь?

— Приду, спокойной ночи!

— Не возвращайся только подъ окна фравцуженки.

Друзья засмѣялись и разошлись.

Наконецъ насталъ для Яна желанный день. Все утро прошло въ устройствѣ квартиры для новой, неизвѣданной еще жизни. Вечеромъ въ небольшой приходской церкви произошла тихая, скромная свадьба, послѣ которой новобрачные отправились въ свое уютное гнѣздышко, а старый докторъ Фантазусъ, вѣрный своему слову, въ тотъ же день уѣхалъ.

Первый годъ молодые супруги прожили весело и беззаботно, всецѣло отдавшись искренней и горячей привязанности, въ которой, вслѣдствіе соотвѣтствія характеровъ, не могло быть никакихъ диссонансовъ. Они наслаждались невозмутимымъ счастьемъ, забывая о мелочныхъ заботахъ будничной жизни.

Вскорѣ, однако, она напоминала имъ о себѣ. Тѣ маленькія средства, которыя были въ ихъ распоряженіи въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы, таяли, вслѣдствіе непрактичности молодой неопытной супруги, съ поразительной быстротой. Янъ опомнился и, вполне сознавая серьезность положенія, сталъ усиленно искать работы.

Но не такъ-то легко ее было найти. Людей способныхъ оцѣнить его талантъ въ то время въ Вильнѣ было очень мало;

кроме того, местные живописцы считали Яна слишком опасным конкурентом и всюду старались ему вредить. Картины, привезенные изъ Рима, до сихъ поръ не были проданы, такъ какъ назначенная за нихъ цѣна казалась всѣмъ очень высокой, словомъ, дѣла принимали дурной оборотъ.

Янъ рѣшилъ посоветоваться съ Титомъ. Пригласивъ своего друга въ мастерскую, онъ откровенно рассказалъ ему все, какъ есть.

— Да, дѣла не хороши, — проговорилъ Мамоничъ. — Допустимъ, что ты займешься портретами, но развѣ это вѣрный заработокъ и развѣ ты выдержишь конкуренцію съ здѣшними живописцами, которые довольствуются самымъ незначительнымъ вознагражденіемъ? Въ нашъ вѣкъ безвѣрія и полнѣйшаго индифферентизма ко всему, что касается религіи, уже не воздвигаются величественные храмы и не украшаются такъ, какъ это было нѣкогда, а тѣ, что существуютъ, переполнены картинами и статуями. Духовенство занялось политикой, литературой, воспитаніемъ, искусство ему почти чуждо, что-же касается работы въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, то такихъ здѣсь очень мало, да и вознагражденіе за трудъ тамъ, въ полномъ смыслѣ слова, ничтожное. Положительно не знаю, что тебѣ посоветовать.

— Но все-же, какъ ты думаешь?

— Если бы ты былъ менѣе честенъ, горю можно было-бы помочь.

— Надѣюсь, ты мнѣ не предложишь того, что не согласно съ моими убѣжденіями.

— А не можешь-ли ты оставить живопись и заняться чѣмъ-нибудь другимъ?

— Нѣтъ, это немыслимо.

Скульпторъ взглянулъ на Яна; тотъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

— Неужели ты въ такомъ критическомъ положеніи? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, но очень скоро мои средства изсякнутъ.

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ слѣдуетъ на время забыть, что ты великій художникъ и подчиниться требованіямъ публики. Затѣмъ ты долженъ завязать сношенія съ такъ называемыми

нужными людьми и съ здѣшними живописцами, съ которыми необходимо ладить. Если хочешь, можешь сейчасъ сдѣлать визитъ портретисту Мручкевичу, а затѣмъ отправимся къ Перли.

— Какъ это ни тяжело, а приходится покориться обстоятельствамъ,—сказалъ Янъ. — Пойдемъ.

Немного спустя, они очутились въ довольно просторной мастерской Мручкевича, стѣны которой были увѣшаны разной величины портретами. Этотъ живописецъ принадлежалъ къ типу людей, у которыхъ подъ наружнымъ добродушіемъ скрывается хитрость и ловкость.

Увидѣвъ гостей, онъ громко воскликнулъ:

— А! здравствуйте, господа! здравствуйте! добро пожаловать! Чему я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ, дорогіе товарищи?

— Веду къ тебѣ коллегу,—отвѣтилъ Мамоничъ,—который желаетъ съ тобой познакомиться и подружиться. Онъ добрый человѣкъ, скромный, какъ дѣвушка, и искренній какъ... ну, хотя-бы какъ я.

Мручкевичъ торжествующе и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо улыбнулся. «Должно быть у этого господина дѣла не важны, если онъ пришелъ ко мнѣ,» подумалъ живописецъ.

— Это для меня истинное счастье!—проговорилъ живописецъ.—Я даже не смѣлъ надѣяться, что вы, столь извѣстный художникъ, пожелаете навѣстить такого ничтожнаго человѣка, какъ вашъ покорный слуга. Мнѣ, конечно, слѣдовало первому явиться къ вамъ съ визитомъ, но я не зналъ, милостиво-ли вы примите меня.

— Отчего же, мнѣ было-бы очень пріятно видѣть васъ у себя,—пробормоталъ Янъ, окинувъ взглядомъ висѣвшіе на стѣнѣ портреты.

— Ради Бога, не смотрите на мою работу!—воскликнулъ Мручкевичъ, — вы пишете такія большія картины, были въ Италіи, а я доморощенный пачкунъ и пишу только портреты.

— Я видѣлъ ваши работы,—замѣтилъ Янъ,—и нашелъ, что они написаны довольно легко и... талантливо.

— Вы очень любезны! Какая ужъ моя работа!—съ притворной скромностью сказалъ живописецъ.—Она хороша для моихъ заказчиковъ; мнѣ за портреты даютъ отъ пяти до де-

сяти червонцевъ, а за ваши, говорятъ, даютъ сто. Разница, какъ видите, очень значительная!

— Я не пишу портретовъ.

— А портретъ супруги каштеляна кто писалъ?

— Это единственный портретъ,—замѣтилъ Титъ.

— Но зато стоитъ десятка моихъ!

— Вы не видѣли.

— Я говорю о вознагражденіи.

— Вы преувеличиваете,—прервалъ Титъ.

— Пожалуйста, пишите себѣ сколько угодно!—воскликнулъ Мручкевичъ. — Я не мѣшаю, не препятствую, не завидую, у меня нѣтъ особеннаго желанія бывать въ высшемъ обществѣ. Впрочемъ,—добавилъ онъ съ лукавой улыбкой,—если у васъ будетъ слишкомъ много работы и если вамъ понадобится помощникъ, то вспомните обо мнѣ. Буду вамъ очень обязанъ, я не пренебрегаю никакой работой. Лишь-бы существовать.

— Бой что имѣется въ виду,—съ улыбкой сказалъ скульпторъ. —Мы, разумѣется, не забудемъ васъ, но пока — молчаніе.. такъ какъ вопросъ еще не вполне рѣшенъ.

Титъ нарочно солгалъ, чтобы посмотреть, какое впечатлѣніе произведетъ это на живописца. Тотъ поочередно пристально вглядывался въ обонхъ друзей и въ концѣ концовъ повѣрилъ.

— Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны,—воскликнулъ онъ.—Очень, очень буду благодаренъ. Но дѣйствительно-ли будетъ выгодная работа? Что придется дѣлать?

— Сегодня еще ничего нельзя сказать.

— Только не говорите ничего Перли.

Мручкевичъ и Перли наружно были какъ-бы въ пріятельскихъ отношеніяхъ; но въ глубинѣ души ненавидѣли другъ друга.

— Ты развѣ имѣешь что-нибудь противъ Перли?—спросилъ Титъ.

— Я? о нѣтъ! сохрани Богъ! это даже мой пріятель... я его уважаю, но, согласитесь, своя рубашка ближе къ тѣлу. Перли живетъ хорошо, а я перебиваюсь съ хлѣба на квасъ, онъ работаетъ не дурно, но, между нами говоря, теперь у него все чаще встрѣчаются недочеты; это вѣроятно происходитъ оттого, что Перли слишкомъ увлекается большими картинами, которыя онъ пишетъ для костеловъ. У меня работа болѣе тонкая.

Янъ осматрѣлъ нѣкоторыя его произведенія, и еле удержался отъ смѣха, до такой степени онѣ были бездарны.

Онъ мигнулъ Титу и взялся за шляпу. Тотъ понялъ, и, обратившись къ Мручкевичу, сказалъ:

— Намъ пора. Надо скорѣе рѣшить то дѣло, о которомъ я вамъ говорилъ.

— Такъ вы вспомните обо мнѣ?—на прощанье сказалъ живописецъ.

— Непремѣнно.

И друзья поспѣшно вышли, напутствуемые любезностями хозяина.

Титъ повелъ Яна къ другому живописцу, нѣкому Перли.

Но этотъ визитъ былъ непродолжителенъ, такъ какъ Янъ чувствовалъ себя очень усталымъ послѣ недавней бесѣды съ Мручкевичемъ. Кромѣ того, ему надоѣло выслушивать разглагольствованія Перли о технической сторонѣ искусства, разглагольствованія, въ которыхъ выказалось полнѣйшее невѣжество этого самонадѣяннаго живописца.

Выйдя на улицу, Янъ съ облегченіемъ вздохнулъ и сказалъ своему другу:

— Скажи, пожалуйста, какая польза мнѣ отъ знакомства съ такими людьми? Вѣдь оба они бездарности?

— Вѣдь всякаго сомнѣнія, что талантами ихъ нельзя назвать.

— Въ такомъ случаѣ, къ чему они мнѣ?

— Я говорилъ тебѣ и еще разъ повторяю, — отвѣтилъ Мамоничъ, — они болѣе интриганы, чѣмъ бездарности. Теперь, быть можетъ, они менѣе тебѣ будутъ вредить, такъ какъ навѣрно твой визитъ польстилъ ихъ самолюбію. Наконецъ, они представляютъ интересные типы, стоющіе изученія. А теперь, если хочешь, — добавилъ скульпторъ, — я тебя познакомлю съ человѣкомъ, заслуживающимъ вниманія и уваженія. Онъ интересенъ, какъ художникъ и какъ человѣкъ, но...

— Что же тебѣ мѣшаетъ?

— Кой-какія соображенія.

— Не понимаю. Намъ не будутъ рады?

— Напротивъ, примутъ насъ очень хорошо.

— Въ такомъ случаѣ, почему же намъ не пойти туда, разъ мы были у такихъ людей, какъ Мручкевичъ и Перли?

— Да потому, что этотъ визитъ можетъ доставить только удовольствіе, а не пользу, и, кто знаетъ, не будетъ-ли онъ вреденъ?

— Въ чемъ-же дѣло? Объясни.

— О, это цѣлая исторія! исторія еврея-художника. Его зовутъ Іона Пальмеръ.

— Еврей-художникъ! — съ удивленіемъ сказалъ Янъ. — Да, это дѣйствительно что-то странное.

— Не правда-ли? Необыкновенное явленіе! Ты вѣдь знаешь, какъ относятся къ евреямъ. Они до сихъ поръ считаются какими-то паріями. Если Мручкевичъ и Перли узнаютъ, что мы послѣ визитовъ къ нимъ посѣтили простаго еврея, они будутъ очень обижены, а между тѣмъ этотъ Іона Пальмеръ въ тысячу разъ лучше ихъ. Что касается меня, то я отношусь къ нему съ искреннимъ, глубокимъ уваженіемъ. Несмотря на то, что Іона по своему образованію и развитію гораздо выше своихъ здѣшнихъ собратій, онъ, тѣмъ не менѣе, не отказался ни отъ своего неосновательно презираемаго всѣми народа, ни отъ своей вѣры. Онъ понялъ, что отказаться отъ своихъ собратій, когда они въ несчастіи, недостойно честнаго, благороднаго человѣка. Іона, который нѣкогда былъ въ Палестинѣ, не разъ мнѣ рассказывалъ о положеніи тамошнихъ израильтянъ. Онъ яркими красками описывалъ мнѣ страданія того народа, который нѣкогда опередилъ всѣхъ въ познаніи единого Бога и былъ путеводной звѣздой всему человѣчеству, а теперь принужденъ жить въ общеніи съ дикими магометанами, принужденъ подчиняться грубой, бессмысленной и однако могучей силѣ. Въ минуту душевныхъ изліяній рѣчь Іона бываетъ поэтична, какъ книги пророковъ, и возвышена, какъ библейская пѣсня. Впрочемъ, не буду болѣе говорить о немъ, такъ какъ ты самъ скоро увидишь. Добавлю только нѣсколько словъ. Пальмеръ здѣшній уроженецъ, но воспитывался во Франкфуртѣ, куда онъ опять скоро уѣдетъ, такъ какъ не въ силахъ смотрѣть на ихъ мученія и моральную нищету. Но вотъ и жилище нашего Іоны, — добавилъ Титъ, взойдя на крыльцо и открывъ низенькую дверь.

Янъ послѣдовалъ за нимъ, и черезъ минуту замѣтилъ блѣднаго черноволосаго молодого человѣка, очень пріятной наружности.

Увидѣвъ молодыхъ людей, онъ покраснѣлъ, поздоровался съ

Титомъ, затѣмъ, приблизившись къ Яну и взявъ его за руку, воскликнулъ:

— Какъ я радъ! какъ счастливъ! Вы, значить, не признаете бѣднаго парію. Да вознаградить васъ за это Богъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, — проговорилъ Янъ, — что въ настоящее время ненависть къ какому-бы-то ни было народу осуждена, какъ всякій предразсудокъ.

— Это только на словахъ, — возразилъ Пальмеръ, — въ дѣйствительности же мы всегда въ глазахъ христіанъ являемся потомками убійцъ Бога и самыми презрѣнными изъ людей.

— Потомками избраннаго народа.

— Да, избраннаго и поверженнаго во прахъ. Но, — добавилъ онъ, — народы, какъ и люди умираютъ, надо примириться съ судьбой. Мы были избраннымъ народомъ, который открылъ всему человѣчеству истиннаго Бога, теперь мы послѣдніе изъ послѣднихъ. Жизнь наша изсохла, какъ сѣно и промелькнула, какъ тѣнь. Кто знаетъ, что выражалъ египетскій идолъ, называемый сфинксомъ, эта великая загадка древности? Быть можетъ, онъ былъ символомъ всякаго побѣжденнаго народа, что подчиняется грубой силѣ, срастается съ звѣремъ, и хотя обладаетъ крыльями, но улетѣть не можетъ, такъ какъ онъ тяжелыя каменные. Этотъ сфинксъ напоминаетъ мнѣ судьбу израильтянъ въ Палестинѣ. Они дали міру библію, а между тѣмъ являются слугами дикихъ невѣжественныхъ мусульманъ, насильно соединены съ нами, какъ въ этомъ идолѣ человѣческая голова соединена съ тѣломъ звѣря. А наши безсильныя жалобы, раздававшіяся въ пустынѣ, не тѣ-же ли каменные крылья загадочнаго звѣря, на которыхъ нельзя улетѣть отъ этой тягостной дѣйствительности?

Сказавъ это, Пальмеръ закрылъ рукой лицо, какъ-бы желая отогнать отъ себя печальныя образы, но черезъ минуту съ усиліемъ проговорилъ:

— Еврею даже трудно быть художникомъ, такъ какъ ему закрытъ доступъ къ знаменитѣйшимъ произведеніямъ искусства, которыми переполнены ваши святыни. Для него закрыть Римъ, гдѣ на руинахъ своихъ прежнихъ побѣдителей ему даже нельзя ни вздохнуть, ни пролить слезы. Словомъ, молиться, страдать и молчать — вотъ наша участь.

Затѣмъ онъ обратился къ Яну.

— Я видѣлъ ваши работы, восхищался ими, но не смѣлъ приблизиться къ ихъ автору. Это было въ то время, когда вы вскорѣ послѣ пріѣзда изъ Италіи, открыли выставку. Вмѣстѣ съ другими я осматривалъ ваши прелестныя картины, но не рѣшился подойти къ вамъ и пожать руку. Могъ-ли я надаѣться, что вы первый придете ко мнѣ? Нужно ли говорить, что я вамъ вѣчно буду благодаренъ за вашу доброту и вниманіе.

Посреди комнаты, на мольбертѣ стояла прикрытая полотномъ какая-то картина. Янъ выразилъ желаніе взглянуть на нее.

— Ваши картины, — сказалъ Іона, — это произведенія истиннаго художника, мои, въ сравненіи съ ними, только слабыя попытки. Я не рѣшаюсь писать большія картины, такъ какъ создаю, что для этого надо обладать выдающимся талантомъ. Я стараюсь работать добросовѣстно и аккуратно, но у меня нѣтъ того огня, легкости и смѣлости, какъ у васъ. Сюжетъ этой картины, которую вы видите, взятъ изъ библейской исторіи. Изъ книги Іова, этого великаго произведенія полного истинной вдохновенной поэзіи.

Янъ открылъ картину.

— А! — воскликнулъ онъ, — вы изобразили тотъ моментъ, когда надъ Іовомъ издѣвается жена, между тѣмъ три друга съ глубокимъ сочувствіемъ глядятъ на несчастнаго страдальца.

— Да! — сказалъ Іона. — А Іовъ — это нашъ народъ!

Присутствующіе съ интересомъ осматривали картину. Восточные типы, костюмы и прочіе аксессуары были очень хорошо воспроизведены. Выраженіе лицъ Іова, его жены и друзей поражали своей экспрессіей. У cadaго изъ друзей страданіе имѣло различный оттѣнокъ. Голова Іова удивляла своей величественной простотой.

Пальмеръ, смущенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ ободренный похвалами, показалъ своимъ гостямъ еще нѣсколько маленькихъ картинокъ, замѣчательно рельефно изображавшихъ обыкновенную будничную жизнь. Трагтовка сюжета, тоны свѣта и тѣни поражали своей красотой и изяществомъ. Перспектива отличалась точностью, всюду было масса воздуха.

Послѣ осмотра картинъ началась продолжительная бесѣда объ искусствѣ, которая протянулась до самаго вечера.

Прощаясь съ Яномъ, Пальмеръ сказалъ:

— Вѣрьте мнѣ, я до смерти не забуду вашего посѣщенія. Большинство людей относится съ презрѣніемъ къ побѣжденнымъ и павшимъ. Они виновны, ибо пали, а кого-же паденіе не развращаетъ? Они виноваты, когда, доведенные до отчаянія, пытаются выйти изъ этого болота, виноваты, когда жалуются, виноваты, когда молчатъ, словомъ, всегда виновны. Но когда кто-либо изъ среды осуждающихъ выразить намъ сочувствіе и искреннее состраданіе, о, какъ мы благодарны тому! Вы навѣрно не доживете, но, кто знаетъ, теперь не трудно быть пророкомъ, быть можетъ, ваши сыновья или внуки будутъ въ такомъ же положеніи, какъ мы теперь, и будутъ дорожить каждымъ словомъ искренняго сочувствія и утѣшенія, какъ самымъ дорогимъ даромъ. Конечно, да хранить васъ Богъ отъ этого несчастія, но народы гибнуть и падаютъ, какъ люди, а отъ смерти нѣтъ спасенія.

На слѣдующій день друзья посѣтили многихъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ лицъ въ городѣ, которыхъ покровительство могло впослѣдствіи пригодиться Яну. Они были у епископа, настоятелей монастырей, каштеляна и нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ. Кашелянъ обѣщалъ сдѣлать все возможное. Въ общемъ, однако, всѣ эти визиты и новыя знакомства не принесли особенной пользы. Всѣ очень вѣжливо принимали художника, спрашивали про Италію, интересовались его здоровьемъ, говорили о погодѣ, о разныхъ сенсационныхъ извѣстіяхъ, словомъ, обо всемъ, о чемъ обыкновенно говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, многое обѣщали, но и только.

Знакомство съ живописцами не только не принесло пользы, но даже едва не повредило Яну. Мручкевичъ былъ недоволенъ на него за то, что онъ посѣтилъ Перли, послѣдній сердился за то, что Янъ былъ у Мручкевича. Оба были недовольны, за то что онъ поставилъ ихъ наравнѣ.

Мручкевичъ, встрѣтивъ на улицѣ Перли, спросилъ его:

— Ну, что? пойдѣмъ къ этому барину?

— Не знаю,—отвѣтивъ Перли, хотя подумалъ для себя: «разумѣется буду». А ты?

— Слѣдовало-бы пойти,—проговорилъ Мручкевичъ.—Мнѣ очень хочется осмотрѣть его большія картины, всѣ ихъ хва-

лять. Тебѣ тоже не мѣшаетъ, все-таки чему нибудь да научиться. Вы вѣдь коллеги, — добавилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, — въ одномъ направленіи работаете.

— Онъ пишетъ также и портреты, за которые получаетъ по сто червонцевъ, — замѣтилъ Перли, иронически взглянувъ на портретиста. — А когда же ты думаешь отдать ему визитъ?

— О! мнѣ незачѣмъ особенно спѣшить.

— Да и я торопиться не стану.

Передъ тѣмъ, какъ разстаться, Мручкевичъ шепнулъ на ухо Перли:

— Скоро будетъ хорошая работа!

— Гдѣ?

— Такъ я тебѣ и скажу! Тоже нашелъ дурака! Что дашь за это?

— Какая же это работа?

— Говорю тебѣ — хорошая. Всю церковь придется расписать. Три громадныхъ образа...

— Гдѣ? гдѣ? — съ безпокойствомъ спросилъ Перли, схвативъ портретиста за руку, — ужъ не въ городѣ-ли?

— Нѣтъ, въ провинціи.

— Я узнаю самъ, — подумалъ про себя итальянецъ.

— Что дашь? — спросилъ Мручкевичъ, — скажи, что дашь мнѣ, если я тебѣ выхлопочу этотъ лакомый кусокъ? Не то работа достанется пришелицу, такъ какъ онъ уже что-то пронюхалъ и чуть-ли не по этому поводу сдѣлалъ визитъ настоятелю бернардиновъ.

— Ха! ха! ты проговорился! — со смѣхомъ воскликнулъ Перли. — Бѣгу сію минуту къ почтеннымъ отцамъ бернардинамъ. Съ меня довольно. Честь имѣю кланяться!

— Слушай! — покраснѣвъ отъ гнѣва и схвативъ его за руку крикнулъ Мручкевичъ, — если ты не войдешь со мной въ соглашеніе, я предложу бернардинамъ пришелицу, а когда дѣло дойдетъ до сравненія вашихъ работъ, то врядъ-ли тебѣ поздоровится.

— Я буду работать вдвое его дешевле.

— Да! да! но плохо! — сказалъ портретистъ. — Не думай, пожалуйста, что настоятель бернардинскаго монастыря такой невѣжда, что не сумѣетъ понять, что стоитъ такая работа. Да кромѣ того, не его же деньги будутъ расходоваться, такъ что жалѣть онъ ихъ не станетъ. Ну, сколько-же дашь?

— Я просто пошутилъ, — проговорилъ итальянецъ, — мнѣ кажется, что эта работа мнѣ не подь силу. Я никогда своихъ не расписывалъ, да, кромѣ того, работы у меня достаточно.

— А, это дѣло другого рода, — отвѣтилъ Мручьевичъ. — Какъ угодно. До свиданія!

— Всего хорошаго!

Они разошлись съ намѣреніемъ обмануть другъ друга.

Спустя часъ, они встрѣтились лицомъ къ лицу въ монастырѣ отцовъ бернардиновъ.

— А! ты здѣсь!

— И ты тоже.

— У меня дѣло.

— А у меня здѣсь послушникомъ родственникъ моей жены, — сказалъ Перли, — хочу его навѣстить.

— А! а!

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Ну, къ чему же эти хитрости? — сказалъ наконецъ Перли. — Признайся, ты хотѣлъ меня поддѣть.

— Не спорю! Но вѣдь и ты хотѣлъ мнѣ напакостить?

— Не будемъ ссориться. Давай лучше столкуемся.

— Что же тамъ предлагаютъ за работу?

— Довольно порядочную сумму, — сказалъ Перли, — но все же надо еще торговаться. Ты ошибся: работать придется не здѣсь, а у капуциновъ; здѣшній настоятель будетъ только завѣдывать работами, а платить будетъ какой-то богачъ. Что же я тебѣ могу дать, — добавилъ онъ, — когда я не знаю, сколько получу за работу.

— Десять процентовъ.

Перли сообразилъ, что съ этой лисой надо жить въ ладу, и послѣ нѣкотораго колебанія согласился.

Послѣ этого оба они отправились къ настоятелю для заключенія окончательнаго условія.

Въ это самое время Яну приходилось вести борьбу за существованіе, борьбу, которая пожираетъ почти каждого художника, почти каждого истиннаго поэта, не умѣющаго примѣниться къ окружающимъ обстоятельствамъ, неспособнаго пойти на такъ называемые компромиссы съ жизнью. Для того, чтобы составить карьеру, художнику часто приходится отка-

заться отъ своихъ убѣжденій, льстить толпѣ и пускать ей пылъ въ глаза. Въ жизни, въ большинствѣ случаевъ, благосостояніе добывается цѣною вдохновенія.

Яна тревожило будущее. Пока они существовали на деньги, оставленные отцомъ Ядвиги, которая по неопытности и слишкомъ полагаясь на талантъ своего мужа тратила ихъ, не сообразуясь съ обстоятельствами.

— Мы будемъ богаты!—говорила она, обвивая его шею своими прелестными руками.—Ты такой великій художникъ, тебѣ здѣсь нѣтъ равнаго, а потому возможно-ли, чтобы тебя не оцѣнили люди.

Янъ, блѣдный отъ волненія, покрывалъ жену поцѣлуями, не желая преждевременно ее тревожить и лишать надежды.

Съ цѣлью какъ можно скорѣе сбыть привезенныя изъ Рима картины, онъ понизилъ цѣны. Жарскій купилъ небольшія копія, но на вырученныя за нихъ деньги долго нельзя было существовать. Многие изъ богатыхъ людей приглашали художника въ гости, съ удовольствіемъ бесѣдовали съ нимъ, но никто не думалъ помочь ему, быть можетъ, потому, что онъ изъ гордости не говорилъ о своихъ нуждахъ.

Мамоничъ, видя, что положеніе его дѣлъ ухудшается, посоветовалъ ему давать уроки рисованія.

— Мы можемъ найти нѣсколько учениковъ,—сказалъ скульпторъ,—а этимъ пренебрегать нельзя. Доходъ съ уроковъ явится для тебя большимъ подспорьемъ и ты немного успокоишься.

Послѣ продолжительной внутренней борьбы Янъ рѣшилъ надѣть на себя это ярмо.

Мамоничъ по обыкновенію сталъ энергично хлопотать и въ концѣ концовъ выкопалъ откуда-то нѣсколько учениковъ. Правда, ему предложили ничтожное вознагражденіе, но дѣлать было нечего.

Начались уроки.

Янъ чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ своимъ обязанностямъ и всѣми силами старался развить способности своихъ учениковъ.

Дѣла между тѣмъ ухудшались.

Однажды утромъ къ нему въ мастерскую пришла Ядвиги, со смѣхомъ указывая на пустой кошелекъ, сказала:

— Теперь твоя очередь, наполни его доверху, мой Брезъ. Янъ, покрасивъ, увелъ жену въ кабинетъ, открылъ бюро и отдалъ всѣ имѣвшіеся у него деньги.

— А! такъ мало! — съ улыбкой воскликнула она, — такъ мало. Ужъ не прячешь-ли ты отъ меня?

— Видишь-ли, моя дорогая, — смутившись проговорилъ художникъ, — я еще не дополучилъ за кой-какія прежнія работы.

— Этихъ денегъ хватитъ только на нѣсколько дней, — замятила Ядвига. Ну, что слышно относительно работы?

— Пока нѣтъ.

— Много получаешь за уроки?

— Достаточно, ты вѣдь сама понимаешь, что сначала нельзя много брать. Этимъ можно испортить все дѣло.

— Почему-же? Кто-же здѣсь, какъ художникъ, выше тебя?

— Все со временемъ, моя дорогая, все со временемъ.

Послѣ урока, Янъ въ тревогѣ побѣждалъ къ Мамоничу, который, сидя въ холодной комнатѣ и что-то напѣвая, лѣпилъ своего льва. На столѣ стоялъ кувшинъ съ молокомъ, а возлѣ него лежали двѣ булки.

— Нужда на носу, — проговорилъ Янъ, — сегодня я отдалъ женѣ послѣднія деньги. Совѣтуй, что дѣлать?

— А уроки.

— Ты самъ знаешь, сколько я получаю съ нихъ.

— Слушай, — сказалъ Титъ, — мнѣ вѣдь немного нужно: молоко, булка, немного глины для Геркулеса — вотъ все, что необходимо для удовлетворенія моихъ скромныхъ потребностей. У меня должны быть кой-какія сбереженія, кажется, рублей сто слишкомъ, а потому, вотъ возьми ихъ, но смотри, экономничай и позаботься о своемъ будущемъ.

Янъ колебался, такъ какъ положительно не зналъ, когда онъ будетъ въ состояніи отдать ихъ своему другу. Тотъ почти силою заставилъ его взять деньги. Въ тотъ-же день художникъ отдалъ ихъ женѣ. Дня черезъ два ему самому понадобились деньги и онъ обратился къ женѣ съ просьбой дать ему необходимую сумму. Бѣдная Ядвига смутилась, поспѣшно направилась въ свою комнату и вскорѣ принесла ему, но не столько, сколько ему нужно было.

— Развѣ у тебя нѣтъ больше денегъ?—съ безпокойствомъ спросилъ Янъ.

— Прости мнѣ, дорогой мой, мнѣ надо было..... Нѣтъ, я не могу тебѣ сказать...

— Милая моя, но что-же съ ними случилось?

— Я роздала бѣднымъ, чтобы они помолились за насъ, чтобы Богъ помогъ тебѣ.

— Все?

— Вотъ это только осталось.

Янъ съ волненіемъ посадилъ къ себѣ жену на колѣни и, покрывая ее поцѣлуями, сказалъ:

— Дорогая моя, ты видно не знаешь, въ какомъ мы положеніи: у насъ нѣтъ денегъ и, кромѣ того, мы задолжали.

— Какъ-такъ? Этого быть не можетъ; ты, видно, нарочно меня пугаешь! Ты всегда тревожишься безъ причины. Если такія бездарности, какъ Мручквичъ и Перли, постоянно имѣють работу, то какимъ же образомъ у тебя ея нѣтъ?

— Да, мой ангелъ. Несмотря на всѣ мои хлопоты, работы пока нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ виду того, что здѣшнее общество, за немногими исключеніями, не понимаетъ искусства, или относится къ нему легкомысленно, всѣ лучшіе заказы достаются бездарностямъ, а мои большія картины до сихъ поръ не проданы. Мы должны сообразоваться съ нашими теперешними обстоятельствами и жить какъ можно экономнѣе, такъ какъ, повторяю, у насъ денегъ нѣтъ. Конечно, я употреблю всѣ усилія, чтобы выйти изъ такого тягостнаго положенія, чтобы тебѣ никогда не пришлось испытать нужды.

Ядвига разцѣловала мужа и наивно воскликнула:

— Не бойся: деньги, розданные бѣднымъ не пропадутъ; за это Богъ дастъ намъ счастье. Будемъ экономничать, молиться и надѣяться. Не знаю почему, но я очень хорошаго мнѣнія о моемъ родномъ городѣ и увѣрена, что ты въ немъ не пропадешь. Нѣтъ, нѣтъ, мой дорогой, не безпокойся. Ты плохо сдѣлалъ, что скрывалъ отъ меня положеніе нашихъ дѣлъ. Я много истратила совершенно напрасно, часто расходовала зря. Теперь, разумѣется, я буду беречь деньги, вотъ увидишь.

Спусти вѣсколько дней, Ядвига принесла Яну въ своемъ

передничкѣ болѣе ста рублей. Пробѣгая по комнатѣ, она разсыпала нѣсколько монетъ на полъ.

— Теперь ты можешь быть спокоенъ, — радостно проговорила молодая женщина, — вотъ тебѣ деньги, вотъ тебѣ деньги.

— Что это такое? откуда? — спросилъ Янъ.

— Откуда? Я продала всѣ мои ненужныя бѣздѣлушки, которыя мнѣ достались послѣ бабушки, но чего-бы я не сдѣлала ради тебя?

И она бросилась къ нему на шею. Янъ забылъ обо всемъ.

— Я буду экономничать теперь и аккуратно вести хозяйство, чтобы ты больше не беспокоился, — шептала Ядвига, нѣжно прижимаясь къ мужу.

Какъ разъ въ эту минуту пришелъ Перли, и на слѣдующій день благодаря ему по городу пошли слухи, будто Янъ до того богатъ, что не знаетъ счета своимъ деньгамъ, которыя у него даже валяются на полу. И вотъ тѣ немногіе, что хотѣли доставить Яну какія-нибудь занятія, теперь предпочли дать ихъ кому-нибудь другому, дѣйствительно нуждающемуся, хотя бы тому-же Перли, который постоянно жаловался на свое бѣдственное положеніе.

Между тѣмъ Ядвига готовилась быть матерью.

При другихъ обстоятельствахъ это было-бы великой радостью для Яна, но теперь онъ почти испугался. Ядвига занялась всѣми необходимыми приготовленіями, шила чепчики, рубашонки, свивальники и высчитывала по пальцамъ, когда случится это важное событіе.

— Скоро, скоро къ намъ придетъ желанный гость, — говорила она. — Если будетъ сынъ, я назову Яномъ, если дочь — то Іоанной. Она будетъ прелестна, какъ та, что на картинѣ Альбано. Вотъ увидишь, она тебѣ будетъ живой моделью для изображенія ангела, только надо будетъ сдѣлать крылышки.

Во время этихъ бесѣдъ Янъ забывалъ печальную дѣйствительность, которая, однако, съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе тягостной. Уроки неизвѣстно по какой причинѣ постепенно прекратились, а расходы вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія жены увеличивались. Не видя иного выхода, Янъ отправился къ Жарскому, съ цѣлью признаться у него небольшую сумму. Старикъ рассчиталъ, что въ случаѣ несосто-

тельности должника, онъ по дешевой цѣнѣ пріобрѣтетъ большія картины, и потому охотно согласился помочь художнику. Мало того, Жарскій общалъ и впослѣдствіи поддерживать его, насколько, разумѣется, позволятъ средства. Янъ, какъ всѣ почти неосмотрительные люди, воспользовался общаніемъ и охотно черпалъ изъ открытаго источника и вскорѣ очень задолжалъ.

Когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ подсчиталъ свои долги, то увидѣлъ, что они превышаютъ весь его годовой бюджетъ. Янъ ужаснулся. Средства быстро исчезали. Мамоничъ, видя своего друга въ такомъ удрученномъ состояніи, однажды спросилъ его:

— Почему ты такъ долго ничего не говоришь мнѣ о своихъ дѣлахъ? Есть у тебя деньги?

— Не спрашивай меня объ этомъ, — отвѣтилъ Янъ.

— Понимаю, опять, значить, бѣда. Но какъ-же ты жилъ до сихъ поръ?

— Занималъ, — тихо сказалъ Янъ.

— А! ты занималъ? — быстро спросилъ Титъ, — вѣроятно, у растовщиковъ?

— Нѣтъ, чаще всего у Жарскаго.

— Это почти одно и тоже, — замѣтилъ скульпторъ. — Онъ рассчитываетъ на твои картины и придется ему отдать. Скажи откровенно, сколько долженъ старику?

— Много! Я не скажу тебѣ сколько, потому что будешь сердиться. Но согласись самъ: Ядвига больна, отказать ей въ чемъ-нибудь теперь невозможно, постоянно напоминать ей объ экономіи жестоко, вотъ почему расходы поневолѣ увеличились. Я утѣшаю ее надеждой на работу, но про долги ничего не говорю, скрываю.

— Но когда-же ты заплотишь?

— Ты вѣдь самъ предполагаешь, что Жарскій можетъ взять мои картины.

— Да, но по какой цѣнѣ? Онъ, вѣдь, даетъ гроши.

— Неужели онъ такъ хитеръ, такъ?..

— Добавь: подлѣ; болѣе, нежели ты думаешь. Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что Мручкевичъ и Перли захватили уже работу, которая могла-бы тебѣ очень пригодиться. Имъ поручили расписать всю церковь капуциновъ.

— Неужели?

— Да, да. Вчера я объ этомъ узналъ. Собственно говоря, работа досталась Перли, но Мручковичъ стянетъ съ него за комиссію. О тебѣ они распускаютъ слухи, что ты чуть-ли не спишь на золотѣ, а на самомъ дѣлѣ у тебя по всей вѣроятности нѣтъ ни гроша.

— Ты угадалъ. Я дѣйствительно собираюсь къ Жарскому.

— А уроки?

— Вслѣдствіе болѣзни жены пришлось отъ нихъ отказаться. Бѣдная Ядвига съ каждымъ днемъ страдаетъ все болѣе и болѣе, и страдаетъ, когда меня не видитъ. Нельзя-же оставлять ее одну, да еще въ такомъ положеніи.

— Вотъ пока возьми три червонца,—сказалъ Титъ. — Я захватилъ ихъ для тебя на всякій случай; больше у меня нѣтъ.

— Оставь меня въ покоѣ, я и такъ тебѣ задолжалъ.

— Ничего, ничего. Не безпокойся; когда мнѣ понадобится, я скажу тебѣ. А вотъ лучше подумаемъ, что намъ предпринять, нѣтъ-ли какого способа выйти изъ этого сквернаго положенія. Не обратиться-ли тебѣ къ каштеляну?...

— Разорень. Француженка за разводъ заломила такую сумму, что если ее прибавить къ его прежнимъ долгамъ, то онъ банкротъ. Вся его надежда теперь на богатую женитьбу. Ему уже сватаютъ нѣсколько богатыхъ барышень, но каштелянъ колеблется, такъ какъ онѣ не знатнаго происхожденія.

— Ты когда-то говорилъ о овоемъ хуторѣ?

Янъ покраснѣлъ и смутился.

— Навѣрно ты уже продалъ его?—замѣтилъ Титъ.

— Нѣтъ еще. Но видишь-ли, мнѣ кажется, его грѣшно продать. Тамъ жилъ отецъ, тамъ жила и умерла моя добрая, святая мать—это такая память!

— Янъ, воспоминаніями всю жизнь не проживешь. Продавъ свой хуторъ, ты можешь погасить свои долги, а на остальные деньги уѣдешь въ Варшаву или въ Львовъ. Если-бы мать твоя жила, она-бы первая принесла эту жертву.

— Ты, быть можетъ, правъ, но мнѣ какъ-то стыдно даже подумать о продажѣ. Я не могу съ этой мыслью освоиться.

— Янъ, здѣсь дѣло идетъ о судьбѣ твоей и того суще-

ства, которое для тебя дороже всего. Воспоминанія сохрани въ сердцѣ.

— И согласенъ, но какимъ образомъ продать? Брать самому? Но тогда придется оставить Ядвигу одну, а развѣ это возможно? Кромѣ того у меня денегъ нѣтъ на дорогу.

— Мы поручимъ это дѣло какому-нибудь адвокату и онъ все оборудуетъ. Во сколько ты цѣнишь свой хуторъ?

— Право не знаю! Земля хорошая.

— Сколько десятинъ?

— Тоже не знаю. Думаю, однако, что онъ стоитъ тысячи двѣ.

— Вотъ какъ! Что же тамъ есть?

— Домъ, лугъ, поле, огородъ и нѣсколько березъ.

— Только? Но поле должно быть велико, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, ты не цѣнилъ-бы его такъ высоко.

— Хуторъ для меня единственное спасеніе.

— Значить, рѣшено — продаемъ?

— Долженъ, иного выхода нѣтъ.

— Завтра дай мнѣ довѣренность, а я уже похлопочу о дѣлѣ.

На слѣдующій день Мамоничъ посѣтилъ нѣкоторыхъ нужныхъ лицъ, былъ у адвоката, словомъ, хлопоталъ, какъ слѣдуетъ быть, но, несмотря на всѣ его старанія, дѣло медленно подвигалось впередъ.

Между тѣмъ положеніе Яна ухудшалось. Долги увеличивались, а работы все еще не было. Съ болью въ сердцѣ онъ прибѣлъ къ дверямъ своей квартиры дощечку съ надписью: «Живописецъ портретистъ», но и это не помогло. Порою имъ овладѣвало отчаяніе, онъ падалъ духомъ и, быть можетъ, потому, что въ немъ не было прежней вѣры, не было религіознаго вдохновенія.

Нѣсколько разъ Янъ брался за кисть, чтобы написать какую-нибудь картину, но черезъ минуту онъ спрашивалъ самого себя,

— Для кого? зачѣмъ? кто увидитъ, кто здѣсь оцѣнитъ и пойметъ?

И въ отчаяніи бросалъ кисть.

Ядвига инстинктивно теперь понимала все, что происходило въ душѣ ея мужа и глубоко страдала. Ее очень удивляло то, что Янъ не имѣетъ утѣшенія въ молитвѣ. Она не знала, что онъ,

со времени пребыванія въ Италиі, забылъ молиться, вѣрить въ Провидѣніе, обращаться къ Богу.

Все чаще и чаще Ядвига повторяла:

— Я не хочу, чтобы сынъ мой былъ живописцемъ.

— Пусть лучше будетъ ремесленникомъ, чѣмъ художникомъ, — говорилъ мужъ. — Ремесло всегда дастъ кусокъ хлѣба, искусствомъ же можно заниматься только будучи обеспеченнымъ.

Молодая женщина, желая помочь мужу, несвоевременно стала экономничать и дошла до того, что подчасъ отказывала себѣ въ самомъ необходимомъ и разстраивала свое далеко не брѣжливое здоровье.

Добрый Титъ ежедневно бѣгалъ узнавать относительно продажи хутора, но каждый разъ возвращался въ печальномъ настроеніи — отвѣта все еще не было. Благодаря его стараніямъ, Яну предложили написать два небольшихъ портрета. Художникъ, въ то время одоливаемый отовсюду кредиторами, былъ въ самомъ удрученномъ состояніи духа; забывъ вкусы публики, онъ работалъ почти машинально, слишкомъ идеализировалъ лица и потому заказчики остались недовольны.

— Нѣтъ никакого сходства, — говорили они своимъ знакомымъ, а тѣ въ свою очередь не замедлили разблаговѣстить по всему городу, что портреты, написанные Яномъ, никуда не годны.

Мамоничъ помогалъ своему другу чѣмъ только могъ. По ночамъ онъ дѣлалъ деревянные куклы и тайкомъ, по самой низкой цѣнѣ, сбывалъ ихъ въ магазины. Сначала ему было невыносимо заниматься такой грубой работой, но скоро привыкъ, быть можетъ, потому, что онъ не понималъ жизни безъ самопожертвованія. Помѣщался Титъ, какъ всегда, въ небольшой комнатѣ, питался молокомъ, булкой, и большую половину своего скромнаго заработка отдавалъ Яну или чаще всего его прислугѣ.

— Вотъ отдай барину деньги, — говаривалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ, — я когда то ему много задолжалъ.

Скульптора почти никогда не покидало веселое настроеніе, онъ ни кому изъ знакомыхъ не жаловался на свою жизнь, и чувствовалъ себя вполне удовлетвореннымъ, когда ему удавалось, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, проработать надъ своимъ лбомъ.

Янъ между тѣмъ началъ писать картину, но работа мед-

ленно подвигалась впередъ; онъ часто съ тревогой замѣчалъ въ себѣ отсутствіе чувства и вдохновенія, этихъ главныхъ элементовъ возвышеннаго творчества.

Часто имъ овладѣвала апатія, и въ такія минуты Янъ почти безучастно относился къ любимому искусству.

Жарскій, какъ главный кредиторъ, внимательно слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ художника. И вотъ однажды, заставъ его въ столь удрученномъ состояніи, старикъ сообразилъ, что теперь ему пора воспользоваться удобнымъ случаемъ. Жарскій предложилъ художнику покрыть свой долгъ картинами.

— Я, такъ и быть, возьму ваши картины, привезенныя изъ Рима, хотя знаю, что здѣсь ихъ никогда не удастся продать; беру ихъ только потому, что отношусь къ вамъ съ большимъ уваженіемъ.

— Что-же именно вы желаете взять?

— Натурально, прежде всего одну изъ самыхъ лучшихъ картинъ: «Адониса».

— Мою главную работу, которую оцѣнивали въ Римѣ въ тысячу червонцевъ?

— То въ Римѣ, другъ мой, а въ Вильнѣ даже сто червонцевъ за картину—дѣла громадная, неслыханная, и я только вамъ изъ расположенія рѣшаюсь предложить такую сумму.

— Не мучьте меня, — съ усиліемъ проговорилъ художникъ. — Мы поговоримъ объ этомъ завтра. Быть можетъ, мнѣ пришлютъ деньги за хуторъ.

— Хорошо, хорошо; можно и завтра, — сказалъ Жарскій, прощаясь съ художникомъ. — У васъ я вижу не густо, — добавилъ онъ со вздохомъ, — а потому, вотъ возьмите еще десять червонцевъ, послѣ сочтемся.

Янъ крѣпко пожалъ ему руку и тотчасъ побѣжалъ въ магазинъ купить Ядвига фруктовъ, которыхъ ей очень хотѣлось попробовать, хотя она и скрывала это отъ мужа. За фрукты эти, въ ту пору они были очень дороги, ему пришлось заплатить цѣлый червонецъ; остальные деньги пошли на расплату съ мелкими кредиторами: съ булочникомъ, зеленщикомъ и мясникомъ.

Въ тотъ-же день вечеромъ пришелъ Мамоничъ. Взявъ Яна за руку, онъ отвелъ его въ сторону и съ волненіемъ сказалъ:

— Пойдемъ!

— Куда?

— Пройдемся немного, я нездоровъ, мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ. Мнѣ надо кой-что сообщить тебѣ, — добавилъ онъ шопотомъ, — но этого нельзя говорить въ присутствіи твоей жены.

— Хорошо, пойдемъ, — сказалъ Янъ и, взявъ шляпу, обратился къ женѣ:

— Дорогая, мы сейчасъ вернемся.

— Только скорѣе! — воскликнула Ядвига, а то мнѣ одной скучно.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы не заставимъ себя долго ждать.

Выйдя на улицу, художникъ съ безпокойствомъ спросилъ:

— Что случилось?

— Прежде всего, будь мужчиной и старайся переносить всякія испытанія съ твердостью, — проговорилъ Мамоничъ. — Вотъ тебѣ письмо отъ повѣреннаго. Но не тревожься, Богъ дастъ какъ нибудь выпутаемся.

— Хуторъ проданъ?

— Проданъ, но если бы ты былъ болѣе освѣдомленъ относительно его цѣнности, то лучше было-бы не спѣшить съ продажей.

Янъ наскоро прочиталъ письмо.

Повѣренный сообщалъ о продажѣ земли за пятьсотъ рублей, «а за погашеніемъ предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ расходовъ остается триста девяносто съ чѣмъ-то рублей, которые при семъ и прилагаются».

Янъ за голову схватился.

— Неужели только триста девяносто рублей?! Но вѣдь это разбой?! недостойный обманъ!

— Нѣтъ, это не обманъ, — проговорилъ Мамоничъ. — Я навелъ подробныя справки и съ формальной стороны все сдѣлано правильно. Прими во вниманіе, что домъ оказался чуть-ли не въ полуразрушенномъ состояніи, а земля болотистая.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ художникъ. — Это была моя единственная надежда, мое спасеніе!

— Ничего не остается другого, какъ только продать болѣшія картины и, разумѣется, по пониженной цѣнѣ, такъ какъ

въ противномъ случаѣ ихъ никто не купить. Затѣмъ, тебѣ надо уѣхать отсюда и искать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я въ свою очередь вырѣжу въ сосѣдней рощѣ хорошую дубину и безъ сожалѣнія оставлю городъ моихъ славныхъ прадѣдовъ, послѣдую за вами и по мѣрѣ силъ буду вамъ помогать.

Друзья бросились другъ другу въ объятья и прослезились.

— Эхъ! кто можетъ такъ плакать, какъ мы въ эту минуту, тотъ не можетъ считаться несчастнымъ! — воскликнулъ Титъ. — Только надо побольше мужества. Дѣлать нечего, картины придется отдать Жарскому. Конечно, съ твоей стороны это будетъ большой жертвой, такъ какъ тутъ дѣло не столько въ деньгахъ, сколько въ томъ, что онѣ являются воспоминаніемъ лучшихъ минутъ твоей жизни, плодомъ святого вдохновенія, воплощеніемъ грезъ твоей души. Я понимаю, тебѣ очень тяжело разстаться съ ними, но все-же — что значить твоё страданіе, въ сравненіи съ муками иныхъ людей, изнывающихъ подъ гнетомъ нищеты, насилія и многихъ другихъ бѣдствій? Все въ мірѣ относительно. Бѣдность, какъ смерть, страшна лишь тѣмъ, которые имѣютъ странное и невѣрное представленіе о ней. А по моему, если у человѣка есть хлѣбъ, свобода, спокойная совѣсть, да если Богъ еще дастъ любящую жену и вѣрнаго друга, то вотъ и счастье! Неужели этого не довольно?

При послѣднихъ словахъ Тита къ нимъ почти неожиданно приблизился Жарскій.

— А, куда это вы, господа? — спросилъ онъ съ улыбкой.

— Возвращаемся домой.

— Такъ, значить, завтра мы рѣшимъ? — сказалъ старикъ, обращаясь къ Яну.

— Даже сегодня, если вамъ угодно, — почти машинально отвѣтилъ художникъ.

— О! сегодня! зачѣмъ же такъ спѣшить?

— Сегодня, завтра, словомъ, на-дняхъ, такъ какъ я уѣзжаю отсюда, — разсѣянно говорилъ Янъ.

— Какъ-такъ? Да вѣдь ваша жена на-дняхъ должна разрѣшиться отъ бремени?

— Вскорѣ послѣ болѣзни мы уѣзжаемъ.

— А! а! въ такомъ случаѣ, завтра. До свиданія!

Старикъ удалился.

Художникъ предложилъ своему другу провести вечеръ вмѣстѣ возлѣ больной.

— Не могу, — съ нѣкоторымъ смущеніемъ сказалъ Титъ: — у меня работа.

— Какая же?

— А, это моя тайна.

Скульпторъ улыбнулся и, крѣпко пожавъ Яну руку, ушелъ.

Съ нѣкотораго времени Титъ избѣгалъ бывать на дому у Яна, въ виду того, что пошли сплетни по поводу его дружескихъ отношеній къ Ядвигѣ. Это произошло оттого, что Титъ бывалъ у художника почти каждый день и часто проводилъ время съ молодой женщиной въ отсутствіе мужа. Скульпторъ, желая прекратить всѣ эти толки, все рѣже и рѣже посѣщалъ своего друга и старался встрѣчаться съ нимъ гдѣ-нибудь на улицѣ или у общихъ знакомыхъ.

На слѣдующій день, около полудня, Жарскій пришелъ къ художнику. Мамоничъ, изъ боязни, чтобы другъ его не уступилъ за безцѣнокъ своихъ картинъ, счелъ необходимымъ присутствовать при переговорахъ.

— Прежде всего, — заявилъ старикъ, — подсчитаемъ, сколько вы мнѣ должны.

Онъ вынулъ свою записную книжку и началъ очень аккуратно считать. Въ итогѣ оказалось съ процентами три тысячи.

— «Адониса», — проговорилъ Жарскій, — я оцѣниваю въ сто червонцевъ и клянусь всѣми святыми, что это прекрасная цѣна.

— Берите, — отвѣтилъ Янъ.

— О! нѣтъ, — возразилъ Мамоничъ, — вы, почтенный старичекъ, берегитесь пользоваться несчастнымъ положеніемъ моего друга, а то вѣдь со мной шутки плохія. Это уже слишкомъ! Давайте полтораста. Остатокъ долга покроется вашимъ портретомъ, а за другія картины уплатите наличными.

— Оставьте меня въ покоѣ! У меня нѣтъ наличныхъ. Три тысячи — это мой двухгодичный доходъ.

— Не морочте добрыхъ людей. Быть можетъ, вы забыли, сколько хранится вашихъ денегъ у епископа, такъ я вамъ напомнимъ...

Старикъ смутился.

— Что мое, то мое, — пробормоталъ онъ, — вамъ нѣтъ никакой надобности считать чужія деньги.

— Любезнѣйшій, — прошепталъ ему на ухо Мамоничъ, — если вы будете слишкомъ уже обирать людей, то даю вамъ честное слово, что я всеѣмъ расскажу про бригадиршу.

Старикъ порывисто схватилъ за руку Тита и просилъ его молчать. Жарскій, несмотря на свой очень почтенный возрастъ былъ влюбленъ, но тщательно скрывалъ это отъ всеѣхъ. Онъ стыдился своего чувства, но, несмотря на всеѣ усилія, не могъ преодолѣть его. Предметомъ нѣжной страсти Жарскаго была красавица вдова бригадирша Веймичъ. Это божество отчасти пользовалось его средствами для удовлетворенія своихъ довольно широкихъ потребностей. Старикъ боялся бригадирши, такъ какъ, не взирая на его частыя подарки, она относилась къ своему поклоннику свысока и нерѣдко вмѣсто благодарности ругала его.

Напоминаніе о красавицѣ-бригадиршѣ много помогло Яну. Жарскій согласился на предложенныя ему условія, но отказывался пріобрѣсти другія картины.

— Скажите, что вы дадите мнѣ за остальные картины? — съ отчаяніемъ воскликнулъ художникъ. — Я не скрываю отъ васъ своего стѣсненнаго положенія, у меня долги и мнѣ необходимо ихъ продать.

— Вы желаете продать все, рѣшительно все, — медленно проговорилъ Жарскій, — не исключая портрета француженки въ образѣ Сивиллы?

— Не исключая, — подхватилъ скульпторъ.

— Ее мнѣ хочется оставить, — робко прошепталъ Янъ.

— Зачѣмъ? — строго сказалъ Титъ, впервые замѣтивъ, что въ душѣ его друга какъ-бы жило еще воспоминаніе о прекрасной Эльвирѣ. — Берите и ее, — обратился онъ къ старику, — сколько дадите?

— Право, затрудняюсь сказать; кромѣ того, у меня въ настоящій моментъ денегъ нѣтъ, придется занять.

— Не выдумывайте.

— Проценты придется платить.

— Что даете?

— Осталось, кажется, пять штук? Ну, что же, дамъ пятьсотъ рублей.

— Давайте тысячу!

— Невозможно!

— Семьсотъ пятьдесятъ.

— Ну, шестьсотъ и оставьте меня въ покоѣ! — сказалъ старикъ.

— Согласенъ, — съ усиліемъ проговорилъ Янъ.

Поручивъ Мамоничу получить съ Жарскаго деньги, онъ ушелъ къ Ядвигѣ, у которой уже засталъ акушерку.

Весь вечеръ Янъ провелъ въ бѣготѣ по разнымъ мелкимъ кредиторамъ, которые ежедневно напоминали ему о долгѣ.

Когда наконецъ, расплатившись со всѣми онъ вошелъ къ женѣ, на кровати лежалъ уже спеленутый ребенокъ. Трудно описать тѣ чувства, которые овладѣли Яномъ, при видѣ этого маленькаго беззащитнаго существа.

Онъ чувствовалъ себя счастливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастнымъ; несчастнымъ потому, что сознавалъ свое безсиліе въ борьбѣ за существованіе. По цѣлымъ днямъ Янъ просиживалъ у постели жены и ребенка, будучи не въ силахъ отъ нихъ оторваться, а между тѣмъ время проходило, деньги быстро исчезали, а работы все еще не было.

Мамоничъ, сознавая весь ужасъ положенія своего друга, приходилъ въ отчаяніе.

Спустя двѣ недѣли, когда Ядвига встала съ постели, Янъ побѣждалъ искать какого-нибудь занятія. Сначала онъ отправился къ портретисту Мручкевичу, но тотъ встрѣтилъ его холодно и даже насмѣшливо. Не зная, что дѣлать, художникъ поспѣшилъ къ Перли. У крыльца онъ встрѣтился съ его женой Розиной.

Она по обыкновенію была весела и очень кокетливо одѣта.

— А, здравствуйте! — воскликнула Розина. — Мужа, кажется, нѣтъ. Вы имѣете къ нему какое-нибудь дѣло?

— Да, мнѣ-бы хотѣлось черезъ него получить какую-нибудь работу.

— Какъ! у васъ нѣтъ работы? у васъ?

— Давно уже нѣтъ.

— Моему мужу поручили расписать церковь кануциновъ.

Слава Богу! хотя на время избавлюсь отъ этого грубіяна. Навѣстите меня какъ-нибудь вечеркомъ...

— Благодарю васъ, но у меня нѣтъ ни одной свободной минуты.

— Нежели у васъ такъ-таки нѣтъ никакой работы?—снова спросила молодая женщина.

— Рѣшительно ничего нѣтъ, а между тѣмъ у меня жена, ребенокъ...

Розина взглянула на художника съ глубокимъ искреннимъ сочувствіемъ и сказала:

— Значить, слухи о томъ, что вы очень нуждаетесь, справедливы.

— Къ сожалѣнію—да. У меня ничего нѣтъ, даже надежды.

— Странно!—проговорила Розина.—Мужъ мой заваленъ работой, такъ что еле можетъ справиться съ ней. Но онъ, о! я его знаю! онъ ни съ кѣмъ не подѣлится, жадный! Представьте себѣ, онъ даже мнѣ отказываетъ во многомъ.

Такъ разговаривая, они дошли до дверей комнаты. Къ удивленію Розины, Перли былъ дома. Попрощавшись съ Яномъ, она ушла на свою половину.

Послѣ обычныхъ взаимныхъ разспросовъ о здоровьи, художникъ откровенно объяснилъ свое положеніе.

— А!—сказалъ Перли,—вы нуждаетесь въ работѣ! Я, пожалуй, могъ-бы вамъ предоставить кой-что, но съ условіемъ.

Дѣло въ томъ, что онъ, получивъ отъ кануциновъ большой заказъ, не зналъ, какъ справиться съ предстоящей работой, но главное, онъ не имѣлъ понятія о фрескахъ.

— У васъ есть работа!—воскликнулъ Янъ,—Я буду вамъ очень благодаренъ, если вы предоставитъ мнѣ хотя часть полученнаго заказа. У меня жена, ребенокъ, а между тѣмъ художнику здѣсь чрезвычайно трудно устроиться.

— Я этого не нахожу—медленно проговорилъ Перли,—у меня работы по горло.

— Вы очень счастливы.

— Да, кстати. Вы умѣете писать *al fresco*?

— Мнѣ нѣсколько разъ приходилось писать такого рода картины въ Италіи; въ этомъ отношеніи я довольно опытенъ.

— Какъ же это дѣлается?

Янъ сталъ разсказывать, но когда дѣло коснулось перспективы, затѣмъ механическаго процесса и грунтовки, Перли понималъ, что въ разговорѣ этому нельзя научиться.

— Вы поможете мнѣ? — спросилъ онъ.

— Охотно.

— Но работа будетъ считаться моей.

— Какъ-такъ? — спросилъ Янъ.

— Такъ. Все что вы сдѣлаете, я подпишу, — съ наглой улыбкой сказалъ Перли. — Вы будете только моимъ помощникомъ.

Янъ не сказалъ ни слова на это безсовѣстное предложеніе и тотчасъ ушелъ. Розина, сбѣжавъ по другой лѣстницѣ, догнала его и съ волненіемъ прошептала:

— Мой мужъ безъ васъ не обойдется, будьте только тверды и не уступайте.

Ошеломленный этимъ возмутительнымъ предложеніемъ продать свою идею и славу, Янъ разсѣянно выслушалъ совѣтъ Розины и, шатаясь, поплелся домой. Какъ разъ навстрѣчу ему мчался съ пылающимъ лицомъ Мамоничъ. Увидѣвъ Яна онъ на минуту остановился.

— Куда ты такъ спѣшишь? — спросилъ Янъ.

— Прости, дружище, — сказалъ скульпторъ, — но въ жизни у каждаго человѣка бываютъ минуты, когда онъ становится гадкимъ эгоистомъ, вотъ теперь и у меня такая минута. Я спѣшу, лечу, боюсь упустить, быть можетъ, единственный для меня случай. Ты вѣдь знаешь мою идею возсоздать Геркулеса въ борьбѣ со львомъ. Это мечта моей жизни, моя возлюбленная, мое дитя, словомъ, все. Я этимъ живу. И представь себѣ, только что мнѣ сообщили, что черезъ Вильно везутъ въ С.-Петербургъ пару африканскихъ львовъ, пару настоящихъ нумидійцевъ, и вотъ почему я бѣгу во весь духъ добиться разрѣшенія скопировать ихъ.

— Дорогой Титъ, посоветуй: принять-ли предложеніе Перли или нѣтъ?

— Теперь извини и пусти, потому что я не могу выдержать этотъ левъ душить меня! Вдругъ я опоздаю и его увезутъ отсюда, мнѣ тогда придется гнаться за нимъ. До свиданія, лечу!

И онъ сломя голову помчался по улицѣ. Янъ въ эту минуту позавидовалъ своему другу.

— Вотъ Титъ, несмотря ни на что, какъ былъ, такъ и есть художникъ, а я уже ремесленникъ, неудачникъ.

Въ то время, когда Ячъ въ самомъ удрученномъ состояніи духа направлялся домой, Мамоничъ уже былъ на постояломъ дворѣ, гдѣ остановился нѣмецъ съ своими львами.

— Завтра будутъ ихъ показывать, — сказалъ стоявшій на крыльцѣ еврей.

— Завтра! но я хочу ихъ видѣть сегодня, — проговорилъ скульпторъ.

И онъ почти силой вошелъ въ комнату, гдѣ отдыхалъ владѣлецъ львовъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ нѣмецъ, соблазненный деньгами, повелъ скульптора въ конюшню, гдѣ на громадной телѣгѣ стояли клѣтки, въ которыхъ находились два нумидійскихъ льва. Цари пустыни, измученные продолжительнымъ путешествіемъ, спали, какъ убитые.

— Миѣ вовсе этого не нужно! — сказалъ Титъ. — Это чучелы львовъ, но не тѣ львы, о которыхъ я мечтаю! Развѣ они всегда такіе безжизненные и сонливые? — спросилъ онъ нѣмца.

— О, о! мы нарочно ихъ кормимъ до свѣта, чтобы они не были слишкомъ свирѣпы. Иногда, впрочемъ, эти львы поднимаются, немного порѣзвятся, а затѣмъ снова ложатся и дремлютъ.

— И никогда не рычатъ, не злятся, не бросаются, не рвутся?

— Gott bewahr! Сохрани Богъ, — со страхомъ проговорилъ нѣмецъ. — Это могло-бы случиться, если-бы они были голодны, но мы ихъ досыта кормимъ.

— Чортъ побери! — прошепталъ Титъ. — Такіе львы никуда негодятся. Я даромъ только потратилъ деньги; впрочемъ, пождемъ.

И онъ сталъ рисовать льва, но такъ медленно и такъ аккуратно, что хозяину надоѣло ждать и онъ, оставивъ возлѣ клѣтокъ мальчика, ушелъ въ комнату. Мамоничъ подозвалъ къ себѣ мальчика, сунулъ ему въ руку монету и сказалъ:

— Иди-ка купи себѣ пряниковъ, а льву мяса, мы покормимъ его.

Мальчикъ удалился. Титъ, воспользовавшись его отсутствіемъ, отыскалъ какой-то пруть и сталъ слегка дразнить звѣря.

Не привыкшій къ такому обхожденію, но не понимая еще въ чемъ дѣло, левъ поднялъ лапу и отмахнулъ съ носа пруть,

въ полной увѣренности, что это муха. Онъ даже не соблаговолилъ раскрыть глаза.

— А! негодий, тебѣ не хочется злиться, — подумалъ скульпторъ. — Погоди, я тебѣ покажу!

И онъ изо всей силы хлеснулъ льва по лапамъ. Левъ встяхнулся, подвѣлъ голову, открылъ глаза, широко разинулъ пасть и... зѣвнулъ.

— Честное слово! это какіе-то громадные коты, а не львы, — сказалъ Мамоничъ. — Это телята, чортъ возьми! Впрочемъ, попытаю еще.

Онъ сталъ энергичнѣе хлестать прознувшагося звѣря и вскорѣ дѣйствительно раздражилъ его. Левъ съ ревомъ отпрыгнулъ въ сторону, затѣмъ поднялся на заднія лапы, а передними оперся на рѣшетку. Клѣтка, стоявшая на возу и не прикрѣпленная къ нему веревками, покачнулася, и, упавъ вмѣстѣ со львомъ на землю, разбилась, такъ что если-бы скульпторъ вовремя не отпрыгнулъ въ сторону, навѣрно попалъ-бы въ лапы разъяренному звѣрю. Левъ рвался изъ своей темницы и наконецъ, изломавъ ее, освободился и огласилъ воздухъ страшнымъ рычаніемъ. О! какъ онъ былъ прекрасенъ въ своемъ гнѣвѣ! Между тѣмъ его товарищъ, запертый въ другой клѣткѣ, сталъ ему вторить и метаться во все стороны. На шумъ сбѣжались люди, но увидѣвъ, что клѣтка изломана, левъ на свободѣ, а скульпторъ на балкѣ, съ крикомъ бросились вонъ изъ конюшни, попрятались по комнатамъ. Титъ перебрался съ нижней на верхнюю балку и въ полномъ смыслѣ слова наслаждался желаннымъ и столь долго ожидаемымъ зрѣлищемъ. Подъ влияніемъ сильнаго возбужденія онъ все еще продолжалъ дразнить льва, который, хотя истомленный неволей, съ яростью прыгалъ возлѣ балки, желая стащить на землю своего врага. Третій прыжокъ льва чуть-чуть не стоилъ жизни скульптору, такъ какъ звѣрь хватилъ его лапой такъ сильно, что тотъ еле-еле удержался на своей позиціи.

Титъ, почувствовавъ боль въ рукѣ, пересталъ дразнить, но тѣмъ не менѣе не спускалъ глазъ съ льва, чтобы запомнить выраженіе его глазъ и все его малѣйшія движенія, полныя могучей силы, красоты и величія.

Ему впервые удалось видѣть льва въ такомъ состояніи, а

потому онъ наслаждался представившимся ему зрѣлищемъ, какъ, быть можетъ, никогда не наслаждался влюбленный видомъ своей возлюбленной, или какъ скупецъ видомъ скопленнаго золота. Изъ раны его струилась кровь, но онъ забылъ о ранѣ, забылъ рѣшительно обо всемъ и весь обратился въ зрѣніе, насыщаясь страшной, но величественной картиной.

Между тѣмъ на постояломъ дворѣ и въ городѣ происходила суматоха. Кто-то пустилъ слухъ, будто левъ вырвался изъ клѣтки и уже бѣгаетъ по улицамъ.

Всюду закрывали ворота и двери, въ окнахъ и на балконахъ толпились любопытныя.

— Заварилъ я кашу, надо теперь ее расхлебывать, — опомнившись наконецъ, сказалъ Титъ.

Кой-какъ по балкамъ онъ пробрался на чердакъ, оттуда по лѣстницѣ спустился внизъ и вышелъ къ нѣмцу. Тотъ вмѣстѣ съ хозяиномъ гостиницы накинулись на скульптора, воия благимъ матомъ и проклиная его на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Тише! не орите, дьяволы, — прикрикнулъ на нихъ Титъ, — не то я васъ всѣхъ вышвырну въ конюшню ко льву. Даромъ не дерите глотки и успокойтесь, я его снова запру.

Онъ сказалъ это съ такой увѣренностью, что всѣ тотчасъ повѣрили ему.

— Скажите, какъ вы это сдѣлаете? — спросилъ нѣмецъ.

— Не ваше дѣло. Дайте мнѣ толстую веревку, шесть и большой кусокъ мяса.

Все нашлось въ одинъ мигъ.

Мамоничъ снова полѣзъ на чердакъ, спустился на ближайшую балку и увидѣлъ, что левъ преспокойно катается по землѣ вверхъ брюхомъ.

Заманить звѣря въ клѣтку представлялось невозможнымъ, такъ какъ поднять теперь клѣтку было мудрено, да и бесполезно, потому что рѣшетка оказалась изломанной. Титъ осмотрѣлъ все помѣщеніе и увидѣлъ въ глубинѣ конюшни пустой сарай, отдѣленный отъ нея досчатой перегородкой. Дверь въ сарай была раскрыта и вотъ туда-то надо было заманить льва и запереть, но какимъ образомъ?

Скульпторъ на минуту задумался, а потомъ медленно по балкамъ сталъ пробираться къ звѣрю. Приблизившись, Титъ

бросилъ ему кусокъ мяса. Тотъ поднялъ голову, схватилъ мясо и мигомъ проглотилъ. Такъ постепенно, бросая кусокъ за кускомъ, и осторожно перелѣзая черезъ балки, онъ заставилъ льва дойти до самого сарая. Теперь предстояла самая трудная задача: бросить мясо въ глубину сарая, а когда звѣрь прыгнетъ туда, быстро спуститься внизъ и закрыть дверь. Титу такъ счастливо удалось бросить мясо, что оно даже ударилося въ противоположную стѣну сарая. Левъ прыгнулъ за нимъ и скрылся въ темнотѣ. Въ ту-же минуту скульпторъ быстро спустился по веревкѣ на землю и захлопнулъ дверь, приперъ ее коломъ и забаррикадировалъ лѣстницами, корытами, словомъ, всѣмъ, что попало подъ руку.

Левъ, занятый мясомъ, даже не двинулся съ мѣста, а Титъ поспѣшилъ къ хозяину звѣринца и сообщилъ ему, что косматый царь пустыни уже запертъ.

— Идите, — проговорилъ онъ, — почините калѣтку, приставьте ее къ дверямъ сарая, биньте въ нее кусокъ мяса, и левъ, соблазненный пищей, легко попадетъ въ ловушку.

Сказавъ это, Мамоничъ поспѣшилъ къ доктору, такъ какъ только въ эту минуту почувствовалъ сильную боль въ раненой рукѣ. Часъ спустя, онъ уже съ забинтованной рукой лежалъ на кровати и, несмотря на страданія и горячку, лѣпилъ изъ глины модель разъяренного льва.

Между тѣмъ по городу носились слухи о происшествіи, съ каждымъ часомъ принимавшіе все болѣе и болѣе фантастическіе размѣры.

Еще вечеру извѣстіе о происшествіи дошло до Яна. Тотъ безъ шапки побѣжалъ къ своему другу. Но каково-же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ Тита, съ увлеченіемъ работавшаго надъ своимъ львомъ.

— Видишь, безумецъ, — воскликнулъ художникъ, — чего тебѣ стоитъ левъ!

— Но за то онъ уже у меня въ рукахъ, — почти въ экстазѣ проговорилъ скульпторъ. — Не говори мнѣ, чего онъ стоитъ: все это пустяки! Важное дѣло — небольшая ранка! Для своей идеи я пожертвовалъ-бы большимъ. Смотри, какая красота! Теперь недостаетъ только Геркулеса. Развѣ плохая поза? Развѣ эти лапы не обладаютъ силой, развѣ разинутая пасть не

грозна? А теперь, если судьба пошлетъ мнѣ Геркулеса, тогда ты увидишь, какая выйдетъ великолѣпная группа!

Янъ бранилъ своего друга, а тотъ весело смѣялся и называлъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.

Всю ночь потомъ ему чудилось, будто онъ Геркулесъ и борется съ какимъ-то страшнымъ львомъ. Наконецъ, ослабленный значительной потерей крови и страданіями, Титъ крѣпко уснулъ и проспалъ весь слѣдующій день. Докторъ былъ не совсѣмъ доволенъ его рукой, но, вопреки ожиданіямъ, рана стала закрываться и художникъ быстро поправлялся.

Послѣ выздоровленія скульпторъ снова принялся за работу и въ концѣ концовъ вылепилъ льва въ натуральную величину, который занялъ половину всей его комнаты.

Янъ, между тѣмъ, продолжалъ бороться съ судьбой, но, увы, эта борьба превышала его силы. Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ семьей уѣхать изъ Вильно, но не было денегъ на дорогу.

На слѣдующій день Янъ вторично отправился къ Перли, но, къ счастью, встрѣтилъ его на половинѣ дороги и такимъ образомъ избѣгнулъ новаго униженія.

Перли первый обратился къ Яну.

— А! здравствуйте!—сказалъ онъ.—Вы не сердитесь на меня?

— Я! навась?—отчасти съ презрѣніемъ отвѣтилъ художникъ.

— Вотъ и прекрасно! Ну, что работа есть?

— Вскорѣ ожидаю, мнѣ уже обѣщали, но пока я свободенъ.

— Ну, что, можетъ быть, столкнемся? какъ вы думаете?

— Скажите откровенно,—воскликнулъ Янъ,—сколько вы получите за эту работу, сколько вы желаете оставить на свою долю, за то, что ничего не будете дѣлать, да еще пріобрѣтете славу? Я сдѣлаю все, что нужно и подъ вашимъ именемъ. Теперь меня не интересуется слава.

— Вотъ и отлично! Мы сговоримся и составимъ условіе.

— Извольте.

— Видите-ли, другъ мой,—сказалъ Перли, съ фамилиарностью взявъ Яна подъ руку,—я вѣдь не совсѣмъ буду чуждъ этой работѣ. У меня много опыта, вы сами признали это; такъ вотъ я помогу вамъ своимъ совѣтомъ.

— Хорошо, хорошо,—машинально отвѣтилъ Янъ.

— Хотя я не былъ въ Италиі, но тѣмъ не менѣе обладаю большой ловкостью. Что-же касается вознагражденія, то сказать-ли вамъ правду?

Я думаю.

— Мнѣ предлагаютъ всего на всего 3500 рублей, изъ этой суммы предется дать извѣстный процентъ бездѣльнику Мручкевичу за посредничество. Отдѣлаться отъ него нельзя, такъ какъ въ заключенномъ контрактѣ онъ фигурируетъ въ качествѣ компаньона. Я ему за это отомщу! Значить, остается три тысячи, такъ вотъ сколько, по вашему, мнѣ надо взять, какъ главѣ дѣла? Вы вѣдь будете только помощникомъ.

Янъ горько улыбнулся.

— Мнѣ кажется, — продолжалъ живописецъ, — что головѣ слѣдуетъ двѣ тысячи, а рукамъ...

— Господинъ Перли, — воскликнулъ Янъ, — неужели вы серьезно предлагаете мнѣ подобное условіе? Вѣдь вы этой работы совсѣмъ не знаете и даже ее не сумѣете нарисовать болшихъ фигуръ.

Услышавъ это, Перли вздрогнулъ.

— Кто вамъ это говорилъ? Навѣрно бестія Розина или негодай Мручкевичъ. Но это клевета, инсинуація, подлость!

— Никто мнѣ не говорилъ, ни Розина, ни Мручкевичъ; достаточно взглянуть на ваши картины.

Перли прикусилъ губы, и, взявъ за руку Яна, спросилъ:

— Но вы этого не расскажете?

— Я? Развѣ я когда-нибудь говорю о васъ?

— А не расскажете никому о томъ, что будете работать за меня?

— Разъ мы войдемъ въ соглашеніе, никто въ мірѣ не узнаетъ, что писалъ я, а не вы.

— Честное слово!

— Вотъ вамъ рука.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ дамъ полторы тысячи, неужели мало? а?

— Дайте двѣ, я буду работать съ такимъ же усердіемъ, какъ бы для себя, и вы приобретете извѣстность, имя, славу.

— Ей Богу, не могу.... Впрочемъ, такъ и быть; изъ уваженія къ вамъ, я предлагаю тысячу восемьсотъ. Согласны?

Но если останутся краски, — добавил онъ, — то вы ихъ отплатите мнѣ.

Янъ равнодушно пожалъ плечами.

— Конечно, отоплю.

Тотчасъ они отправились писать условіе. Когда оно уже было готово, Перли вручилъ Яну авансомъ пятьсотъ рублей.

Душевное состояніе художника было ужасно, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ скрывать отъ жены какой дорогой цѣной добыты средства къ жизни. Дня черезъ два, надо было разстаться съ женой и ребенкомъ и идти работать.

Вернувшись домой, Янъ печально оглядѣлъ свою мастерскую, въ которой уже не было тѣхъ картинъ, въ которыя онъ вложилъ всю свою душу, взамѣнъ ихъ на стѣнахъ висѣли поспѣшно набросанные эскизы, а въ углу на мольбертѣ стоялъ до сихъ поръ неоконченный портретъ Ядвиги.

Художникъ печально поникъ головой и медленно прошелъ въ комнату жены. Она сидѣла у колыбели ребенка и вязала чулокъ. Въ чертахъ ея лица былъ отпечатокъ глубокаго затасеннаго страданія. Въ послѣднее время Ядвига сильно измѣнилась. Она похудѣла, часто погружалась въ печальное раздумье, на устахъ ея рѣдко мелькала прежняя веселая улыбка. Глаза ея часто устремлялись вдаль, она точно искала, то въ лазури яснаго неба, то во мракѣ ночи, разрѣшенія непонятной таинственной загадки.

Янъ подошелъ къ женѣ, нѣжно обнялъ ее и положилъ передъ нею кошелекъ съ деньгами.

— Наконецъ-то я получилъ работу; конечно, она не важная, но для начала и это хорошо.

Ядвига недовѣрчиво взглянула на него.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросила она.

— Доказательствомъ служить вотъ этотъ задатокъ, но...

— Ахъ! есть «но», — проговорила жена, пристально глядя Яну въ глаза.

— О! и даже очень не хорошее! — сказалъ онъ. — Намъ придется разстаться на нѣкоторое время.

— Это почему, — спросила она.

— Не бойся. Мнѣ надо будетъ уѣхать верстъ за сто отсюда, я долженъ расписать капуцинскую церковь, но ручаюсь

тебѣ, что эта работа долго не продлится. Всѣ эти деньги останутся въ твоёмъ распоряженіи; при твоей бережливости ихъ хватить до моего возвращенія. Миѣ ничего не надо, я пойду пѣшкомъ.

— Господи! пѣшкомъ!

— О! ты не знаешь, какъ пріятно такое путешествіе. Я наслаждаюсь прекрасными видами, срисовываю ихъ, вообще, чувствую себя свободно и легко.

Ядвига на минуту задумалась.

— Какъ это ни тяжело, — сказала она наконецъ, — но дѣлать нечего, надо покориться.

— Отказаться отъ работы невозможно, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы можемъ остаться совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни.

— Когда-же ты намѣренъ отправиться? — какъ бы равнодушно спросила молодая женщина.

— Завтра или послѣ завтра. Зайду только къ нѣкоторымъ знакомымъ и къ Мамоничу, котораго назначу твоимъ опекуномъ. Титъ, какъ истинный другъ, не оставитъ тебя.

Ядвига молча встала съ кресла и стала прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ, время отъ времени утирая набѣгавшія на глаза слезы.

Янъ, погруженный въ глубокую задумчивость, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Утромъ онъ послѣдилъ къ Мамоничу и рассказалъ ему все.

— Слушай! — воскликнулъ Янъ: жестокая необходимость отрываетъ меня отъ жены и отъ ребенка; я поручаю ихъ тебѣ. Деньги, полученные отъ этого негодяя, оставлены женѣ, самъ я иду почти безъ гроша въ карманѣ. Пусть люди говорятъ, что хотятъ, но ты будь опекуномъ моей жены и извѣщай меня обо всемъ. Она слаба, надо слѣдить за ней; въ случаѣ, если ей станетъ хуже, немедленно зови доктора.

И онъ, обезсиленный страданіемъ, упалъ на стулъ, и закрылъ лицо руками.

— Янъ, — проговорилъ Мамоничъ: — не будь бабой; одно изъ двухъ: или съ твердостью переноси нужду, или мужественно продолжай то, что началъ. Ты исполняешь тяжелый долгъ, но священный. Наконецъ ты будешь тамъ писать, создавать, жить духовной жизнью. Если бы мое присутствіе здѣсь не было не-

обходимостью, я охотно послѣдовалъ-бы за тобой. Не безпокойся объ Ядвига и ребенкѣ. Я буду для нихъ отцомъ, братомъ, бабушкой, дѣдушкой, нянькой, словомъ, чѣмъ хочешь; нуждаться они не будутъ.

Отъ Мамонича художникъ пошелъ къ Перли и сообщилъ ему, что завтра идетъ въ капуцинскій монастырь. Перли далъ Яну письмо къ настоятелю и холодно сказалъ:

— Вскорѣ я туда приѣду.

На слѣдующій день художникъ, послѣ трогательнаго прощанія съ женой и ребенкомъ, отправился въ путь. Мамоничъ проводилъ его до заставы. Здѣсь они на минуту остановились.

— Помни, Янъ, — сказалъ скульпторъ, — не поддавайся отчаянію и утѣшай себя тѣмъ, что работаешь для семьи.

— Не забудь, Титъ, что ты обѣщалъ позаботиться о моей женѣ и ребенкѣ.

— Не тревожься. Завтра же я подыщу себѣ комнату недалеко отъ твоей квартиры и ежедневно буду навѣщать Ядвигу.

Друзья обнялись и расстались.

За заставой художника неожиданно нагналъ Юна Пальмеръ.

— Куда вы такъ спѣшите? — спросилъ Юна, дружески взявъ его за руку. — Отчего вы въ такомъ костюмѣ? Что это значитъ?

— Что? Бѣдность и все, что съ ней связано, — проговорилъ Янъ. — Сядемъ вотъ здѣсь подъ деревомъ и я вамъ расскажу все, что произошло со мной за послѣднее время.

Они усѣлись на холмѣ, съ котораго открывался видъ на весь городъ и повели дружескую душевную бесѣду.

Подъ конецъ ея художникъ, указывая рукой на городъ, съ грустью воскликнулъ:

— Тамъ я оставилъ все, что для меня дороже всего въ этой жизни: жену и ребенка! Чтобы какъ-нибудь обезпечить ихъ существованіе, я долженъ работать, какъ ремесленникъ и продавать свое имя, свою мысль бездарному наглому человѣку.

— Почему же вы этого мнѣ не сказали раньше? — проговорилъ Юна. — Въ настоящее время я почти богатъ. Отчего вы не обратились ко мнѣ, вѣдь я-бы съ вами подѣлился. Неужели вы думаете, что во мнѣ также сильна привязанность къ день-

гамъ и своей личности, какъ, къ сожалѣнію, у многихъ моихъ соотечественниковъ?

— О! нѣтъ! нѣтъ! Спасибо вамъ! Надо трудиться самому. Впрочемъ, кто знаетъ, не придется-ли вамъ быть добрымъ гениемъ моей семьи? Я оставилъ на попеченіи благороднаго Тита жену и ребенка, но онъ бѣденъ, какъ я, и самъ можетъ оказаться въ критическомъ положеніи. Повидайтесь съ нимъ и скажите ему, что въ случаѣ, если не хватитъ оставленныхъ мною денегъ, онъ можетъ занять у васъ.

Сказавъ это, Янъ крѣпко пожалъ руку Пальмеру, и хотѣлъ было идти, но тотъ задержалъ его.

— Погодите,—проговорилъ Іона,—я васъ провожу. Если вы не относитесь съ пренебреженіемъ къ моему народу и если вы желаете имѣть во мнѣ друга, то я скажу вамъ то, что чувствуетъ мое сердце... я всей душой люблю васъ!

Дорогой мой,—замѣтилъ художникъ.—я раздѣляю людей только на двѣ категоріи: на честныхъ и злыхъ. Первыхъ я люблю, ко вторымъ отношусь съ состраданіемъ. Вы принадлежите къ числу первыхъ.

— Да благословить и утѣшить васъ Богъ!—воскликнулъ Іона.—Будьте здоровы! Жизнь — странствіе: мы можемъ встрѣтиться еще на какомъ-нибудь пути.

— Дай Богъ,—проговорилъ художникъ, и они разошлись.

Дня черезъ два, Янъ уже былъ въ монастырѣ, гдѣ его, встрѣтили очень радушно. Какъ самъ настоятель, такъ и другіе монахи оказались людьми образованными и ласковыми.

Немного отдохнувъ, послѣ утомительной дороги, художникъ принялся за работу, которая однако его не удовлетворяла.

Несмотря на легкость и блестящую технику, написанныя фигуры казались ему не вполне одухотворенными.

Все посѣтители восхищались замѣчательной композиціей, отличнымъ рисункомъ, прекрасными позами, изящными линіями, но самъ художникъ чувствовалъ, что имъ недостаетъ того религіознаго вдохновенія, которымъ отличаются картины XV и XVI вѣковъ, созданныя пламенной, всепоглощающей вѣрой.

Священники-монахи восторгались великолѣпными произведеніями талантливаго художника, которому тотчасъ предложили

написать для церкви, помимо указанныхъ въ контрактѣ, еще два большихъ образа за особое вознагражденіе.

Пребываніе въ монастырѣ чрезвычайно успокаивающимъ образомъ дѣйствовало на Яна.

Сначала онъ насмѣшливо смотрѣлъ на богослуженіе и разные обряды, затѣмъ равнодушно и наконецъ смотрѣлъ уже вдумчиво, какъ-бы стараясь проникнуть въ тайну глубокой вѣры, которой онъ нѣкогда обладалъ. Его въ особенности поразило то обстоятельство, что въ настоятелѣ и окружающихъ его монахахъ соединялась глубокая, искренняя вѣра съ солидной ученостью. До сихъ поръ Янъ объяснялъ существованіе вѣры слѣпотой и невѣжествомъ; теперь онъ увидѣлъ, что это далеко не такъ, что вопросъ о вѣрѣ очень сложный, требующій глубокаго размышленія.

Съ каждымъ днемъ Янъ все болѣе и болѣе задумывался, все чаще и чаще бесѣдовалъ съ монахами, которые понимая его душевное состояніе, относились къ нему съ глубокимъ сочувствіемъ.

Однажды Янъ, уставъ послѣ работы, сошелъ съ лѣсовъ и медленно прохаживался по совершенно пустой церкви. Неизвѣстно, по какой причинѣ, онъ обратилъ вниманіе на запертую часовню, находившуюся недалеко отъ входа. Ему захотѣлось осмотрѣть ее, и онъ пошелъ къ настоятелю взять ключъ.

У настоятеля въ это время былъ какой-то молодой монахъ.

— Отче, — проговорилъ художникъ, — позвольте мнѣ осмотрѣть вашу маленькую часовню.

Настоятель значительно взглянулъ на молодого монаха и въ нѣкоторомъ смущеніи сказалъ:

— Зачѣмъ? Она, вѣдь, не упомянута въ вашемъ контрактѣ.

— Я знаю, — сказалъ Янъ, — и собственно оттого мнѣ любопытно на нее взглянуть.

— А! не надо быть слишкомъ любопытнымъ, — съ добродушной улыбкой замѣтилъ настоятель. — Тамъ нѣтъ ничего интереснаго.

Между тѣмъ молодой монахъ приблизился къ настоятелю и окинулъ его умоляющимъ взглядомъ. Художникъ, уловивъ эготъ взглядъ, выйдя изъ кельи рѣшилъ во что-бы то ни

стало проникнуть въ таинственную часовню. Онъ замѣтилъ, что туда ежедневно, въ опредѣленные часы ходить тотъ самый монахъ, котораго онъ видѣлъ у настоятеля, запирается на ключъ, и выходитъ изъ часовни только въ сумерки. Нѣсколько разъ Яну удалось подмѣтить на его рясѣ пятна отъ красокъ. Это обстоятельство навело его на мысль, что загадочный монахъ, вѣроятно, пишетъ въ часовнѣ какую-нибудь картину. Янъ спросилъ о немъ настоятеля, но тотъ, не вдаваясь въ подробныя объясненія, просто назвалъ его братомъ Францискомъ.

— Я непременно узнаю, что онъ тамъ дѣлаетъ, — сказалъ про себя художникъ.

Случай благоприятствовалъ ему.

Однажды братъ Францискъ ушелъ обѣдать и забылъ запереть дверь. Янъ не замедлилъ воспользоваться удобнымъ моментомъ и тотчасъ поспѣшилъ въ таинственную часовню. Войдя въ нее, Янъ съ удивленіемъ увидѣлъ тамъ картины, поражающія своей строгой величественной красотой. Всѣ стѣны были расписаны легко и колоритно. Посреди часовни стоялъ мольбертъ, а возлѣ него на небольшомъ столикѣ лежали молитвенникъ и четки.

Произведенія монаха во многомъ отличались отъ его работъ. Фрески и образа по своему характеру напоминали старинныя картины прерафаэлитовъ. Они были написаны въ строгомъ стилѣ, въ нихъ не замѣчалось изящныхъ линий и искусственныхъ контрастовъ, но зато отъ нихъ вѣяло спокойствіемъ, глубиной и возвышеннымъ экстазомъ. Въ этихъ картинахъ не было ничего напыщенного и бьющаго на эффектъ.

Янъ, привыкшій къ нѣсколько вычурному искусству школы Рафаэля Менгса, видѣлъ въ этой живописи что-то устарѣлое, готическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ пзумляющее своей простотой и необыкновенно идеальнымъ выраженіемъ. Изображенные на фрескахъ ангелы съ орудіями муки Христа отличались красотой, такой не земной печалью, что Янъ, заглядѣвъшись на одного изъ нихъ, который, казалось, смотрѣлъ на него и указывалъ на крестъ, ощутилъ въ душѣ своей какъ бы зарожденіе новаго, невѣдомаго чувства.

Самый большой образъ представлялъ Христа въ Геоси-

манскомъ саду. Тоны хотя не отличались мягкостью, колоритъ былъ далеко не легкій, но тѣмъ не менѣе картина поражала несравненной экспрессіей.

— Все это я сдѣлалъ бы изящнѣе, красивѣе для глазъ, — прошепталъ изумленный художникъ, но зато у меня не было-бы такой необыкновенной силы. Это выраженіе лица, движеній, могло явиться только во время молитвы. Оно есть результатъ какъ-бы интуиціи, видѣнія, но не холоднаго размысленія и знанія.

Случайно окинувъ взглядомъ крестъ, молитвенникъ и четки, онъ понялъ, откуда исходило вдохновеніе брата Франциска.

Художникъ въ какомъ-то экстазѣ долго смотрѣлъ на эти произведенія возвышеннаго религіознаго чувства, затѣмъ, опустивъ голову, съ грустью прошепталъ:

— Несмотря на опытъ и знаніе, я не въ силахъ создать что-либо подобное.

Въ эту минуту въ часовню быстро вошелъ монахъ, но, увидѣвъ Яна, въ смущеніи отступилъ къ дверямъ.

Художникъ подбѣжалъ къ брату Франциску и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Прошу прощенія за свое любопытство.

— Ахъ, нехорошо, нехорошо, — проговорилъ монахъ.

— Простите, пожалуйста, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшите загадку, каковой является для меня ваша работа. Кто вамъ далъ это выраженіе, какой волшебной силой вы такъ одухотворили эти фигуры? Кто васъ научилъ?

— Молитва, — тихо отвѣтилъ монахъ.

— Вы великій художникъ! — воскликнулъ Янъ. — Мои произведенія въ сравненіи съ вашими, это тоже, что статуи въ сравненіи съ живыми людьми.

— О! помиуйте! я вѣдь неучъ, не конфузьте меня.

— Вы! Да мнѣ надо у васъ учиться. Я не понимаю, почему вы не расписывали всей церкви!

— Я здѣсь временно, да кромѣ того, развѣ я сумѣлъ-бы, — очень сконфуженный похвалами, сказалъ монахъ.

— Кто-же сумѣлъ-бы, если не вы? — пылко воскликнулъ Янъ. О! какъ были-бы жизненны тѣ фигуры, которыя теперь стоятъ тамъ холодныя, неподвижныя и точно ждуть того, кто одухотворитъ ихъ волшебной силой вдохновенія!

Взволнованный художник сѣлъ на скамью, склонилъ голову и умолкъ. Монахъ дружески взялъ его за руку и съ чувствомъ проговорилъ:

— Братъ мой, вы больны душой, очень больны. Утративъ вѣру, вы лишились покоя. Молитесь, молитесь и молитесь, — вотъ единственный совѣтъ. Взгляните на небо, гдѣ обитаетъ нашъ всемогущій Отецъ, взгляните на землю, гдѣ живутъ наши братья, но отвратите вашъ взоръ отъ себя, ибо, быть можетъ, вы слишкомъ занялись собой. И молитесь! Выкиньте изъ сердца гордость, возлюбите Бога и все человѣчество. Молитва васъ исцѣлитъ.

— Молиться! — сказалъ Янъ — но возможно-ли молиться, когда я не вѣрю?

— Вѣра современемъ явится! Вѣра, этотъ даръ Божій, котораго нельзя пріобрѣсти ни волей, ни другими средствами, но который можно вымолить слезами, внезапно освѣтитъ васъ, какъ восходящее солнце, своими лучами и вы проснетесь въ блескѣ отраженнаго небеснаго сіянія, упадете на колѣни, вознесете благодарственную мольбу къ Богу. Молитесь, — добавилъ онъ, — а я за васъ тоже буду молиться.

Съ того дня Янъ часто приходилъ въ часовню и постепенно два художника очень подружились. Несмотря на совѣты брата Франциска, художникъ не могъ еще обратиться къ вѣрѣ. Монахъ, однако, упрямилъ своего друга не пропускать богослуженій и хотя бы холодно, безъ чувства, исполнять всѣ предписанія религіи и терпѣливо ждать момента духовнаго преобразованія. Янъ, хотя не особенно надѣялся на это средство, но далъ слово, что примѣнитъ его и сдержалъ обѣщаніе.

Спустя нѣсколько дней, послѣ осмотра часовни, монахъ въ дружеской бесѣдѣ разсказалъ Яну кой-что изъ своего прошлаго.

Братъ Францискъ происходилъ изъ обѣднѣвшей дворянской семьи. Молодость его прошла въ безпрестанныхъ странствованіяхъ. Вмѣстѣ съ однимъ своимъ богатымъ родственникомъ онъ посѣтилъ Голландію, Францію, Англію и подъ конецъ Швецію. Въ теченіе этого времени Францискъ испыталъ очень много и ему тѣмъ тяжелѣе было, что онъ совершенно равнодушно относился къ религіи.

На возвратномъ пути изъ Швеціи, корабль, на которомъ онъ ѣхалъ, былъ захваченъ сильной бурей. Францискъ, тогда

еще свѣтскій молодой человѣкъ, опасаясь за свою жизнь, далъ обѣтъ поступить въ монастырь, въ случаѣ неожиданнаго спасенія. Недалеко отъ берега корабль сѣлъ на мель, а на слѣдующій день рыбаки перевезли всѣхъ путешественниковъ на берегъ. Вскорѣ послѣ этого, молодой человѣкъ, вѣрный данному обѣту, поступилъ къ монахи. Подъ вліяніемъ условій монастырской жизни въ немъ незамѣтно совершился переломъ отъ индиферентизма къ вѣрѣ, которая вскорѣ засіяла яркимъ пламенемъ, отраженіе котораго проявилось такъ сильно въ произведеніяхъ его творчества.

Подъ конецъ первой недѣли пребыванія Яна въ монастырь пріѣхалъ Перли. Монахи, судя по работамъ Яна, ожидали, что прибывшій несравненно выше своего ученика. Но каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли въ немъ гордаго самоувѣреннаго неуча, даже неумѣвшаго болѣе или менѣе ловко скрыть свою невѣжественность.

Притворяясь большимъ знатокомъ, онъ вошелъ на лѣса для осмотра картоновъ и плафонной живописи, но, замѣтивъ всю сложность этой трудной работы и рѣшительно не понимая ея, на минуту остолбенѣлъ и не зналъ, что сказать. Въ особенности его смущали огромныя фигуры, снизу казавшіяся очень красивыми, а вверху, наоборотъ, безобразными. Не желая показаться передъ священниками невѣждой, Перли взялся за кисть и попробовалъ было писать, но вскорѣ убѣдился, что тутъ одной ловкостью не возьмешь, какъ въ работѣ масляными красками. Не даромъ Микель Анжелло называлъ работу масляными красками забавой. Сконфуженный Перли сошелъ съ лѣсовъ и дѣлалъ видъ, что даетъ совѣты Яну, который съ насмѣшливой улыбкой, терпѣливо выслушивалъ всякій вздоръ.

Начатыя картины масляными красками показались прибывшему совершенно плохими.

На слѣдующій день, въ надеждѣ, что готовый рисунокъ облегчитъ ему задачу, онъ съ важностью взялся за главный образъ. Тронувъ нѣсколько разъ кистью, Перли убѣдился, что онъ тутъ можетъ только испортить, а потому, долго не думая, отошелъ въ сторону, сославшись на боль въ рукѣ, и вскорѣ уѣхалъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Янъ усиленно работалъ. Добродушные монахи относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и всѣми силами старались уладить ему горечь разлуки съ семьей. Время проходило легче и скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Половина работы была сдѣлана.

Священники, а особенно братъ Францискъ, замѣчая, какъ быстро подвигается работа, часто съ грустью говорили:

— Скучно намъ будетъ безъ васъ, когда вы уѣдете... останьтесь съ нами.

— А жена и ребенокъ?—отвѣчалъ Янъ.—Въ нихъ вся жизнь моя.

Но вотъ наконецъ часть лѣсовъ была снята и меньшіе открытые фрески засіяли чудными красками. Янъ принялся было доканчивать главный образъ, какъ вдругъ какой-то еврей принесъ ему письмо отъ Мамонича. Въ немъ заключалось лишь нѣсколько словъ: «Янъ, пріѣзжай какъ можно скорѣе. Спѣши къ намъ, спѣши!»

— Что случилось?—спросилъ онъ еврея.

Но посланный не могъ дать ему никакихъ объясненій. Художникъ съ письмомъ въ рукѣ побѣжалъ къ настоятелю.

— Отче!—воскликнулъ онъ,—ради Бога, дайте мнѣ коня! Что-то ужасное ждетъ меня въ Вильнѣ. Вотъ письмо, меня экстренно вызываютъ, я заплачу за коня, сколько вы пожелаете.

— Сынъ мой,—сказалъ настоятель,—я не удерживаю тебя, поѣзжай, дамъ тебѣ самаго лучшаго коня, какой только найдется, но подобало-ли тебѣ предлагать за него плату?

Монахъ спокойно подошелъ къ бюро, вынулъ деньги и, вручивъ ихъ изумленному Яну, проговорилъ:

— Вотъ тебѣ на дорогу. И это также на дорогу! — добавилъ онъ, съ волненіемъ осѣняя его крестнымъ знаменіемъ.

Художникъ стремглавъ побѣжалъ въ конюшню, наскоро осѣдлалъ коня и помчался во весь опоръ.

Въ дорогѣ ему поневолѣ пришлось сдѣлать двѣ остановки, такъ какъ конь видимо сталъ уставать.

Дня черезъ два, Янъ былъ уже на мѣстѣ. Войдя въ квартиру, онъ въ первой комнатѣ засталъ Тита, грустнаго и измученнаго.

— Гдѣ они?— еле перевода дыханіе, спросилъ художникъ.

— Тише, тише,—сказалъ скульпторъ,—спить.

— Спать?

— Спить.

— Кто?

— Она.

— А ребенокъ?

— Ребенокъ... Богъ его далъ, Богъ и взялъ. Для его спасенія я сдѣлалъ все, что возможно, собралъ чуть-ли не всѣхъ докторовъ, но, увы, ничто не помогло.

Изъ спальни послышался слабый голосъ Идвиги.

— Янъ пріѣхалъ! иди сюда, Янъ!

Художникъ поспѣшилъ къ женѣ. Она лежала на кровати, блѣдная, исхудалая. Возлѣ нея стояла пустая люлька. Всюду видѣлись чепчики ребенка, его игрушки, съ которыми мать не хотѣла расстаться.

— Нѣтъ моего мальчика!... со слезами воскликнула она:— взяли его. О, переживу-ли я это. Взгляни, Янъ, вотъ его игрушки, чепчики, рубашечки, а его уже нѣтъ. Зачѣмъ-же было родиться? Зачѣмъ страдать? Ну, что эта жизнь? Безпрестанныя разочарованія.

И она рыдала, склонившись надъ чепчикомъ. Художникъ, превозмогая собственныя муки, утѣшалъ жену, какъ могъ, всѣми силами старался отвлечь ее отъ тягостныхъ воспоминаній, но, увы, все было напрасно.

Между тѣмъ Перли, дня черезъ три узнавъ о возвращеніи Яна, поспѣшилъ къ нему. Какъ сухой безсердечный человѣкъ, онъ не могъ понять тѣхъ мученій, которыя переносилъ Янъ, вслѣдствіе смерти ребенка и болѣзни жены, а потому, прійдя къ художнику, сталъ допытываться, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Зачѣмъ? вы, кажется, видите!

— Такъ-то такъ, но работа не окончена.

— Немного осталось, главный образъ и большая часть сводовъ окончены.

— Однако...,—ворчалъ Перли,—они не дадутъ денегъ, пока не будетъ кончено все. Надо вамъ ѣхать назадъ.

— Еще лишь нѣсколько дней,—просилъ Янъ.

— Нѣсколько дней еще можно, а затѣмъ надо торопиться.

Ядвига, услышавъ этотъ разговоръ, тотчасъ позвала Яна.

— Поѣзжай! — сказала она рѣшительно: — поѣзжай, кончай скорѣе и возвращайся. Болѣзнь ребенка, похороны его поглотили всѣ деньги; теперь у насъ опять ничего нѣтъ. Мамоничъ самъ часто нуждается, а то, что прислалъ Юна, надо отдать.

— Поѣду! — съ твердостью сказалъ художникъ, — но ты, дорогая моя, не безпокойся, я скоро вернусь.

Въ тотъ-же день онъ отправился къ Перли поговорить относительно аванса.

— У меня нѣтъ своихъ денегъ, — грубо отвѣтилъ тотъ, — монахи заплатятъ, когда все будетъ кончено.

Отъ Перли Янъ пошелъ къ Жарскому, который недавно съ громаднымъ барышемъ продалъ его картину «Смерть Адониса». Но старикъ жилъ только для бригадирши и клялся, что у него ничего нѣтъ. Наконецъ въ немъ какъ будто заговорила совѣсть, онъ вынулъ пятьдесятъ рублей и съ досадой бросилъ ихъ на столъ. При другихъ обстоятельствахъ художникъ никогда-бы не принялъ такъ грубо предложенной помощи, но теперь ему пришлось стерпѣть это униженіе, такъ какъ дѣло шло о сноихствіи больной жены, которую нельзя было оставить безъ денегъ.

Дня три спустя, Янъ простился съ женой и Мамоничемъ и уѣхалъ. Передъ отъѣздомъ рѣшено было на деньги, которыя дадутъ за работу, переѣхать въ Варшаву. Титъ обѣщалъ отправиться вмѣстѣ съ ними. Но судьба рѣшила иначе.

Въ то самое время, какъ Янъ снѣшилъ окончить свою работу, Ядвига, несмотря на увѣщанія Мамонича, ежедневно уходила на кладбище и проводила цѣлые часы возлѣ могилы своего ребенка. Нѣсколько разъ скульпторъ умолялъ ее беречь свое здоровье и стараться развлечь себя чѣмъ нибудь, но она отвѣчала:

— Дорогой другъ! Зачѣмъ я нужна? Для Яна я только бремя и страданіе. Онъ меня любитъ и страдаетъ изъ за меня. Зачѣмъ мнѣ здоровье, зачѣмъ жизнь? Я охотно послѣдую за своимъ ребенкомъ, чтобы освободить Яна, и буду ждать его въ другомъ лучшемъ мѣрѣ. Всѣ его несчастья начались съ женитьбы. О! не женитесь, Титъ, — добавила она: — художнику не нужна жена! нѣтъ! нѣтъ!

Мамоничу, несмотря на все его старанія не удалось разсѣять печаль бѣдной Ядвиги. Она все чаще и чаще стала покашливать и съ каждымъ днемъ замѣтно теряла силы. Иногда по цѣлымъ часамъ она сидѣла въ креслѣ, устремивъ неподвижный взоръ куда-то вдаль или неутѣшно плакала, склонившись надъ пустой колыбелью покойнаго сына. Титъ скрывалъ это отъ Яны, такъ какъ не хотѣлъ напрасно безпокоить своего друга, которому необходимо было окончить работу.

Тѣмъ не менѣе въ своихъ письмахъ онъ намекалъ художнику, что жена не особенно здорова и попрежнему груститъ. Янъ отвѣчалъ, что скоро вернется. Священники предлагали получить съ нихъ слѣдующую ему часть и такимъ образомъ освободиться отъ Перли. Несмотря на то, что Янъ ни слова не говорилъ о заключенномъ съ Перли условіи, однако вскорѣ все обнаружилось и монахи возмущались безчестнымъ поступкомъ наглаго псевдо-живописца. На предложенія отказаться отъ унижительнаго условія, художникъ съ твердостью отвѣчалъ, что свято выполнитъ принятые на себя обязательства.

Тѣмъ временемъ Мамоничъ былъ въ ужасномъ положеніи. Ядвига положительно таяла, а Янъ все еще работалъ въ монастырѣ. Скульпторъ, призывалъ врачей, развлекалъ молодую женщину, какъ умѣлъ, но ни что не помогало. Теперь онъ не въ силахъ была ходить на кладбище и только по временамъ прогуливалась въ ближайшемъ саду.

Въ довершеніе всего, частые визиты Мамонича къ Ядвигѣ послужили темою для сплетенъ. Однажды, прогуливаясь вмѣстѣ по саду, они встрѣтили Мручкевича съ какимъ-то господиномъ. Портретистъ нагло взглянулъ на Тита и молодую женщину и почти вслухъ сказалъ по адресу ихъ какую-то пошлость. Ядвига, вздрогнула, поспѣшила домой и залилась слезами.

Мамоничъ, не промолвивъ ни слова, какъ бѣшенный, выбѣжалъ на улицу и догналъ Мручкевича.

— Милостивый государь! — проговорилъ скульпторъ, схвативъ его за шиворотъ, — я знаю, что вы дуракъ и подлець, но все же не считалъ васъ окончательнымъ мерзавцемъ, совершенно лишеннымъ чувства чести и такимъ низкимъ клеветникомъ. Что означали ваши слова и смѣхъ?

Мручкевичъ покраснѣлъ и вспыхнулъ.

— Напрасно, — сказалъ онъ, — вы ихъ приняли на свой счетъ и на счетъ жены вашего друга.

— Если вы не будете держать языка за зубами, — крикнулъ Титъ, — такъ я вамъ впихну его въ горло.

— Что означаютъ эти угрозы, оборванецъ?

Мамоничъ отвѣтилъ здоровенной затрепичной и добавилъ:

— Если желаете драться, то завтра я къ вашимъ услугамъ.

Мручкевичъ бросился было на Тита, но въ эту минуту кто-то изъ прохожихъ схватилъ его за руку и отбросилъ въ сторону.

Послѣ такого публичнаго оскорбленія, избѣгнуть дуэли было невозможно. Секунданты условились относительно мѣста и времени. Дуэль должна была произойти въ сосѣдней рощѣ. Мамоничъ съ веселымъ лицомъ поспѣшилъ къ Ядвигъ и, сказавъ ей, что по важному дѣлу ему надо уѣхать въ окрестности, оставилъ ей почти все свои деньги и отправился на мѣсто дуэли. По дорогѣ онъ зашелъ къ Іонѣ Палмеру, но не засталъ его дома; Іона уѣхалъ во Франкфуртъ, оставивъ письмо Яну. Съ этимъ письмомъ Титъ поспѣшилъ на берега Виліи, гдѣ довольно долго поджидалъ своего противника. Наконецъ явился Мручкевичъ въ очень тревожномъ состояніи. Если бы Мамонича не удерживали секунданты, онъ навѣрно по своей горячности изуродовалъ бы всю фizioномію портретисту. Примиреніе оказалось невозможнымъ.

Сначала предполагали драться на эспадронахъ, но потомъ раздумали и взялись за пистолеты. У Мручкевича дрожали руки отъ волненія; скульпторъ, напротивъ чувствовалъ себя прекрасно. По данному знаку раздались выстрѣлы. Мамоничъ упалъ раненый. Пуля пробила ему лѣвую руку, которую искалѣчилъ когда-то левъ. Титъ успѣлъ лишь воскликнуть:

— Однако, счастлива эта рука. Сначала левъ, теперь оселъ.

И онъ лишился чувствъ.

Его тотчасъ перевезли на квартиру. Въ тотъ же день вечеромъ вернулся Янъ. Онъ испугался, увидѣвъ жену совершенно исхудалою и блѣдною. Янъ спросилъ ее про Мамонича, но она не знала гдѣ онъ. Титъ до дуэли прислалъ ей письмо Іоны. Художникъ вскрылъ его и нашелъ тамъ вексель на двѣсти червонцевъ. Въ письмѣ Пальмеръ нѣжно прощался съ Яномъ

«Если,—писалъ онъ,—ваши дѣла поправятся, то отдайте эти деньги моимъ бѣднымъ соплеменникамъ».

— Теперь,—воскликнулъ Янъ,—мы можемъ ѣхать въ Варшаву.

— Обожди!—отвѣтила жена:—я чувствую себя очень слабой, больной.... Ты похоронишь меня возлѣ могилъ бабушки, матери, сестры, нашего дорогого сына и уѣдешь одинъ! Ты будешь свободенъ.

Напрасно мужъ умолялъ ее, чтобы она не думала объ этомъ, чтобы развеселилась, надѣялась на будущее; напрасно онъ рисовалъ ей картину ожидающаго ихъ счастья, увы, всё было напрасно, Ядвига улыбалась, и цѣлуя его, повторяла:

— Нѣтъ, это не для меня, не для меня. Въ нашей семьѣ всё умерло въ молодыхъ годахъ, еле испытать жизнь.

Ядвига была до такой степени слаба, что отъ кровати къ окну ее пришлось вести подъ руку и притомъ раза два останавливаться, чтобы дать больной отдохнуть. Яномъ овладѣло отчаяніе: Ядвига медленно умирала.

Собравшіеся на консилиумъ врачи ничѣмъ не могли помочь, утѣшали по обыкновенію тѣмъ, что природа иногда дѣлаетъ чудеса и въ концѣ концовъ предписали чистый воздухъ, покойство и козье молоко.

Былъ чудный весенній день. Больная велѣла открыть окно и принести ей вѣтку цвѣтущей черемухи. Ея желаніе тотчасъ было исполнено. Она съ наслажденіемъ вдыхала ароматъ цвѣтка и казалась оживленной. Въ душѣ Яна на минуту зародилась надежда. Но, увы, эта была одна лишь иллюзія.

Ядвига задумчиво глядѣла на висѣвшій на стѣнѣ образъ Мадонны, затѣмъ точно что-то вспомнивъ, съ безпокойствомъ спросила:

— А гдѣ-же Титъ? Я хочу его видѣть и поблагодарить за все, что онъ для насъ сдѣлалъ. Что съ нимъ случилось? гдѣ онъ?

Янъ уже зналъ о дуэли, онъ тотчасъ поспѣшилъ къ своему другу и просилъ его, если возможно, навѣстить Ядвигу.

Мамоничъ, съ рукой на перевязи, съ трудомъ послѣдовалъ за художникомъ.

Увидѣвъ на рукѣ Тита перевязку, улыбнулась.

— Что-же это такое? Опять левъ?—спросила она.

— О! нѣтъ, на этотъ разъ только оселъ,—почти весело отвѣтилъ скульпторъ.—У меня рука немного сломана, но это ничего. Какъ же ваше здоровье? лучше? неправда-ли?

— Какъ видите! Мнѣ хорошо, весело, сама не знаю почему, мнѣ теперь такъ легко на сердцѣ. Всему этому причиной должно быть, возвращеніе Яна. Мнѣ даже кажется, что я помолодѣла и также счастлива, какъ въ то время, когда я жила у бабушки, когда впервые я почувствовала, что любима Яномъ... Ахъ, какъ мнѣ легко... хорошо...

Она говорила все медленнѣе, тише и постепенно закрывала глаза.

— Выйдемъ,—прошепталъ Титъ,—быть можетъ, она заснетъ.

Но Ядвига удерживала Яна за руку. Это было ея послѣднее рукопожатіе... Черезъ минуту, пальцы похолодѣли, головка склонилась на бокъ, ласковая улыбка застыла на блѣдныхъ губахъ, душа ея унеслась къ престолу Бога.

Янъ опустился передъ дорогимъ прахомъ на колѣни и громко зарыдалъ. Затѣмъ онъ выбѣжалъ изъ квартиры и направился въ ту церковь, гдѣ происходило его первое прощаніе съ Ядвигой. Почти въ то самое время передъ домомъ художника остановился экипажъ, изъ котораго медленно вышелъ постарѣвшій, истомленный докторъ Фантазусъ. Опираясь на палку, онъ съ трудомъ поднялся по лѣстницѣ и прямо прошелъ въ ту комнату, гдѣ почивала вѣчнымъ сномъ его единственная дочь. Старецъ долго смотрѣлъ на нее, затѣмъ обезсиленный, опустился въ кресло и погрузился въ глубокую задумчивость.

Мимо него проходили женщины, священники, многіе любопытные, Фантазусъ, казалось, не замѣчалъ ихъ; настала ночь, а онъ не поднялся, не двинулся и попрежнему пристально глядѣлъ на умершую.

Художникъ все время въ какомъ-то безнадежномъ отчаяніи блуждавшій по улицамъ, вернулся домой только послѣ полуночи.

Тѣло умершей находилось уже въ первой комнатѣ на высокомъ катафалкѣ, освященномъ двумя рядами свѣтъ. Выраженіе лица Ядвиги было спокойное, свѣтлое и ангельски прекрасное. Янъ приблизился къ умершей и сталъ цѣловать ее, обливаясь слезами.

Внезапно на порогъ, какъ привидѣніе, появился докторъ Фантазусъ и хриплымъ голосомъ воскликнулъ:

— Янъ! Янъ! что ты сдѣлалъ съ моею дочерью?

Художникъ повернулся къ нему и задрожалъ.

— Я оставилъ тебѣ дочь, полную жизни, надежды, а нахожу умершей! Ты виновенъ! Пусть смерть ея падетъ на тебя, но не на меня, что оставилъ ее, предполагая, что привязанность мужа сильнѣе привязанности отца. Бѣдное дитя?

— Отецъ! — воскликнулъ Янъ, упавъ передъ старцемъ на колѣни, — чѣмъ-же я виноватъ? Я любилъ ее всей душою, лелѣялъ, боготворилъ ее и заботился о ней, насколько это было въ моихъ силахъ.

— И все-таки она умерла! умерла! — со стономъ проговорилъ Фантазусъ. — Ея уже нѣтъ, она исчезла для насъ навсегда! Понимаешь-ли? навсегда! О, это ужасно! Ты виновенъ... Впрочемъ, нѣтъ, не ты, нѣтъ! Я, который ее оставилъ, я, который отдалъ ее тебѣ! Ты ни въ чемъ не виновенъ. Я недостаточно ее любилъ, я любилъ науку и она меня убиваетъ. Снова нѣтъ у меня никого на свѣтѣ, никого! Старость пришла, а я одинъ, съ пожирающей меня мыслью. Прикованный Прометей! Нѣтъ дороги къ полюсу, льды! Нѣтъ возможности достигнуть великой цѣли, а между тѣмъ, ради этой цѣли я напрасно растратилъ жизнь. Я не коснулся полюса земли и потерялъ единственного ребенка.

И старикъ съ отчаяніемъ схватился за голову и умолкъ.

Такъ просидѣли они всю ночь у ложа смерти.

На слѣдующій день, утромъ, Мамоничъ, несмотря на то, что ему стало хуже, припелся къ Яну и силою оттащилъ его отъ умершей.

Отецъ занялся всѣми необходимыми приготовленіями къ похоронамъ.

За нѣсколько минутъ до выноса, онъ послалъ за Яномъ. Мамоничъ не хотѣлъ его пустить, но художникъ вырвался и послѣдовалъ за погребальной колесницей. Странные, издавна курсировавшіе слухи о докторѣ и всей его семьѣ, привлекли на кладбище массу любопытныхъ. Когда гробъ былъ засыпанъ землей, Янъ, горячо помолившись, медленно направился домой.

Докторъ Фантазусъ, не уронивъ ни одной слезы и ни съ

къмъ не простившись, зашелъ къ Яну и, видя его все въ томъ же удрученномъ состояніи, спросилъ:

— Отчего ты не возьмешься за работу? Въ трудѣ незамѣтно проходитъ время и забываются страданія.

— Не хочу, не хочу! Молюсь и этого мнѣ достаточно... Да, я теперь научился молиться, хотя, увы, слишкомъ поздно.

И онъ снова погрузился въ свои размышленія, не обращая никакого вниманія на то, что вокругъ него происходило.

Время проходило, но пока ничто не измѣнялось въ его жизни. Янъ выходилъ изъ дому только въ церковь и на кладбище.

Но вотъ однажды утромъ художникъ сталъ суетиться, укладывать вещи, очевидно, собираясь въ дорогу.

— Что это значить?— спросилъ Мамоничъ.

— Иду!—сказалъ Янъ.

— Куда?

— На родину. Жизнь мнѣ надоѣла; ты въ ней, кажется, единственное исключеніе. Я не понимаю искусства при такихъ условіяхъ существованія, какъ наши. Откуда у насъ можетъ явиться вдохновеніе? Нѣтъ! Нѣтъ! искусству можетъ дать жизнь только религія. Иду въ монастырь, тамъ буду молиться, плакать и работать. Чуетъ душа моя, что тамъ только я обрѣту счастье и покой.

Напрасно Титъ старался отговорить его отъ этого намѣренія, увѣщевалъ, упрасивалъ, Янъ былъ непоколебимъ.

Онъ съ грустью взглянулъ на своего друга, потомъ крѣпко обнялъ его и сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя. Ты остаешься въ мірѣ, полномъ разочарованій и мученій и, конечно, будешь страдать. Я, будучи живымъ, иду въ добровольную могилу, изъ которой однако видно небо. Жизнь моя кончена. Ты одинъ лишь для меня былъ чуднымъ явленіемъ, которое ни на одну минуту не переставало восхищать меня. Ты, Ядвига и мать моя останетесь въ сердцахъ моемъ навѣки. Умирая, я вспомню тебя въ своей предсмертной молитвѣ.

Друзья медленно направились изъ города, тихо бесѣдуя о прошломъ. За заставой художникъ снова обнялъ Мамонича.

— Ахъ, если бы когда-нибудь мы встрѣтились въ этой жизни!—со слезами воскликнулъ онъ.

— Я приду къ тебѣ,—сказалъ Титъ.—Кто знаетъ, куда занесутъ меня волны жизни? Такъ до свиданія!

— До свиданія.

Спустя нѣсколько недѣль. Янъ поступилъ въ монастырь и, давъ монашескій обѣтъ, принялъ имя брата Маріана. Вѣра и молитва изцѣлили его, душа успокоилась, лицо прояснилось.

Жизнь его спокойно протекала въ молитвѣ и размышленіи. Въ свободныя минуты братъ Маріанъ занимался живописью, или отправлялся на кладбище, гдѣ были похоронены его родители. Тамъ онъ молился за своихъ близкихъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды братъ Маріанъ по обыкновенію собирался идти на кладбище, какъ вдругъ услышалъ чей-то знакомый голосъ. Онъ обернулся и къ великой своей радости неожиданно увидѣлъ Тита. Друзья бросились другъ къ другу въ объятія. Братъ Маріанъ тотчасъ повелъ дорогого гостя въ свою келью, но въ первую минуту оба они отъ радости не могли вымолвить ни слова.

Титъ съ удивленіемъ глядѣлъ на своего друга, котораго не ожидалъ найти такимъ спокойнымъ и почти веселымъ. Въ лицѣ его была какая-то дѣтская, невинная радость.

Оправившись отъ волненія, братъ Маріанъ нѣжно взялъ за руку скульптора и спросилъ:

— Ну, что, дорогой мой, ты здоровъ, счастливъ?

— Я! какъ видишь! Всегда такой-же сумасшедшій, какъ и былъ. А ты?

— Спокоенъ и настолько счастливъ, насколько можетъ быть счастливъ кануцнъ.

— Что-же ты не спрашиваешь меня про Вильно? Развѣ не интересуешься?

— Напротивъ, расскажи, пожалуйста. Вижу, у тебя есть охота кой-чѣмъ подѣлиться со мной, а потому, слушаю внимательно, хотя сомнѣваюсь, чтобы тамъ многое измѣнилось.

— Перли,—началъ Титъ,—благодаря твоей работѣ, считается теперь великимъ художникомъ. Рисунки и картины, которыя я по твоему порученію продалъ ему для того, чтобы было на что купить надгробные памятники для покойныхъ Ядвиги и сына, сослужили ему хорошую службу. Колоритъ у него сталъ немного лучше, а что касается рисунка, то все оста-

лось по старому. Перли безъ стѣсненія крадутъ, гдѣ только можетъ.

Янъ пожалъ плечами.

— Мручкевичъ, какъ всегда, пишетъ портреты, и, благодаря своей почтенной супругѣ, сталъ здорово выпивать. Эльвира уѣхала въ Парижъ съ какимъ-то эмигрантомъ, каштелянъ женился на дочери богатаго купца.

— А ты? — спросилъ братъ Маріанъ. — Меня вѣдь болѣе всего интересуешь то, что касается тебя. Каковы твои матеріальныя средства, обезпечилъ-ли ты себя подѣ старость?

— О! ты слишкомъ многого захотѣлъ! Стоить-ли теперь ломать надъ этимъ голову? Я до сихъ поръ мечтаю о Геркулесѣ, котораго всюду ищу, и о львѣ, котораго держу подѣ замкомъ. Живу по старому: хлѣбомъ, водой и мечтами объ искусствѣ. Я не женился и не женюсь, ибо художники, по моему мнѣнію, должны пребывать въ безбрачіи.

— Дорогой Титъ! — проговорилъ монахъ, — искусство — дочь вѣры; я понялъ искусство лишь съ того дня, когда надѣлъ монашескую рясу. Свѣтъ не для насъ: онъ соблазняетъ, отвлекаетъ, причиняетъ страданія, беспокоитъ, а покой можетъ дать только вѣра. Здѣсь я чувствую себя счастливымъ. Многимъ людямъ монастырь кажется чѣмъ-то печальнымъ, мрачнымъ, а между тѣмъ въ этомъ однообразіи безмятежной жизни, въ этой невозмутимой тишинѣ заключается единственное возможное на землѣ счастье. По цѣлымъ часамъ я читаю, знакомлюсь съ жизнью и дѣяніями великихъ героев христіанства, а затѣмъ, воспроизвожу на полотно ихъ величественныя фигуры, и это доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе.

— Ты счастливъ! Не понимаю, изумляюсь и благодарю Бога. Но съ кѣмъ ты здѣсь можешь подѣлиться мыслями?

— Мысли! Мои прежнія гордыя, крылатыя мысли я принесъ въ жертву Богу. А теперь вѣра спасаетъ меня отъ нихъ и я стараюсь, чтобы мои мысли были такъ-же чисты и невинны, какъ у ребенка. Душа моя не жаждетъ изліяній, какъ въ то время, когда она тосковала по идеаламъ, тщетно стремясь найти ихъ воплощеніе въ реальномъ мірѣ.

Титъ замѣтилъ на столѣ знакомаго сфинкса, въ хребетъ котораго былъ вставленъ крестъ. Это удивило скульптора.

— Ты смотришь на сфинкса,—промолвилъ братъ Маріанъ,—и удивляешься, что на немъ крестъ. Въ этомъ соединеніи заключается загадка жизни и разрѣшенія ея. Христіанство разрѣшило все,—другой будущей жинью. Сфинксъ не то, чѣмъ считали его въ прежнія времена. Сфинксъ,—это человѣкъ и человечество. Это полу-ангелъ, полу-звѣрь, эта вѣчная загадка разрѣшена безсмертіемъ, борьбою съ низменными страстями, стремленіемъ къ нравственному совершенствованію, стремленіемъ души возвыситься до божества. Когда этотъ идеаль осуществится, тѣло звѣря исчезнетъ, развернутся крылья и сфинксъ улетитъ къ небу. Христосъ разрѣшилъ тысячелѣтнюю загадку и объявилъ намъ, что такое человѣкъ. Древніе тщетно искали разрѣшенія великаго вопроса. Платонъ подъ вліяніемъ Сократа смутно предчувствовалъ то, что намъ повѣдало Евангеліе. Великіе умы въ теченіе тысячелѣтій напрасно стремились отвѣтить оивскому чудовищу. Невозможно понять человека безъ будущей жизни. Это что-то не dokonченное, таинственное. Поэтъ, художникъ, словомъ, человѣкъ, въ духовномъ отношеніи стоящій выше другихъ, еще болѣе является загадкой безъ разрѣшающей ее вѣры въ безсмертіе. Произведенія художника говорятъ лишь о духѣ, скрытомъ въ земной оболочкѣ, но почему этотъ духъ находится тамъ, зачѣмъ онъ борется и къ чему стремится, — на эти вопросы можетъ отвѣтить только христіанинъ. Вы высоко подняли искусство, его произведенія прекрасны, но все-же они холодны, какъ лучи мѣсяца, являющіеся только отраженіемъ великаго свѣтила. Человѣкъ творить, ибо онъ созданъ по образу и подобию Божію, но плоды его творчества не долговѣчны; мысль художника, улетѣвъ въ міръ, блескитъ одну минуту и затѣмъ лопается, какъ мыльный пузырь.

Титъ внимательно слушалъ своего друга, а затѣмъ погрузился въ глубокую задумчивость.

Дня черезъ три, Титъ отправился въ Вильно. Прощаясь съ своимъ другомъ, онъ тихо сказалъ ему:

— Молись за меня.

— При послѣднемъ вздохѣ я не забуду тебя. Мать, жену, ребенка и тебя я вспоминаю въ каждой молитвѣ и никогда васъ не забуду,—съ чувствомъ проговорилъ братъ Маріанъ.

Еще нѣсколько словъ о Мамоничѣ.

Вернувшись въ Вильно, онъ снова принялся за свою работу, которая доставляла ему, какъ всегда, весьма скудные средства къ жизни. Объяснялось это, между прочимъ, тѣмъ, что скульптура вообще теперь не популярна, а у насъ въ особенности. Титъ, однако, не унывалъ и всякія невзгоды переносилъ съ твердостью стоика, утѣшая себя мечтой о своей группѣ Геркулесъ со львомъ.

Съ годами его подчасъ томило одиночество, но каждый разъ, вспомнивъ судьбу Яна, онъ со вздохомъ говорилъ про себя: — Если страдаю, то по крайней мѣрѣ одинъ.

Почувствовавъ, однако, потребность въ какой-нибудь привязанности, онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе бѣдную сироту, сына покойнаго Батрани.

Это былъ необыкновенно красивый и очень способный мальчикъ. Мамоничъ очень привязался къ нему, училъ его, но тотъ въ концѣ концовъ отплатилъ своему благодѣтелю неблагодарностію: обокравъ Тита, мальчикъ бѣжалъ изъ Вильно.

Кто знаетъ, не это-ли бѣгство доканало честнаго Мамонича, такъ какъ вскорѣ послѣ исчезновенія воспитанника онъ умеръ. Въ квартирѣ, гдѣ почилъ вѣчнымъ сномъ скульпторъ, найдены были нѣсколько статуэтокъ, модель огромнаго глинянаго льва, нѣсколько гипсовыхъ бюстовъ и старый плащъ, которымъ покойный прикрывался за неимѣніемъ одѣяла. Все остальное было похищено воспитанникомъ.

За гробомъ его шли только какія-то постороннія, старыя бабы, считающія своей обязанностью присутствовать на всѣхъ похоронахъ. Изъ родственниковъ и знакомыхъ никто не посмелъ нужнымъ отдать послѣдній долгъ покойному.

Похоронили Тита на старинномъ Бервардинскомъ кладбищѣ. На могилѣ его даже не поставили креста, и онъ, лежачъ забытый всѣми, такъ же, какъ былъ забытъ при жизни. А между тѣмъ, это былъ послѣдній потомокъ стариннаго рода Мамоничей и великій, невѣдомый художникъ, который сумѣлъ пренебречь даже славой и, живя въ нищетѣ до гробовой доски, остался вѣренъ своимъ идеаламъ.